

ISSN 0132 - 1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

4
1986

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИЮЛЬ — АВГУСТ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Майорова О. Н.</i> Сотрудничество ВОРС и ОПСД в области культуры (1950—1955)	3
<i>Немец Б.</i> (ЧССР) Февраль 1948 г. и творческое применение КПЧ ленинской теории социалистической революции	16
<i>Степанова Л. И.</i> Подготовка кадров болгарской интеллигенции в России (50—70-е годы XIX в.)	24
<i>Воробьева И. Г.</i> Венецианские источники по истории Далмации XV—XVII веков	34
<i>Муртузалиев С. И.</i> Из истории борьбы болгарских гайдуков против османского ига в XV—XVI веках	43
<i>Головкин А. Б.</i> Проблема политического и военного союза в отношениях Руси и Польши (30-е годы XI — 30-е годы XII в.)	52
<i>Копынский З. Ю.</i> Белоруссия феодального периода в советской историографии 20-х годов	60
<i>Страхова О. Б.</i> К вопросу о греческой филологической традиции в восточнославянской книжной среде (Страничка из истории церковнославянского языка конца XVII — начала XVIII века)	66
<i>Волоцкая З. М.</i> Опыт описания структуры и семантики загадок одного тематического поля	76

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Кишкин Л. С.</i> Художник Ян Ромбауэр (Русский период творчества)	85
<i>Юрченко Т. Г.</i> «Славянская эклога» Федора Глинки	96

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Васнецов О. В.</i> Документы борьбы за мир и безопасность народов	103
<i>Маковецкая Т.</i> Спомени за обявяване на независимостта на България 1908	105
<i>Смирнов С. В.</i> Историографические исследования по славяноведению и балканистике	109

4

1986

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Носов С. Н.</i> Кошелев В. А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов. (1840—1850-е годы)	112
<i>Супрун А. Е.</i> Reinhold Olesch. Thesaurus linguae dravaenopolabicae. T. I—III.	114
<i>Осипова М. А.</i> Słownik języka polskiego	117

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Воробьева Е.</i> XVI заседание Комиссии историков СССР и ЧССР	123
<i>Досталь М. Ю.</i> Третьи Чтения памяти В. Д. Королюка	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), В. А. ДЬЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ,
 В. Г. КАРАСЕВ, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. В. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 117312, Москва, ул. Вавилова, д. 37а

Телефон 124-98-11

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

МАЙОРОВА О. Н.

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОКС И ОПСД В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ (1950—1955)

Связи и сотрудничество Всесоюзного общества культурной связи с границей (ВОКС) и Общества польско-советской дружбы (ОПСД) в 50-е годы осуществлялись в различных областях их деятельности [1; 2]. В настоящей статье раскрываются содержание, формы и масштабы сотрудничества этих организаций в области культуры.

В первое послевоенное десятилетие перед Польшей, среди других, стояли ответственные задачи и в области культуры. В 1949—1955 гг. складывались основы долгосрочной культурной политики, нацеленной на формирование польской социалистической культуры, вооружение культурного творчества марксистско-ленинской идеологией, перестройку общественного сознания.

В первые послевоенные годы советско-польские культурные отношения только начали складываться, шел поиск форм контактов в этом направлении. 1950 год был переломным в области культурного сотрудничества, планы которого стали предусматривать использование в большей мере опыта СССР [3, 1951, с. 46; 4, с. 91].

С советской стороны организатором сотрудничества являлось Всесоюзное общество культурной связи с границей, а с польской — Комитет культурного сотрудничества с границей при Совете Министров Польши (ККСЗ), созданный в июле 1950 г., и Общество польско-советской дружбы. Бюро ККСЗ подчеркивало, что массовый обмен культурными ценностями «полностью находится в руках ОПСД, которое непосредственно поддерживает связь с ВОКС и получает от него все необходимые материалы и информации» [5, с. 24]. Очень тесно ОПСД сотрудничало также с УкрОКС, БелОКС. ОПСД развитие культурных связей подчиняло главной задаче — оказанию помощи партии и государству в осуществлении культурной революции.

Сотрудничество ВОКС и ОПСД, игравшее большую роль в советско-польских культурных отношениях, носило многосторонний характер и осуществлялось в области литературы, театрального, музыкального, изобразительного искусства, кинематографии и архитектуры.

Передовая художественная литература необходима в формировании прогрессивных взглядов, подготовке широких масс к социалистическому строительству. Важным событием в культурной жизни Польши стал съезд Союза польских писателей в Щецине в январе 1949 г., за которым последовала целая серия съездов и конференций польских творческих союзов, принимавших решения о переходе на позиции социалистического реализма. Рассматривая проблемы партийности в литературе, борясь против преклонения перед буржуазной идеологией и моралью, польские писатели использовали пример советской литературы.

В послевоенные годы в Польше издавались наиболее известные произведения русских и советских писателей — Л. Толстого, А. Пушкина,

А. Чехова, М. Горького, А. Фадеева, К. Симонова, Б. Полевого и других (в 1949—1955 гг. вышло 6338 названий переводов общим тиражом 100 млн экземпляров) [5, с. 119; 6]. В Советском Союзе большой популярностью пользовались произведения польских писателей и поэтов Г. Сенкевича, Б. Пруса, В. Реймонта, А. Мицкевича, Ю. Тувиима, Я. Ивашкевича, В. Броневского и др. Только с апреля 1954 г. по январь 1955 г. было издано 43 произведения польских писателей тиражом 2 млн 699 тыс. экземпляров [7, 1955, № 4, с. 53].

Пропаганда художественной литературы обеих стран способствовало сотрудничеству ВОКС и ОПСД, имевшее своей целью оказывать всемерную помощь при проведении в Польше и СССР соответствующих мероприятий. Формы такого сотрудничества носили разнообразный характер. Уже в первые послевоенные годы ВОКС оказывало помощь в комплектовании библиотек ОПСД советскими книгами, передавая лучшие художественные произведения русских и советских писателей, различные материалы об их творчестве [8, оп. 17, д. 254, л. 25—28, 34—35; д. 266, л. 60; д. 268, л. 35—36; д. 275, л. 64—65; д. 282, л. 129, 216; д. 296, л. 173, 175; д. 307, л. 15]. Книги и брошюры, получаемые Главным Правлением ОПСД, направлялись в Центральную библиотеку ОПСД и во все воеводские библиотеки Общества, в Польско-советский институт, другие научные и культурно-просветительные организации Польши. Литература на украинском и белорусском языках высылалась в библиотеки Люблинского, Жешовского и Белостокского отделений ОПСД, для сельских клубов и изб-читален, обслуживающих население, знающее украинский и белорусский языки. Для пропаганды советских книг библиотеки ОПСД выпускали стенные газеты с материалами о советской литературе, организовывали лекции на русском языке для школьников и другие мероприятия. Довольно разветвленная сеть библиотек ОПСД давала возможность многим читателям познакомиться с лучшими произведениями русской и советской литературы, помогла при изучении русского языка польскими трудящимися.

Со своей стороны ГП ОПСД помогало ВОКС в укомплектовании библиотеки Общества книгами по истории Польши и польской культуры, значительными произведениями художественной литературы, информационной, справочной и периодической литературой, изданной в Польше [8, оп. 17, д. 266, л. 35; д. 267, л. 165; д. 270, л. 83; д. 273, л. 47; д. 275, л. 66; д. 277, л. 148; д. 279, л. 29]. Через ВОКС ОПСД посылало польские книги и для других советских учреждений [8, оп. 17, д. 274, л. 149].

Взаимному литературному ознакомлению способствовала организация книжных выставок. ВОКС и ОПСД находились в тесном контакте, передавая друг другу необходимые экспонаты для их организации. Используя материалы, присланные ВОКС, и собственные собрания, ОПСД устраивало многочисленные выставки советских книг. В течение Месячника углубления польско-советской дружбы в 1951 г. таких выставок было организовано 19 500 [8, оп. 17, д. 274, л. 196; д. 283, л. 129; 9, 5/76; 10, 1951, № 47, с. 7]. Особенным успехом в 1954 г. пользовалась выставка советских книг (4 тыс. томов) во Дворце молодежи им. Берута в Сталино-груде [9, 4/118, т. 1; 4/113, т. 2]. ОПСД передало к 150-летию юбилею со дня рождения А. С. Пушкина переводы его произведений на польский язык и материалы, свидетельствовавшие о большой популярности поэта в Польше [11, док. 21; 8, оп. 17, д. 254, л. 4; д. 262, л. 89]. В 1955 г. в связи с организацией в Москве и Ленинграде ряда выставок по случаю 100-летия со дня смерти А. Мицкевича ОПСД предоставило литературные и изобразительные материалы о Мицкевиче [11, док. 277; 8, оп. 17, д. 304, л. 223].

Обмен делегациями по линии ВОКС и ОПСД, в состав которых входили известные деятели культуры, а также целевые поездки писателей и поэтов в Польшу и СССР в значительной степени способствовали взаимной популяризации советской и польской литературы, установлению творческих контактов, обмену опытом, взглядами на искусство и его общественную роль. В 1950—1952 гг. Польшу посетили советские литераторы Н. Тихонов, М. Рыльский, М. Танк (в связи с Днями Мицкевича), А. Сур-

ков и Л. Дмитерко (в связи с работой V съезда польских писателей), А. Караваева (в связи со 100-летней годовщиной со дня смерти Н. В. Гоголя) и др. В 1953 г. в составе делегации ВОКС в Польшу был писатель Н. П. Бажан [9, 3/162; 7/33; 11, док. 9; 10, 1950, № 27, с. 6; 12, 1952, 24 IV]. Во время Дней белорусской культуры, проходивших в рамках Месячника углубления польско-советской дружбы осенью 1955 г., в Польше находилась делегация БелОКС в составе писателей П. Бровки, М. Танка, А. Кулешова, П. Пестрака, Я. Брыля и И. Шамякина. Они встречались со своими коллегами, молодежью, рабочими коллективами, рассказывали о творческих планах. В организации этих встреч принимали участие деятели воеводских правлений ОПСД и активисты кружков ОПСД [11, док. 311; 9, 7/33, т. 2; 4/113, т. 2].

Советский Союз в начале 1953 г. посетила делегация польских писателей во главе с первым секретарем Союза польских писателей Е. Путраментом. Эта поездка отражена в польской прессе, а также в книге «Среди друзей», которую критика оценила как безусловно удачную литературную форму пропаганды польско-советской дружбы [11, док. 159, 160, 209]. В том же году в связи с Месячником углубления польско-советской дружбы в Советском Союзе находились писатели Ю. Стрыйковский, А. Ковальская и М. Домбровская, встретившиеся с советскими литераторами А. Караваевой и А. Твардовским, посещавшими Польшу в послевоенное время, Л. Никулиным и Э. Казакевичем, посвятившими не одну страницу своих произведений польскому народу, Н. Асеевым, П. Антокольским, М. Светловым и другими, которые занимались переводами польской поэзии. Польские гости приняли участие в организованном Союзом писателей СССР и ВОКС вечере польской литературы [7, 1953, № 11, с. 63]. По приглашению БелОКС осенью 1954 г. в Белоруссию прибыла делегация ОПСД во главе с проф. Г. Яблоньским. В Минске, Гомеле, Могилеве, Гродно на вечерах советско-польской дружбы члены делегации рассказывали о творчестве мастеров слова новой Польши, а белорусские писатели К. Крапива, М. Танк, Я. Брыль и другие — о новых произведениях литераторов Советской Белоруссии, об издании книг польских писателей в республике [13, 1954, 5 X]. В проводившихся в это же время мероприятиях на Украине и в Москве, посвященных советско-польской дружбе, приняли участие члены польской писательской делегации [7, 1954, № 11, с. 62].

ОПСД активно пропагандировало советскую художественную литературу, организуя литературные конкурсы на лучшее произведение о польско-советской дружбе, лучший перевод советской прозы или декламацию произведений [11, док. 110; 9, 5/81; 4/114; 4/86; 4/125; 10, 1951, № 46, с. 10], устраивая литературные вечера и читательские конференции. Во время Месячника 1952 г. только в Лодзинском воеводстве таких вечеров состоялось 550, из них 152 — в деревнях [9, 5/17]. Во время дискуссий, возникавших в ходе таких вечеров, на страницах прессы, в письмах писателям польские читатели высказывали свое мнение о тех или иных произведениях русских и советских авторов, подчеркивая при этом их положительное воздействие, особенно на молодежь [14, д. 57, л. 7, 9].

В Советском Союзе также организовывались вечера и читательские конференции, популяризовавшие польскую литературу. Так, в декабре 1952 г. на московском заводе «Компрессор» состоялась читательская конференция, посвященная польской литературе, на которой присутствовали члены находившейся в СССР делегации польских писателей во главе с Е. Путраментом [11, док. 158; 14, д. 45, л. 25].

В Польше широко отмечались юбилейные даты жизни русских и советских писателей, а в Советском Союзе — польских писателей. В Польше, начиная с июня 1949 г. по январь 1950 г., отмечался Год Пушкина, в 1950—1955 гг. проводились мероприятия, посвященные М. Горькому, М. Салтыкову-Щедрину, Н. Гоголю, А. Чехову, в которых участвовали советские писатели и литературоведы. Например, на торжественном вечере в Варшаве, состоявшемся в июле 1954 г. в связи с 50-й годовщиной со дня смерти А. П. Чехова, выступил советский профессор И. Анисимов

[11, док. 227]. В Советском Союзе в этот период торжественно праздновались юбилейные даты жизни Б. Пруса, Э. Ожешко, М. Конопницкой, Ю. Тувима, Я. Ивашкевича. В конце 1955 г. в СССР отмечалось 100-летие со дня смерти Адама Мицкевича. Этой дате был посвящен торжественный вечер, устроенный 26 ноября в Москве Советским комитетом защиты мира, Союзом писателей СССР, ВОКС и АН СССР, на котором собрались деятели науки, литературы, искусства, представители общественных организаций, на нем присутствовал и В. Броневский. Посол ПНР в СССР В. Левиковский в своем выступлении отметил, что нигде за пределами родины поэта любовь к А. Мицкевичу не проявляется так ярко и искренне, как в Советском Союзе [11, док. 313]. Этот юбилей был широко отмечен общественностью Белорусской ССР. На родине поэта в г. Новогрудке Гродненской области в дни торжеств был открыт дом-музей А. Мицкевича. В его постоянную экспозицию музеем им. А. Мицкевича в Варшаве была подготовлена и передана 30 сентября 1955 г. выставка [14, д. 97, л. 3—5; 9, 4/113].

В рассматриваемый период польские театры часто ставили на своих сценах пьесы, оперы и балеты русских и советских драматургов и композиторов, получая всестороннее содействие ВОКС и ОПСД. Театры Польши непосредственно или через ОПСД обращались в ВОКС с просьбами о высылке текстов пьес, фотографий сценического оформления и ведущих исполнителей, режиссерских комментариев. К проходившему в Польше в 1949 г. I фестивалю советской драматургии ВОКС отправило 75 названий советских и русских классических пьес (245 экз.) [8, оп. 17, д. 254, л. 5—6], в 1950 г. — книгу Н. Горчакова «Режиссерские уроки К. С. Станиславского», материалы для постановки пьес М. Светлова «Двадцать лет спустя», А. Корнейчука «Калиновая роща», В. Розова «Ее друзья», балета «Красный мак» Р. Глиэра, опер «Хованщина» М. Мусоргского, «Демон» А. Рубинштейна и другие [8, оп. 17, д. 265, л. 12, 21—22, 26, 95, 119, 149, 190; д. 266, л. 100, 173; д. 267, л. 145]. В 1951 г. Театр Польский получил фотографии постановок пьесы А. С. Грибоедова «Горе от ума» в Малом театре и МХАТе, а Государственный общедоступный театр в Варшаве — пьесу А. Н. Островского «Бесприданница». Были переданы также 50 пьес современных авторов [8, оп. 17, д. 267, л. 145; д. 269, л. 154, 201; д. 272, л. 67; д. 277, л. 141]. В следующем году для Польского театра в Радоме были направлены пьеса К. Симонова «Так и будет» и ноты «Офицерского вальса» М. Фрадкина [8, оп. 17, д. 282, л. 21], в 1953 г. — фотографии и сценический текст спектакля МХАТа «Воскресение» Л. Толстого для Театра Польского и фотографии спектакля того же театра «Платон Кречет» А. Корнейчука для Общедоступного театра в Варшаве [8, оп. 17, д. 287, л. 137], в 1954 г. — материалы к спектаклю «Баня» Московского театра сатиры для Нового театра в Лодзи [11, док. 241], в 1955 г. — 20 пьес, в том числе пьесы В. Катаева «За власть Советов», А. Арбузова «Домик на окраине» и другие [9, 33/9]. В этот же период по просьбе руководства краковских драматических театров были направлены материалы, необходимые для создания национального колорита при постановке пьесы Л. Толстого «Плоды просвещения», которую краковская публика была лишена возможности смотреть в санационное время. Пьеса была поставлена и шла с неизменным успехом [8, оп. 17, д. 285, л. 46; д. 294, л. 87].

В первые послевоенные годы польский зритель находил в постановках советских пьес освещение современных проблем. Интерес вызывали пьесы «Московский характер» А. Софронова, «Макар Дубрава» А. Корнейчука, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Педагогическая поэма» А. Макаренко, «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского, «Человек с ружьем» Н. Погодина и др. Постановка произведений советской драматургии позволяла польскому зрителю лучше понять советское общество, что служило сближению обоих народов и углублению идейного воздействия театра на формирование общественных позиций польских трудящихся. Делу познания польским народом истории русского народа, расширению круга нравственных и психологических проблем, имевших общечеловеческую ценность, способствовали спектакли русской классики — такие, как

«Три сестры» А. Чехова, «Горе от ума» А. Грибоедова, «Без вины виноватые» А. Островского.

Знакомству польского народа с русским и советским театральным искусством способствовали тематические выставки, передававшиеся ВОКС в Польшу: «125-летие Московского Малого театра», «Спектакли МХАТ им. М. Горького» и другие [8, оп. 17, д. 267, л. 9; д. 275, л. 34; д. 310, л. 23].

ВОКС оказывало также содействие в установлении контактов между театральными организациями Польши и Советского Союза. Художественные руководители польских и советских театров через ВОКС вели дружескую переписку, укрепляли личные контакты. Главный режиссер театра им. Моссовета Ю. А. Завадский, например, переписывался с несколькими польскими театральными коллективами, стремясь способствовать успеху советских пьес [8, оп. 17, д. 308, л. 46, 49—50; д. 282, л. 92]. В октябре 1951 г. художественный руководитель Московского Центрального театра кукол С. В. Образцов в письме в адрес редакции польского журнала «Teatr lalek» писал: «Желаю вам ощущать нужность своей работы в великом деле воспитания человеческих душ в духе дружбы между народами, и особенно в воспитании детей, будущих граждан вашей прекрасной страны, память о которой все мы, побывавшие у вас в гостях, храним в наших сердцах» [8, оп. 17, д. 278, л. 97]. С. В. Образцов вел переписку и с другими театрами [8, оп. 17, д. 283, л. 101, 102; д. 287, л. 116].

Польские мастера сцены знакомились с советским театральным искусством и во время пребывания в СССР — в мае-июне 1950 г., в конце 1951 г., осенью 1953 г. и т. д. Они изучали в Москве лучшие спектакли МХАТа, Малого театра, театра им. Вахтангова и других, участвовали во встречах с членами театральной секции ВОКС, рассказывая о театральной жизни Польши, обсуждая интересующие проблемы [15, 1950, 3 VI; 16, 1950, № 11, s. 47—56; 1952, № 1, s. 8—10; 17, 1954, № 14, s. 6].

Советские артисты делились опытом с польскими коллегами также во время пребывания на гастролях в народной Польше, как правило, приуроченных к месячникам углубления польско-советской дружбы и являвшихся их составной частью. За рассматриваемый период в Польше побывали лучшие театральные коллективы Советского Союза: Ленинградский драматический театр им. А. С. Пушкина, Драматический театр им. Моссовета, Малый театр, театр им. Е. Вахтангова, Киевский украинский драматический театр им. И. Франко, Белорусский драматический театр им. Янки Купалы и др. В репертуаре театров были современные и классические пьесы — «Васса Железнова», «Варвары», «Егор Булычов и другие» М. Горького, «Шторм» В. Билль-Белоцерковского, «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Маскарад» М. Лермонтова и др. Большую помощь в организации и успешном проведении гастролей оказывали отделения и кружки ОПСД.

Гастроли советских театров представляли чисто профессиональный, художественный интерес для польского театра, который стремился к овладению методом социалистического реализма. Польский режиссер А. Бардини писал, что гастроли украинского театра им. Франко — «это впечатление не только художественного, артистического характера, но и творческий театральный семинар, ... из выступлений театра мы узнали больше, чем из множеств публикаций» [10, 1951, № 3, s. 6]. Обмен опытом во время гастролей осуществлялся и на творческих встречах, конференциях, чтениях лекций о советском искусстве, выступлениях в прессе. Во время пребывания в Польше театра им. Моссовета советские артисты прочитали 21 лекцию о советском искусстве, провели 13 творческих встреч с деятелями искусства Польши [8, оп. 17, д. 288, л. 149]. Важным результатом гастролей было и то, что они вызывали со стороны польских трудящихся повышенный интерес к СССР, его социалистической культуре, который всюду сопутствовал выступлениям советских артистов.

В Советском Союзе с большим успехом шли оперы С. Монюшко «Галька» и «Страшный двор», пьесы «Дамы и гусары» А. Фредро, «Мария Стюарт» Ю. Словацкого и др. Часть пьес и других материалов была получена

через ВОКС, в частности, «Немцы» Л. Кручковского, рисунки костюмов действующих лиц, эскизы декораций для постановки оперы «Страшный двор», партитура оперы Т. Шелиговского «Бунт жаков» [8, оп. 17, д. 273, л. 54; д. 277, л. 37; д. 282, л. 168; д. 289, л. 23; оп. 21, д. 125, л. 179; д. 140, л. 154].

Ознакомлению советских зрителей с польским оперным и драматическим искусством способствовали гастроли Познаньского театра оперы и балета, проходившие в декабре 1952 г. — январе 1953 г. Осенью 1954 г. в Москве, Ленинграде и Киеве гастролеровали варшавские Театр Польский и Камерный, показавшие пьесы Л. Кручковского «Юлиан и Этель», Б. Пруса «Кукла», А. Фредро «Муж и жена», Е. Юрандота «Такие времена». В рецензиях советской прессы отмечалось мастерство польских артистов и их способность решать сложные задачи сценического искусства. Их спектакли и участие артистов Познаньского оперного театра в заключительном концерте в Большом театре Союза ССР в январе 1953 г. не только обогатили советских артистов и зрителей свежими художественными впечатлениями, но и помогли еще глубже ощутить растущие дружеские связи советского и польского народов [15, 1952, 27 XII; 1953, 3 I; 18, 1953, № 3, с. 38—45; 19, 1953, № 2, с. 82—84; 20, 1954, 28 IX, 2 XI].

Большое внимание уделялось контактам и в области кинематографии, так как кино является мощным оружием идеологического воспитания трудящихся. В рассматриваемый период польских лент было сделано немного, поэтому советские фильмы играли большую роль в формировании социалистического сознания польского общества, особенно молодого поколения.

С целью популяризации советского киноискусства в Польше проводились фестивали, дни и недели советского фильма, как правило, в рамках месячников углубления польско-советской дружбы. На польских экранах были показаны лучшие советские кинокартины, в том числе — «Броненосец Потемкин», «Как закалялась сталь», «Чапаев», «Подвиг разведчика», «Адмирал Ушаков» и другие художественные и документальные фильмы [11, док. 61, 102, 311; 9, 5/53, т. 1; 4/113, т. 2; 21, 1952, № 6, с. 10; 1953, № 40, с. 3; 10, 1952, № 46, с. 14]. Для участия в фестивалях советских фильмов в Польшу прибывали советские кинематографисты, которые встречались со зрителями и деятелями польского кино (во Вроцлаве во время кинофестиваля 1953 г. ОПСД организовало встречу с представителями советской кинематографии, где присутствовали 15 тыс. человек) [21, 1953, № 46, с. 3; № 44, с. 8—10].

Польская пресса публиковала интервью с советскими кинематографистами, печатала рецензии и высказывания зрителей о фестивальных фильмах [21, 1953, № 12, с. 10; № 34, с. 10—11; 10, 1952, № 34, с. 10]. После просмотра фильма «Волго-Донской канал» в газете «Gromada» подчеркивалось значение советских фильмов для углубления польско-советской дружбы: «Благодаря фильмам мы узнаем жизнь, труд и достижения советских людей. На их примере мы учимся преодолевать трудности, которые встречаем в своей работе. Мы видим также, какое значение имеет коллективная работа, узнаем выгоды, которые дает техника и т. д. Фильм „Волго-Дон“ должен быть как можно шире распространен, чтобы больше людей ознакомились с мощью советского строительства» [21, 1953, № 43, с. 14].

Об огромной популярности советских фильмов говорит и количество зрителей, просмотревших фестивальные фильмы. Если в 1949 г. их было 12 млн, то в 1955 г. — более 22 млн человек [11, док. 102, 252; 9, 5/53, т. 1; 4/105; 4/118, т. 2; 10, 1951, № 1, с. 10]. Увеличению числа зрителей способствовала, в частности, пропагандистская работа ОПСД. Члены ОПСД выступали перед сеансами с лекциями, организовывали показы фестивальных художественных, научно-популярных и спортивных фильмов — причем не только на предприятиях и в школах, но и в отдаленных сельскохозяйственных кооперативах. Например, в 1950 г. в Катовицком воеводстве ОПСД организовало 215 киносеансов в городах для 36 тыс. зрителей и 45 сеансов в сельской местности для 5 тыс. зрителей [9, 5/53, т. 1; 5/17]. Передвижные киноустановки снабжались брошюрами, пла-

катами, лозунгами. Издавались специальные стенные газеты о советских фильмах, которые вывешивались не только в фойе кинотеатров, но и в читальнях, на вокзалах, предприятиях, в школах.

Уполномоченный ВОКС в Польше организовывал в Центральном клубе ОПСД для его актива просмотры почти каждого поступавшего в ПНР полнометражного фильма [8, оп. 17, д. 303, л. 97]. Активную помощь оказывало ВОКС в обмене короткометражными, документальными, научно-популярными фильмами, хроникой, в передаче киноустановок [8, оп. 17, д. 265, л. 63, 65; д. 303, л. 97; д. 285, л. 71; д. 298, л. 101; д. 307, л. 23]. Знакомство с советскими кинолентами давало трудящимся Польши возможность узнать о социалистических преобразованиях в СССР, героических подвигах его народа в борьбе с фашизмом и в процессе послевоенного строительства.

Контакты с советским кинематографом способствовали процессу идейного созревания польского кино. В 1952, 1954 и 1955 гг. в СССР прошли всесоюзные фестивали польских фильмов, на которых демонстрировались: «Юность Шопена», «Две бригады», «Дороги жизни», «Поколение», «Часы надежды» и др. Во время фестиваля в 1952 г. польские фильмы просматривали свыше 1 млн человек [8, оп. 17, д. 284, л. 130—137; 11, док. 145, 304; 22, 1955, № 1, с. 121—124; № 11, с. 104—105; 13, 1954, 19 IX; 23, с. 176]. Кинофестивали содействовали обмену творческим опытом польских и советских кинематографистов, знакомили советских зрителей с польским киноискусством, раскрывавшим историю и современную действительность народной Польши. В секции кинематографии ВОКС устраивались просмотры польских художественных и документальных фильмов, их обсуждение, встречи с деятелями культуры и искусства Польши [8, оп. 21, д. 132, л. 2—33, 69—102; д. 230, л. 25].

Сотрудничество ВОКС и ОПСД в области музыки осуществлялось путем обмена музыкальными произведениями, выставками. Материалы по музыкальному искусству были необходимы в связи с проведением различных мероприятий общеполитического и культурно-просветительного характера, и, прежде всего, месячников углубления польско-советской дружбы. В 1950—1955 гг. ВОКС направило ораторию «Песнь о лесах» и «Симфонию» Д. Шостаковича, партитуру «Здравицы» С. Прокофьева, сборники песен советских композиторов, ноты военных, русских народных песен, клави́р кантаты «На Куликовом поле» Ю. Шапорина, сборники романсов русских и польских композиторов на слова А. Мидкевича, грампластинки и другие материалы [8, оп. 17, д. 265, л. 11—12, 47; д. 268, л. 60, 104, 153—156; д. 275, л. 51; д. 277, л. 161—167; 23, с. 137]. ГП ОПСД в свою очередь направляло ВОКС произведения польских композиторов, книги о них, рисунки костюмов к польским народным танцам, образцы вышивок, кружев и ткани, а также ноты польских танцев для Государственного ансамбля народного танца СССР и многие другие материалы [8, оп. 17, д. 279; л. 35; д. 277, л. 52, 152; д. 291, л. 30; д. 304, л. 152; д. 306, л. 4; д. 308, л. 1, 42].

ВОКС и ОПСД оказывали необходимую помощь в организации тематических выставок. Для выставки «Шопен в СССР», открывшейся в январе 1951 г. в Варшаве, ВОКС передало произведения Шопена, изданные в СССР в разное время, книги о его жизни и творчестве, фрагменты выставки, организованной Московской консерваторией в связи со 100-летием со дня смерти польского композитора, материалы об участниках и лауреатах шопеновских конкурсов. Со своей стороны, Общество им. Шопена передало в дар Центральному музею музыкальной культуры в Москве бюст, посмертную маску и слепок с рук гениального композитора [8, оп. 17, д. 268, л. 70, 88—89; д. 271, л. 2; 10, 1951, № 1, с. 14].

Все более интенсивными становились гастроли в Польше советских музыкантов-исполнителей, ансамблей песни и пляски. В рассматриваемый период в Польше выступали советские певцы Н. Казанцева, В. Борисенко, М. Звездина, пианисты Л. Оборин, Т. Николаева, В. Сечкин, скрипачи И. Безродный, Л. Коган, Ансамбль песни и пляски Советской Армии, хореографический ансамбль под руководством И. Моисеева, Государствен-

ный украинский хор под руководством Г. Вережки, ансамбль народного танца Грузинской ССР и другие [11, док. 38, 209, 252; 9,4/105; 4/118. т. 2; 19, 1951, № 11, с. 91—92]. С интересом были встречены советские ансамбли «Березка» и Уральский ансамбль песни и танца польскими балетными коллективами. Контакты с ансамблем «Мазовше», краковским Военным ансамблем песни и пляски и Кашубским самодеятельным ансамблем в Гданьске открыли широкие перспективы творческого взаимопонимания, обмена опытом [11, док. 87, 138; 10, 1950, № 51, с. 8—9]. О выступлениях Уральского ансамбля польский журнал «Музыка» писал, что они стали «не только показом прекрасного, наполненного народной поэзией и духом молодости искусства, но и необычайно ценным уроком надлежащего отношения к фольклору» [24, 1952, № 7—8, с. 106—107]. Многие выступления осуществлялись в рамках месячников углубления польско-советской дружбы.

Значение этих гастролей высоко оценивалось польскими деятелями искусства. «Приезд советских артистов, театров и музыкантов в Польшу является не только важнейшим фактором нашего братства и дружбы, но и конкретным вкладом в нашу борьбу за искусство социалистического реализма», — говорил в своем докладе 6 июня 1950 г. в музыкальной секции ВОКС вице-министр культуры и искусства Польши В. Сокорский [8, оп. 21, д. 144, л. 76].

Большую роль в пропаганде советского музыкального искусства играли выступления деятелей советской музыки в печати, их личные контакты с польскими коллегами, живо интересовавшимися культурной жизнью и социалистическим строительством в СССР. За рассматриваемый период в Польше побывали музыковеды Б. Ярустовский, Г. Келдыш, И. Бэлза, композиторы Д. Кабалевский, В. Гомоляка и другие [8, оп. 21, д. 178, л. 40; д. 221, л. 6—29; 24, 1952, № 1—2, с. 59—63], в Советском Союзе — польские композиторы К. Сероцкий, В. Рудзинский. Они встречались с первым секретарем Союза композиторов СССР Т. Хренниковым, композиторами В. Власовым, Е. Светлановым, музыковедами И. Мартыновым, И. Бэлзой и другими [25, оп. 2, д. 30, л. 13—14]. В ходе таких встреч советские и польские коллеги делились опытом работы, творческими планами.

Ознакомление польской общественности с русской и советской музыкой и советским исполнительским искусством шло параллельно с популяризацией польской музыкальной культуры в Советском Союзе. Большое значение здесь имели гастроли польских артистов в СССР, а также проводившиеся ВОКС и его республиканскими отделениями, Славянским комитетом СССР, Союзом композиторов СССР мероприятия, связанные с датами жизни и творчества известных польских композиторов. В 1950—1955 гг. в СССР гастролеровали польские пианисты Г. Черны-Стефаньская, Л. Стефаньский, Б. Хессе-Буковская, скрипачка В. Вилкомирская, певцы Е. Бандровска-Турская, Э. Коссовский, Ансамбль песни и пляски Польской Армии, Государственный ансамбль песни и танца «Шленск» [11, док. 38; 10, 1950, № 23, с. 7; 15, 1951, 9 I; 19, 1953, № 3, с. 97—98; 1955, № 7, с. 105—107].

Делясь своими впечатлениями о пребывании в Советском Союзе на страницах журнала «Przyjaźń», В. Вилкомирская отмечала сердечность советской публики, высоко оценивала установившиеся контакты с такими известными советскими композиторами, как Р. Глиэр, А. Хачатурян и другими [10, 1951, № 13, с. 4]. Дважды за рассматриваемый период (в 1951 и 1953 гг.) гастролеровал в Советском Союзе ансамбль народной песни и пляски «Мазовше». Журнал «Советская музыка» отмечал творческий рост коллектива ансамбля по сравнению с его первым приездом в Советский Союз [19, 1953, № 3, с. 96—97].

Изобразительное искусство, способное отражать самые различные стороны действительности, раскрывать духовный облик человека, также входило в арсенал средств, использовавшихся ВОКС и ОПСД в их деятельности. Планами ВОКС и ОПСД предусматривались обмен материалами по изобразительному искусству, взаимные поездки делегаций, орга-

низация художественных выставок, дискуссий, оказание помощи в решении творческих задач и другие мероприятия. Например, в 1950 г., в год 80-летия со дня рождения В. И. Ленина, ВОКС направило ОПСД выставку «В. И. Ленин в произведениях советских художников», копии со скульптурных портретов В. И. Ленина работы Н. Андреева; к 34-й годовщине Октября — выставку «Великая Октябрьская социалистическая революция в творчестве советских художников» [8, оп. 17, д. 275, л. 34; д. 266, л. 8; д. 279, л. 2]. Такие материалы содействовали более содержательному проведению мероприятий, посвященных юбилейным датам.

Обмену репродукциями с картин, показывавшихся на различных выставках, также придавалось большое значение, а для пропаганды художественных произведений использовалась пресса. От ВОКС были получены большие выставки на тему «Новые произведения советских художников», представлявшие собой фоторепродукции с экспонатов Всесоюзной художественной выставки 1950 г. Репродукции ее отдельных картин помещались в журнале «Przyjaźń» [8, оп. 17, д. 267, л. 9; д. 282, л. 210]. Один экземпляр такой выставки был передан ОПСД Кракова и экспонировался во Дворце искусств. Консул СССР в Кракове А. Никитин писал о ней в марте 1952 г. заместителю председателя ВОКС: «Выставка пользовалась среди общественности Кракова большой популярностью, особенно среди студенчества Краковских художественных школ. Открытие выставки советской живописи было широко отмечено местной прессой» [8, оп. 17, д. 285, л. 84].

В 1953 г. в Варшаве, Кракове и Радоме были организованы «Выставки советских училищ» [8, оп. 17, д. 288, л. 16], в начале 1954 г. ВОКС прислало ГП ОПСД выставку «Новые произведения советских художников», экспонировавшуюся в Центральном клубе ОПСД, домах культуры Варшавы и воеводств. ГП ОПСД в связи с этим писало в адрес ВОКС: «Отмечая живой интерес польской общественности к произведениям советского изобразительного искусства, мы убеждены, что эта чрезвычайно ценная по своему содержанию и оформлению выставка привлечет к себе большое внимание польского зрителя» [8, оп. 17, д. 294; л. 108; д. 302, л. 20; д. 288, л. 16].

ОПСД в свою очередь посылало материалы о польском изобразительном искусстве в ВОКС и для передачи другим советским организациям. В 1951 г. ГП ОПСД передало 90 фоторепродукций с картин польских художников Одесскому музею, 6 экземпляров альбома, посвященного творчеству выдающегося польского художника XV в. Вита Ствоша [8, оп. 17, д. 279, л. 2; д. 272, л. 33].

ОПСД оказывало содействие в развитии контактов и удовлетворении различных просьб творческих работников и организаций Советского Союза. Президент Академии художеств СССР А. Герасимов просил оказать содействие в получении из ПНР через ВОКС материалов, необходимых для научно-исследовательской работы Вильнюсского государственного художественного музея по изучению истории культуры Литвы [8, оп. 17, д. 296, л. 102]. Директор Государственного исторического музея А. С. Карпов выразил большую благодарность ОПСД за присланные в дар музею материалы: альбом В. Тимма «Русский художественный листок» (1856), фотоальбом «Поле битвы» периода первой мировой войны и другие, ставшие ценным пополнением собраний музея [8, оп. 17, д. 301, л. 57].

В рассматриваемый период во время месячников углубления польско-советской дружбы советское изобразительное искусство было неоднократно представлено в народной Польше. В октябре 1951 г. в варшавском выставочном зале «Zachęta» открылась первая в Польше большая выставка работ советских живописцев, скульпторов и графиков (В. П. Ефанова, П. П. Кончаловского, Б. В. Иогансона и др.), вызвавшая большой интерес польской общественности и живой отклик в печати [10, 1951, № 44, с. 12—13]. В журнале «Przyjaźń» были опубликованы материалы дискуссии об этой выставке. Один из ведущих польских искусствоведов Е. Занозинский говорил: «Советское искусство необычайно близко касается нас. В наших устремлениях к социалистическому реализму мы обильно чер-

паем из его опыта, учимся на его прекрасных достижениях, оно дает нам возможность избежать ошибок, которые мы могли бы совершить, идя в одиночку» [10, 1951, № 48, с. 6—7].

Большая выставка советской графики была показана в Варшаве, Кракове, Сталинограде в 1954 г. Непосредственное общение с советским художником-графиком Н. Жуковым, автором большинства выставленных работ, придало ей еще больший интерес [11, док. 252; 26, 1954, № 12, с. 310; 20, 1954, 25 IX]. В начале 1955 г. в Варшаве и Кракове впервые экспонировалась выставка изобразительного искусства Украинской ССР, открытие которой было приурочено к 10-летию освобождения польской столицы Советской Армией. Было представлено 370 работ украинских художников, скульпторов и графиков, в том числе произведения Т. Шевченко, а также известных художников Н. Пимоненко, С. Святославского и других [27, оп. 9, д. 23, л. 1, 2; 28, 1955, № 1—2, с. 136—140; 29, с. 312].

Пропаганде советского изобразительного искусства способствовали и выставки, организованные непосредственно силами ОПСД, а также в сотрудничестве с другими польскими организациями. В частности, в 1953 г. в Краковском национальном музее демонстрировались произведения советской графики, в 1954 г. — выставка живописи в Торуне, выставка репродукций картин из собраний Третьяковской галереи и ленинградских музеев, выставка рисунков польских детей, посвященная дружбе польского и советского народов [7, 1954, № 8, с. 64].

В Советском Союзе организовывались выставки, позволявшие советским любителям искусства познакомиться с произведениями польских художников. В Москве в мае-июне 1952 г. в залах Академии художеств СССР экспонировалась выставка «100 лет реалистического польского изобразительного искусства», где наряду с работами современных польских художников было показано 150 лучших произведений живописи, скульптуры и графики реалистической школы второй половины XIX в. Картины знаменитого польского художника Я. Матейко, портретистов Г. Родаковского, Л. Каплинского, мастеров жанровой живописи Ю. Шерментовского, В. Конюшко и других получили высокую оценку советских специалистов и широкой публики [11, док. 122; 30, 1952, № 5, с. 7—26; 28, 1952, № 3, с. 7—14; № 4, с. 43—46]. Сразу же после закрытия выставки ВОКС направило ОПСД фотоподборку «Выставка польского изобразительного искусства в Москве» с информацией о большом успехе ее у советских людей [8, оп. 17, д. 283, л. 36]. Для польской общественности такая своевременная информация имела безусловный интерес, этим достигался большой пропагандистский эффект.

В конце 1954 — начале 1955 г. в Москве и Киеве проходили выставки плаката народной Польши, зародившегося еще в период борьбы народа за освобождение своей родины от гитлеровских захватчиков и отражавшего историю становления ПНР, ее мирного послевоенного строительства. По завершении выставки, имевшей большой успех, состоялась встреча советских и польских художников и искусствоведов [30, 1955, № 5, с. 53—58].

Показанная весной 1955 г. в Киеве, Харькове и Минске выставка польского изобразительного искусства знакомила главным образом с творчеством современных художников Польши, однако на ней были представлены и работы классиков национальной живописи. Такое сочетание экспонатов не только давало отчетливое представление о традициях польской художественной культуры, но и убедительно свидетельствовало об общности исторических путей развития польского, русского и украинского искусств. На открытии выставки в Киеве присутствовала делегация польских художников и искусствоведов во главе с заместителем председателя Союза польских художников проф. С. Тейссером. Во время пребывания в СССР они встречались со своими коллегами, знакомились с работами Всесоюзной выставки живописи в Москве, деятельностью издательства «Изогиз», Академии художеств и т. д. [8, оп. 17, д. 296, л. 86; 29, с. 313; 31, с. 96]. В целом за период 1946—1955 гг. состоялось 106 вы-

ставок советского изобразительного искусства в Польше и 28 — польских в СССР [5, с. 152].

Показы произведений искусства были значительными событиями в культурной жизни обеих стран, не только знакомя общественность с художественным творчеством, но и способствуя более глубокому взаимному познанию жизни соседнего народа. Советские художественные выставки в Польше, вызывавшие в польской печати бурные дискуссии по проблемам социалистического реализма, партийности искусства, соотношения искусства и действительности, в то же время ставили перед польской общественностью вопрос о новых формах массовости искусства в социалистическом государстве, о новом человеке, жадно стремившемся к культуре, о расцвете искусства в условиях социализма.

Эти важные вопросы освещались в выступлениях приезжавших в Польшу видных мастеров советского изобразительного искусства. На I Общепольской художественной выставке были директор Третьяковской галереи А. Замошкин, президент Академии художеств СССР А. Герасимов, на II — художники Т. Яблонская, К. Финогенов, критик проф. Недошивин, на III — художники Ф. Решетников, Н. Соколова и другие [10, 1950, № 17, с. 7; 28, 1950, № 5—6, с. 23—24]. Членами делегаций ВОКС, посещавшими Польшу в эти годы, были скульптор Н. В. Томский, директор Государственного Эрмитажа М. И. Артамонов [8, оп. 17, д. 307, л. 51; д. 305, л. 11—12]. Они участвовали в дискуссиях о направлениях в искусстве и роли художника в социалистическом обществе. Выступая на конференциях и в прессе, советские художники подчеркивали не только художественное, но и политическое значение выставок. Отмечались работы, посвященные современной жизни, теме нового человека — строителя новой Польши.

ВОКС и ОПСД вносили свой вклад в развитие советско-польского сотрудничества и в области архитектуры, которому в годы восстановления разрушенных городов, бурного строительства новых промышленных и гражданских зданий придавалось большое значение. ЦК ПОРП при рассмотрении шестилетнего плана восстановления Варшавы призвал изучать богатейший опыт советского градостроительства [15, 1950, 23 V].

Одной из форм контактов ВОКС и ОПСД в этом направлении была организация выставок, отражавших достижения советского и польского зодчества. К их числу относятся организованные в Польше с помощью ВОКС фотовыставки «Строительство высотных зданий в Москве», «Дворец культуры им. Шаумяна», «Московское метро», выставки «Архитектура народов СССР», «В новых зданиях Московского государственного университета», «Жилищное строительство в городах Советского Союза» [8, оп. 17, д. 254, л. 29—30; д. 281, л. 26—27].

Следует отметить, что в ряде случаев через ВОКС осуществлялись и контакты научно-исследовательских учреждений Польши и СССР, работающих в области архитектуры. И. о. академика-секретаря Академии архитектуры СССР Н. Былинкин в письме, переданном через ВОКС директору Института жилищного строительства г. Варшавы М. Качоровскому, полностью поддерживал предложение об установлении постоянной научной связи и взаимобмене печатными трудами между указанными учреждениями [8, оп. 17, д. 299, л. 114]. В письме директора Института истории искусств АН СССР академика И. Э. Грабаря от 4 мая 1955 г. высказывалась благодарность за предоставление Институту изданий, посвященных истории искусств Польши [8, оп. 17, д. 297, л. 68].

В состав делегаций, которыми обменивались ВОКС и ОПСД, нередко входили видные архитекторы. Среди членов польской делегации, находившейся по приглашению УкрОКС в сентябре-октябре 1954 г. на Украине, был архитектор Я. Ящунский [7, 1954, № 11, с. 62]. Осенью 1955 г. в делегацию ВОКС, посетившую Польшу в связи с Месячником дружбы, входил действительный член Академии архитектуры СССР Л. В. Руднев, один из авторов проекта Дворца культуры и науки в Варшаве. Во время поездки по Польше он встречался с архитекторами городов, с профессорско-преподавательским составом ряда учебных заведений в Гданьске, Сопоте

и Варшаве. Во время этих встреч развертывались дискуссии, способствовавшие углублению сотрудничества польских и советских архитекторов [11, док. 177, 302].

Деятельность ВОКС и ОПСД по сотрудничеству в области архитектуры являлась частью большой работы, осуществлявшейся союзами польских и советских архитекторов и другими организациями. Обмену опытом в этой области способствовали поездки делегаций советских архитекторов в ПНР и польских архитекторов в СССР. Ознакомление с индустриальными методами жилищного строительства в Советском Союзе позволило начать в Варшаве и Новой Гуте строительство крупноблочных зданий по опыту ленинградцев и москвичей [26, 1954, № 7—8, с. 203; 15, 1953, 18 IV].

Участие водчих в различных мероприятиях, проводимых, в частности, по линии ВОКС и ОПСД, контакты этих общественных организаций и их деятельность по популяризации советских достижений в области архитектуры способствовали обмену архитектурно-строительным опытом между Советским Союзом и Польшей.

Мероприятия ВОКС и ОПСД нередко носили комплексный характер: был организован ряд выставок, пропагандировавших в целом достижения культуры обеих стран. Так, успехи Польши в области культуры были широко показаны в Москве в апреле 1951 г. на выставке ОПСД «Помощь, дружба, пример СССР — гарантия построения социализма в Польше». В 1955 г. в Москве, Киеве и Минске экспонировалась выставка «10-летие Народной Польши». На основе фотоматериалов, полученных от ВОКС в ноябре 1952 г., в Польше была подготовлена фотовыставка «Польско-советское культурное сотрудничество». Во время Месячника углубления польско-советской дружбы она экспонировалась в Варшаве, а затем в отдельных воеводствах [8, оп. 17, д. 292, л. 27].

Подводя итоги, можно сказать, что в рассматриваемый период сотрудничество ВОКС и ОПСД носило многоплановый характер. В эти годы закладывались основы культурных взаимоотношений между народами ПНР и СССР.

Важным принципом ВОКС и ОПСД в осуществлении культурного сотрудничества было стремление поделиться с братским народом самыми лучшими произведениями национальной культуры, достижениями наиболее известных деятелей литературы и искусства. Это способствовало взаимному обогащению культур двух стран. Успехи в Польше советских фильмов, пьес, книг являлись доказательством действенности советского искусства и литературы, свидетельствовали о важной роли культурных связей в деле воспитания польского народа в духе социализма.

Польские деятели искусства, бывая в Советском Союзе, не ограничивались кругом только профессиональных интересов, но и знакомились с различными сторонами советской действительности. Все это позволяло широкой польской общественности убедиться в том, что социалистическое государство обеспечивает всесторонний расцвет культуры и искусства, и давало значительный толчок к активизации контактов обеих стран в области культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Майорова О. Н. Сотрудничество ВОКС и ОПСД в области пропаганды советского производственного и научного опыта в Народной Польше. — Советское славяноведение, 1980, № 5, с. 23—38.
2. Майорова О. Н. Сотрудничество между ВОКС и ОПСД в области политико-просветительной работы (1950—1955). — Советское славяноведение, 1981, № 2, с. 8—23.
3. Nowe drogi.
4. Dybowski S. Problemy rewolucji kulturalnej w Polsce Ludowej. Warszawa, 1953.
5. Olejniczak M. Polsko-radzieckie kontakty kulturalne po II wojnie światowej. Fakty — problemy. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1977.
6. Korzon A. Z recepcji literatury radzieckiej w Polsce i literatury polskiej w ZSRR w latach 1945—1975. — In: Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały, t. 16. Warszawa, 1977, s. 189—213.
7. Славяне.

8. ЦГАОР, СССР, ф. 5283.
9. Archiwum Zarządu Głównego Towarzystwa Przyjaźni Polsko-Radzieckiej.
10. Przyjaźń.
11. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 10. М., 1980.
12. Литературная газета.
13. Советская Белоруссия.
14. Центральный архив Союза писателей СССР. Иностранная комиссия. Польша.
15. Советское искусство.
16. Teatr.
17. Przegląd Kulturalny.
18. Teatr.
19. Советская музыка.
20. Советская культура.
21. Film.
22. Искусство кино.
23. *Basiński E.* Polska—ZSRR. Kronika faktów i wydarzeń 1944—1971. Warszawa, 1973.
24. Muzyka.
25. ЦГАЛИ СССР, ф. 2077.
26. Architektura.
27. Центральный архив Министерства культуры СССР, ф. 1.
28. Przegląd Artystyczny.
29. *Евсеев И. Ф.* Сотрудничество Украинской ССР и Польской Народной Республики (1944—1960). Киев, 1962.
30. Искусство.
31. *Толстой В. С.* Братское сотрудничество белорусского и польского народов. 1944—1964. Минск, 1966.

НЕМЕЦ В.

ФЕВРАЛЬ 1948 Г. И ТВОРЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ КПЧ ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Победа рабочего класса Чехословакии в феврале 1948 г. не была единовременным историческим актом. Она явилась кульминацией важнейшего исторического процесса новейшей истории — истории революционного рабочего движения и истории Коммунистической партии Чехословакии. Февральские события — не национально изолированное, чехословацкое явление, а составная часть широкого, интернационального революционного процесса. Победой рабочего класса в февральские дни 1948 г. завершился период развития революционного процесса, в ходе которого КПЧ и ее руководство во главе с К. Готвальдом творчески применили ленинскую теорию перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Она была реализована в принципиально новых условиях, в условиях страны, имевшей развитые капиталистические производственные отношения, сильный рабочий класс, многочисленные средние городские слои (мещанство), буржуазно-демократическую парламентскую систему и традиции, которые оказывали существенное влияние на развитие общественной и политической жизни в обществе. КПЧ осуществляла свой политический курс в тех конкретно-исторических условиях, которые сложились в ходе национально-освободительной антифашистской борьбы чехословацкого народа и разгрома германского фашизма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы Советской армией.

Чтобы понять смысл и наследие Февраля 1948 г., необходимо обратиться к анализу теоретической работы КПЧ, оценить ее способность творчески применять принципы марксизма-ленинизма в конкретных исторических условиях.

В. И. Ленин одним из коренных вопросов политической линии коммунистических партий в борьбе за победу социалистической революции считал необходимость пролетарским авангардом «...найти, нащупать, верно определить конкретный путь или особый поворот событий, *подводящий* массы к настоящей, решительной, последней, великой революционной борьбе» [1].

Значение вопроса о формах подхода к социалистической революции определяется не только самой ролью народных масс в революции, но и тем, что привлечение их к революции нельзя осуществить лишь пропагандой и агитацией, без политического руководства и «обучения масс» на их собственном политическом опыте. Эту идею подчеркивал и Густав Гусак, отмечая, что «сущностью всех современных общественных перемен в нашей стране является борьба за национальное и социальное освобождение трудящихся. Вся логика современной истории наших народов убедительно доказывает, что Февральская победа нашего народа закономерно вышла из их исторического опыта и борьбы. Она показывает, как созревало политическое сознание трудящихся, как формировалась партия и рос ее

авторитет, как наш народ всем своим историческим развитием подошел к тому, что смог в феврале свободно и сознательно выбрать путь социалистического развития» [2].

Победу в феврале 1948 г. в полной мере можно понять, только проследив борьбу КПЧ за привлечение на свою сторону народных масс, борьбу за демократию и социализм, проходившую в конкретных исторических условиях.

Международное коммунистическое движение всегда понимало требования конкретности правды как основного аспекта классового подхода к оценке общественных явлений, включая и оценку демократии. Если большевики России боролись за Советскую власть, когда буржуазная демократия была реальным орудием буржуазии за сохранение капитализма, то в Чехословакии в ситуации, когда буржуазная демократия становилась предметом нападков «справа», со стороны фашизма, КПЧ решительно выступила в защиту этой демократии, как это было в 1938 г., когда необходимо было оградить страну от опасности внутреннего и внешнего фашизма.

Коммунистический Интернационал, а вместе с ним и КПЧ, поняли, что защита демократии от фашизма предполагает прежде всего изменение ее сущности, необходимое, чтобы иметь возможность защищаться. Именно об этом говорил и К. Готвальд в своем выступлении на VII съезде КПЧ, состоявшемся в 1936 г.: «Посмотрите, каковы предпосылки действительной защиты от фашизма. Это, во-первых, — выполнение социальных и экономических требований трудящихся города и деревни. Как захочешь защищать республику, если грабишь народ, высасываешь из него последнюю каплю крови? Ясно, что в интересах подлинной защиты республики необходимо отдать народу то, что ему принадлежит. Во-вторых, — это свобода, широкие демократические права, демократизация всего режима, короче — права трудящихся, потому что — захочешь ли защищать республику, если делаешь из нее тюрьму для народа. В-третьих, — это национальные права, равноправие всех народов Чехословакии. Как захочешь защищать республику, как к этому сумеешь привлечь народы, если их дискриминируешь? И, в-четвертых, — демократизация армии; очистить армию от фашистских генералов, дать полные гражданские и демократические права солдатам. Как можно защитить республику от Гитлера, когда во главе стоят его помощники? Только в тесном союзе с СССР, с его Красной Армией, опираясь на его мирную политику. Только в сотрудничестве со страной Советов» [3, sv. VII, s. 96].

Для выполнения этого необходимо было создать единый фронт рабочего класса, объединяющий подавляющее большинство пролетариата, независимо от политических, национальных и других различий, а также народный фронт, который явился бы союзом всех классов и общественных слоев, объективно заинтересованных в защите демократии от фашистской опасности.

Возможность сохранения республики и демократии от посягательств фашизма зависела не только от борьбы против внутреннего фашизма, против предательства национальной буржуазии, ориентированной на фашистскую Германию, но и от того, удастся ли ликвидировать опасность, вытекающую из колебаний, компромиссов, антисоветизма и антикоммунизма той части буржуазии и буржуазного политического лагеря, которая связывала свою судьбу с западными державами. Вместе с тем необходимо было нейтрализовать и распространение опасных иллюзий, которые в этот период охватили значительную часть нашего народа, преимущественно его средние слои, иллюзий о демократизме и патриотизме так называемой буржуазии «на Граде». Поэтому политическая борьба против фашизма в защиту демократии неразрывно оказывалась связанной с борьбой против фальшивых представлений о подлинной демократии, против буржуазных и мелкобуржуазных взглядов на демократию, за привлечение народных масс на сторону революции, за общественный прогресс.

Несмотря на все усилия, прилагаемые коммунистами для создания широкого антифашистского, единого народного фронта, не удалось предо-

тратить планы иностранной реакции — Чехословакию сдали Гитлеру. Одна из причин этого заключалась в том, что оказались не пресеченными капитулянтские тенденции буржуазии «на Граде», которые также были поддержаны реформистами в рабочем движении страны. «Народ, который хотел бороться, — сказал об этом в 1945 г. К. Готвальд, — ни организационно, ни политически не был на таком уровне, чтобы настоять на своем — на его пути встал Мюнхен» [3, sv. XII, s. 75]. Оккупация Чехословакии 14 марта 1939 г. была совершенно логичным — хотя и не неизбежным — концом процесса, начало которому положил мюнхенский договор.

В результате расчленения и оккупации страны фашистской Германией создавалась принципиально иная ситуация, на первый план выступили новые противоречия, произошли коренные изменения в расстановке классовых сил: противоречия между нацией и внутренним и внешним фашизмом приняли другие формы. Не только на трудовые слои нации, но и на определенную часть буржуазии, которой не нашлось места в военной машине фашистского рейха и в сотрудничестве с которой оккупанты не были заинтересованы, начинает давить тягостная и угрожающая обстановка, созданная ее непоследовательностью, колебаниями, ее однозначной западной ориентацией, ее страхом перед социализмом, созданная именно классом буржуазии. Противоречия между народом и фашизмом проявлялись как противоречия между подавляющим большинством чехов и словаков, с одной стороны, и оккупантами и предателями — с другой. Таким образом возникли предпосылки для дальнейшего расширения народного фронта в национальный фронт чехов и словаков. Вместо задачи ликвидации угрозы фашизма на первый план как ближайшая историческая и актуальная выдвинулась задача свержения фашизма — власти, которая одновременно была властью национального предательства, а главное — иностранной оккупационной властью. Путь к осуществлению этой цели мог вести только через революцию, через революцию по своему социально-экономическому и классовому содержанию демократическую и национальную, а по характеру, учитывая силу фашистской власти, это должна была быть вооруженная борьба, ведущая к насильственному свержению оккупационного режима.

КПЧ вполне осознавала, что реальным путем и адекватным методом решения актуальных исторических задач не может быть прямая ориентация на социалистическую революцию и диктатуру пролетариата. Каждая попытка «ускорять путь к цели» была бы в действительности путем наиболее длительным, наиболее сложным. И наоборот — ориентация на национально-освободительные и демократические перемены являлась фактически самым коротким путем к социалистическим преобразованиям, так как она позволяла получить массовую поддержку нации.

КПЧ совершенно обоснованно предполагала, что национально-освободительная и антифашистская борьба приведут к рождению демократии нового типа, демократии, классовое содержание которой, ее смысл будут иными, чем содержание и смысл демократии буржуазной. Другими словами — демократическая революция могла привести к установлению государственной власти, которая выйдет за границы лишь формального демократизма и с самого начала будет преодолением традиционного разделения власти и которая по своему классовому содержанию будет действительной властью прежде всего движущих сил национальной и демократической революции. Этой цели соответствовали и реальные пути ее осуществления, базировавшиеся на понимании роли народа как активного субъекта национально-демократической революции и ориентации на помощь со стороны СССР — как главной силы антигитлеровской коалиции и фактора в классовом отношении чрезвычайно благоприятного для наиболее прогрессивных сил чешского и словацкого народов.

Партия сознавала, что могут быть две альтернативы завершения и реализации одной и той же исторической задачи: все будет зависеть от того, какой из главных классов чехословацкого общества станет политическим вождем (гегемоном) революции и придаст свою классово обусловленную форму программе этой революции, какой класс будет решающим образом

влиять на способ проведения революционных преобразований и кто привлечет на свою сторону те слои населения, которые по своему социальному положению находятся между буржуазией и пролетариатом и в своей политической ориентации колеблются между этими классами.

КПЧ благодаря своему участию в движении Сопротивления, благодаря авторитету среди трудящихся, благодаря тому, что ее политическая линия оказалась правильной — прежде всего это касается ориентации на СССР, — благодаря опытному руководству стала беспорным вождем рабочего класса и руководителем революции. Конкретным воплощением этого было создание Национального фронта чехов и словаков, принятие всеми силами антифашистского движения Сопротивления программы, предложенной и разработанной руководством КПЧ. Создание правительства Национального фронта чехов и словаков в апреле 1945 г. свидетельствовало, что чехословацкая буржуазия уже не могла восстановить довоенный статус кво и вынуждена была в новом послевоенном государстве делить политическую власть со своим классовым антиподом — пролетариатом.

Это происшедшее принципиально важное изменение в состоянии чехословацкого общества Генеральный секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак охарактеризовал следующим образом: «В борьбе против фашизма за национальное освобождение осуществлялись и принципиальные изменения в политическом руководстве нашими народами. Во главе был рабочий класс, наиболее прогрессивный класс современного общества. Вокруг Коммунистической партии постепенно объединились все передовые, действительно демократические силы наших народов» [2].

Но диалектика революционного развития такова, что достижение общей цели широкого прогрессивного фронта, объединившего в своих рядах представителей различных социальных слоев с их разными классовыми интересами и устремлениями неизбежно ведет к изменениям в расстановке политических сил в обществе. Достижение общей цели ведет, как правило, к тому, что постепенно борьба противоположностей берет верх над их единством: наступает, образно говоря, уже в день общей победы та особая ситуация, в которой часть союзников начинает выступать не только против дальнейшего движения вперед, но и против некоторых завоеваний, достигнутых в общей борьбе. История революций показывает, что с момента победы над общим противником главной опасностью для революции и главным тормозом ее дальнейшего развития и углубления является уже не вчерашний поверженный противник, а вчерашний союзник, который был «справым крылом» революционного фронта. Именно этот момент отмечался и в «Обращении ЦК к Союзу коммунистов» Марксом и Энгельсом в марте 1850 г.: «Одним словом, с первого же момента победы необходимо направлять недоверие уже не против побежденной реакционной партии, а против своих прежних союзников, против той партии, которая хочет использовать общую победу исключительно для себя» [4].

Так, в сущности, было и в Чехословакии после победы национально-демократической революции в мае 1945 г. В первые недели и месяцы после освобождения началась реализация совместной программы сил, объединенных в Национальном фронте чехов и словаков, в который входили политические представители рабочего класса, крестьянства, интеллигенции и антифашистской части чешской и словацкой буржуазии. Именно эта последняя и стала весьма быстро отворачиваться от революции и не только тормозить ее дальнейшее развитие, но и подвергать нападкам те преобразования, которые были достигнуты в ходе революции. Среди антифашистских группировок чешской и словацкой буржуазии все больше берет верх классовая солидарность с открыто предательской, коллаборационистской частью буржуазии, а временные противоречия между ними, возникшие в условиях оккупации страны, отходят теперь на второй план. Конфискация, а позже и национализация, являвшиеся продолжением борьбы против внутреннего предательства буржуазии и его классовых корней (в этом смысле указанные акции явились составной частью национально-демократической революции), воспринимаются всей буржуазией как под-

рыв ее классовых позиций, а поэтому она выступает против указанных мероприятий.

Диалектика классовой борьбы предусматривает необходимость дальнейшего ее развития для закрепления завоеванных результатов вопреки сопротивлению всей буржуазии как класса. Начало борьбы против буржуазии и придает развивающейся революции социалистический характер.

В Чехословакии переход революции от решения демократических и национальных задач к задачам социалистическим вытекал из последовательного осуществления и постепенного углубления программы национально-демократической революции. С точки зрения обеспечения массовой поддержки курса КПЧ на перерастание национально-демократической революции в социалистическую благоприятствовало то, что буржуазия как политический лидер нации была уже разоблачена. Другим чрезвычайно важным с точки зрения перспектив развития революционного процесса моментом было то, что после освобождения страны от фашизма возникло новое, принципиально отличное от довоенной республики государство, базировавшееся на новых основах. Старый государственный аппарат был разрушен, власть взяли в свои руки правительство Национального фронта и национальные комитеты, в которых решающие позиции занимали политические представители рабочего класса. Основой народной власти стал Национальный фронт, представлявший собой союз рабочего класса, крестьян, городской мелкой буржуазии, интеллигенции и антифашистской части буржуазии. Ведущее место в Национальном фронте занимал рабочий класс во главе с Коммунистической партией Чехословакии.

В послевоенном чехословацком государстве было налицо разделение власти между рабочим классом и частью буржуазии. В той мере, в какой буржуазия и мелкобуржуазные слои принимали участие в управлении страной «вместе» с рабочим классом, в такой же мере это проявлялось в противоположных направлениях их деятельности по созданию законодательства и его реализации.

На формировании и функционировании политической системы также сказывалось сотрудничество демократических сил, возглавляемых КПЧ, с частью буржуазии, которая не скомпрометировала себя коллаборационизмом. Рабочий класс и буржуазия при этом сохраняли свои классовые интересы, и главной движущей силой в складывании новой политической системы была борьба между силами, делившими власть в государстве.

Специфика ситуации заключалась в том, что дееспособность буржуазии была в новых условиях ограничена, поскольку программа революции была одновременно и правительственной программой, политика революционного народа была одновременно и политической революционного государства. «Мы имеем такое — в истории редко встречающееся — благоприятное стечение обстоятельств, когда проводим революцию и сверху и снизу одновременно», — говорил К. Готвальд [3, sv. XII, s. 84].

Этот принципиально важный фактор открывал широкие возможности для привлечения на сторону политики партии большинства народа. Он оказывал существенное влияние на сравнительно быстрое, а также относительно мирное развитие революционного процесса. Единство рабочего класса во главе с коммунистами укреплялось как по линии политической, так и по линии революционного профсоюзного движения. Своей решительной борьбой за последовательное выполнение демократической программы по аграрному вопросу на основе принципа «земля принадлежит тем, кто на ней трудится» партия создавала и укрепляла союз рабочего класса с большей частью крестьянства. Своей политикой в национальном вопросе, где принцип социалистического интернационализма соединялся с подлинным патриотизмом, партия показала себя подлинным борцом за интересы всех народов Чехословакии, защитником равноправия чехов и словаков. Партия была не только руководящей силой революции, но и нового государства, рожденного в огне этой революции. Буржуазия же по логике своих классовых интересов все больше переходила на антиреволюционные позиции, которые перерастали в позиции антигосударственные. Возможности ее маневрирования все больше сужались, хотя опреде-

ленные надежды этот класс связывал со своими западными союзниками, а в 1946—1947 гг. прежде всего с тем, что фактически распалась антигитлеровская коалиция и началась холодная война. Однако влияние этого неблагоприятного для революционных сил международного фактора в значительной мере перекрывалось тем, что Чехословакия уже в это время в своей внешней политике ориентировалась на Советский Союз, и подавляющая часть нации поддерживала эту ориентацию. Настроение большинства было столь очевидным, что реакционные политики в своих публичных выступлениях должны были соблюдать чрезвычайную осторожность.

Но было бы упрощением утверждать, что буржуазия в этот решительный момент была совершенно беспомощной и не располагала силами и резервами. Прежде всего у нее — несмотря на все поражения — остались определенная доля политической власти и позиции в политической и в государственной сферах. Она оказывала сильное влияние на часть мелкой буржуазии и интеллигенции через политические партии и другие организации, руководство которыми идеологически было связано с классом буржуазии.

После 1945 г. буржуазия в Чехословакии все еще представляла собой силу, которая при определенных внутренних и международных условиях была способна повернуть процесс революционного развития вспять. Несмотря на значительный прогресс в деле национализации крупной промышленности, буржуазия сохраняла в своих руках часть средств производства, а буржуазно-демократические традиции все еще имели сравнительно сильное влияние в обществе.

Потенциальной поддержкой буржуазии была стихийность мелкой буржуазии, лишь часть которой (преимущественно крестьянство) поддерживала политику КПЧ. Однако она была способна дезертировать, поддаться панике в случае частичных поражений и неудач рабочего класса или в случае стагнации шедшего до сих пор по восходящей линии революционного процесса. И наконец — хотя и не в последнюю очередь — буржуазия могла надеяться на влияние буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, на влияние масарикизма, реформизма, вульгарного национализма, а в Словакии — и на влияние религии, католицизма и даже на остатки клерикально-фашистской идеологии.

Крупнейшей политической силой, однако, оставался рабочий класс. В него входило в Чехии свыше 2 млн 200 тыс. рабочих, в Словакии — почти 600 тыс. трудящихся, в 1946—1947 гг. рабочие составляли почти 60% всего населения [5, с. 15]. Рабочий класс Чехословакии, который по своей зрелости, организованности и многочисленности стал главной движущей силой и гегемоном разворачивавшейся борьбы за власть, перечеркнул контрреволюционные планы буржуазии. Высокий уровень классовой сознательности и революционной решимости чехословацкого пролетариата полностью проявился в феврале 1948 г. Путь к Февральской победе был результатом многолетней борьбы рабочего класса, возглавляемого Коммунистической партией.

Конец 1947 г. и начало 1948 г. были отмечены широким политическим наступлением КПЧ, стремившейся «привлечь на свою сторону большинство народа». Этот курс, вытекавший из генеральной линии VIII съезда партии, был выдвинут на заседании ЦК КПЧ в январе 1947 г. «Созидательная программа правительства К. Готвальда», сформированного после победы на выборах в мае 1946 г., и двухлетний план экономического развития, направленный на решение такой важнейшей общенациональной задачи, как восстановление разрушенного войной хозяйства, были основой для создания антикапиталистического союза сил, объединившегося к февралю 1948 г. вокруг рабочего класса. В рамках решения этой задачи и было в начале 1948 г. выдвинуто демократическими силами страны требование дальнейшего углубления революционных социально-экономических преобразований.

Чехословацкая буржуазия, которая оказывалась все более изолированной, решилась в феврале 1948 г. на контрреволюционную попытку, спровоцировав правительственный кризис: министры — представители бур-

жуазных партий в правительстве — подали в отставку. Они рассчитывали, что отставка будет принята лишь на условиях, выгодных буржуазии, или не будет принята вообще. Однако их расчеты не оправдались — массовые выступления трудящихся заставили президента страны принять отставку реакционных министров. После этого инициатива в общественной жизни полностью перешла в руки Коммунистической партии Чехословакии и сил, верных народной демократии и социализму. КПЧ доказала, сколь глубоко она освоила теорию революционной борьбы, и ее практика стала убедительным свидетельством огромной жизненности марксистско-ленинского революционного учения.

Прежде всего партия не позволила буржуазным политикам навязать ей ни предмета, ни методов борьбы. Она сумела объяснить народу, что на карту поставлено не только дальнейшее социалистическое развитие республики, но и уже достигнутые с мая 1945 г. успехи национально-демократической революции. Она не допустила, чтобы достигшая своего апогея борьба приняла кабинетный характер и проходила за спиной народа, средствами буржуазной коалиционной политики. Наоборот, КПЧ сделала все для того, чтобы в ней принял самое активное участие народ, прежде всего рабочий класс и трудящееся крестьянство. Компартии удалось мобилизовать вокруг своей программы действий всех своих союзников, парализовав тем самым потенциальные резервы буржуазного лагеря, который не смог предложить никакой положительной альтернативы.

Февраль подтвердил обоснованность положения, что каждая неудавшаяся попытка контрреволюции лишь ускоряет и углубляет революционный процесс. Февраль решил вопрос о власти — решающую проблему каждой революции; характер власти стал качественно иным. В результате Февральской победы рабочего класса народно-демократическое государство стало выполнять функции диктатуры пролетариата. Февраль успешно завершил процесс перерастания национально-демократической революции в революцию социалистическую.

Победа социалистической революции в первой высокоразвитой капиталистической стране подтвердила силу и действенность учения В. И. Ленина о революции и стала свидетельством выдающихся способностей Коммунистической партии Чехословакии применять это учение в конкретно-исторических условиях своей страны.

Победоносный Февраль, наряду с окончательным определением развития чехословацкого общества по пути социализма, решил и самый существенный вопрос демократии: чьи интересы, чья воля будут основополагающими в дальнейших судьбах страны. Как говорил К. Готвальд, с этого момента определяющей силой всей жизни чехословацкого общества стали трудящиеся во главе с рабочим классом и его Коммунистической партией. Это коренное изменение в характере власти произошло при строгом соблюдении конституции: правительство возрожденного Национального фронта под руководством К. Готвальда было не только одобрено президентом республики, но и единодушно принято и утверждено Национальным собранием страны.

Это наглядно продемонстрировало, что в современных условиях рабочий класс является единственным носителем и гарантом демократического развития. С одной стороны (и в этом суть дела), полный переход власти в руки рабочего класса в союзе с другими слоями трудящихся расширил базу нового строя, поскольку лишил буржуазию возможности тормозить реализацию интересов трудового большинства нации; недаром в последующие десятилетия, особенно в годы кризисного развития чехословацкого общества, проповедники так называемого «демократического социализма» постоянно требовали «анти-февраля» и возвращения к положению до февраля 1948 г.; этот лозунг выражал стремление ограничить действительную демократию, желание отобрать у рабочих право решать свою собственную судьбу. С другой стороны, победа в феврале 1948 г. доказала, что рабочему классу и трудящимся для утверждения своей власти нет необходимости разрушать демократические формы правления, которые должны и далее развиваться и наполняться новым содержанием. Подтвердилась пра-

вильность ленинского предвидения, что там, где трудящиеся получают действительно демократическое право решать свою судьбу, там приходит конец капиталу.

Февраль 1948 г. с полным правом связывают с демократическими традициями народов Чехословакии. Современная история народов ЧССР убедительно свидетельствует, что настоящая демократия возможна только там, где у власти находятся рабочий класс и трудящиеся массы. Социализм и демократия неразрывно связаны, ибо социализм дает трудящимся вместе со средствами производства и политической властью возможность реализовывать свои интересы, проявлять активность, определять свои судьбы. Развитие творческой и сознательной активности трудящихся масс является главным содержанием социалистической демократии, которая является одной из основных закономерностей социализма. Это проявляется в том, что народные массы создают и используют демократические формы как средство духовного роста всех трудящихся.

Коммунистическая партия в социалистическом обществе вооружает трудящихся марксистско-ленинским познанием закономерностей развития общества, осуществляет научное руководство общественными процессами, тем самым открывает и предоставляет всем трудящимся все новые возможности формирования своей судьбы в соответствии с познанными объективными законами общественного развития. Она является, таким образом, всей своей сущностью самой демократической силой современной эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 82.
2. Rudé právo, 1978, 24 II.
3. Gottwald K. Spisy. Praha, 1953.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 7, с. 263.
5. Československá statistika. Praha, 1957.

СТЕПАНОВА Л. И.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ БОЛГАРСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РОССИИ (50—70-е годы XIX в.)

Болгарская буржуазно-национальная революция принадлежит периоду перехода от феодализма к капитализму с характерными для него процессами национального пробуждения, формирования нации, борьбы против инонационального гнета. Стремление к образованию независимого государства было исторически прогрессивной тенденцией, ибо «...наилучшие условия развития капитализма на Балканах, — отмечал В. И. Ленин, — создаются как раз в мере создания на этом полуострове самостоятельных национальных государств» [1, т. 25, с. 262].

Формирование капиталистических отношений вызвало перемены и в области надстроечных явлений. Советские историки подчеркивают, что для эпохи национального возрождения у южных славян характерны выдвигание языковых, национально-культурных и социально-политических программ, обостренный интерес к фольклору, истории и литературе [2; 3]. О процессах, происходивших в период национально-освободительных движений в сфере общественного сознания, В. И. Ленин писал, что именно в это время создавалась национальная идеология и был выдвинут «буржуазный лозунг» национальной культуры [1, т. 24, с. 393; т. 26, с. 162].

В историографии национально-освободительного движения болгарского народа период борьбы за независимую церковь и народное просвещение рассматривается как подготовительный этап буржуазно-национальной революции (до перехода ее на рубеже 60—70-х годов XIX в. в высшую фазу развития), когда главной задачей было содействие формированию болгарской нации [4]. Наука, литература, издательское дело, искусство оказывали существенное влияние на формирование национального самосознания. На этом этапе с особенной остротой ощущалась потребность в широко образованных людях. Общественная борьба порождала спрос на публицистов, учителей, деятелей культуры; «Капитализм во всех областях народного труда повышает с особенной быстротой число *служащих*, предъявляет все больший спрос на интеллигенцию», — указывал В. И. Ленин [1, т. 4, с. 209].

Указ султанского правительства — хатт—и хумаюн 1856 г., положивший начало новому этапу реформ в Османской империи, законодательно подтверждал, в частности, право христианских общин заботиться о народном образовании, создавать школы. На фоне общего подъема национально-освободительного движения болгарского народа после Крымской войны активизировалась просветительская деятельность болгарских общин, стали создаваться народные читальни, библиотеки, научные и культурно-просветительные общества и т. п.

Задача национального освобождения болгарского народа, подчиняя себе все другие, требовала широкого распространения грамотности как первого условия преодоления культурной отсталости. Без подъема образования и воспитания народных масс в патриотическом духе невозможны были консолидация болгарской нации, подготовка всенародной борьбы за освобождение и создание национального государства. Все это вызывало настоятельную потребность в национальной интеллигенции, которой была суждена историческая роль, ибо, по выражению В. И. Ленина, демократическая интеллигенция «...брала на себя роль публицистов, ораторов и политических вождей всегда и везде, во все европейские революции буржуазии» [1, т. 9, с. 133—134]. Передовые деятели освободительного движения осознавали свой долг перед народом и свое предназначение — воспитывать борцов за свободу родины. «Разумеется, — писал болгарский поэт, революционер-демократ Х. Ботев, — для этого необходимо, чтобы и наука, и литература, и поэзия, и журналистика — словом, вся духовная деятельность его (народа. — Л. С.) руководителей приобрела характер политической пропаганды...» [5]. Важные общественные вопросы времени требовали соответствующего отражения их в публицистике, художественной и научной литературе, искусстве.

В условиях экономического, политического и духовного гнета османского государства и фанариотского духовенства болгарский народ не мог рассчитывать только на собственные силы в решении многообразных задач развития национальной культуры, в том числе — в подготовке интеллигенции. Болгарские училища не получали субсидий от султанского правительства и существовали исключительно за счет добровольных пожертвований широких слоев населения. Отсутствие материальных средств и квалифицированных педагогических кадров не позволяло развивать систему образования в Болгарии, создавать средние и высшие учебные заведения. Культурно-просветительное движение болгарского народа нуждалось в это время в поддержке извне.

Надо отметить, что потребность в помощи и культурных связях с внешним миром испытывали все южнославянские народы в период национального возрождения. При этом они стремились опереться прежде всего на те политические силы, которые благожелательно относились к главной проблеме балканских славян — освобождению от османского владычества [6]. В этом отношении представляется вполне логичным то, что в строительстве народного просвещения во второй половине XIX в. болгарский народ обращается за помощью именно к России, справедливо видя в ней политического союзника и опору в развитии национальной культуры.

После Крымской войны правительство России взяло курс на поддержку национально-освободительных движений славянских народов, подвластных Порте. Стремясь к ликвидации ограничений Парижского договора, Россия рассматривала народы Балканского полуострова как союзную силу, а потому была заинтересована в укреплении их национального самосознания и всестороннем развитии, возможном в условиях сохранения османского господства [7]. Правящие круги России все больше убеждались в том, что только таким путем можно сохранить и упрочить влияние и престиж России на Балканах. Однако в конце 50-х — 60-е годы XIX в. русское правительство старалось удержать балканские народы от вооруженного столкновения с Турцией, так как видело их недостаточную подготовленность к решительной борьбе. Кроме того, сама Россия не располагала в это время возможностями для активных действий, а конфликт на Балканах неизбежно потребовал бы вмешательства с ее стороны. Поэтому на протяжении почти всего межвоенного периода (1856—1876) Россия, опиравшаяся на умеренные круги балканской, в том числе болгарской, буржуазии, использовала, в основном, легальные средства для поддержки национально-освободительного движения христианских народов Европейской Турции [8]. Как говорилось в отчете А. М. Горчакова Александру II, в отношениях с подвластными Порте народами следует взять курс на то, чтобы «сохранить и укрепить древние узы симпатии и привязанности, соединяющие нас с христианами Востока, обеспечить им все

благополучие, все материальное, моральное и религиозное развитие, возможное при этих обстоятельствах, постепенно ввести их в курс социальной и политической жизни — таков путь, который нам указывают наши интересы...» [9].

Эти политические цели России на Балканах определяли и содержание русско-болгарских культурных отношений. В качестве легального основания для своих действий в пользу христианского населения русское правительство использовало, в частности, хатт—и хумаюн 1856 г. Оно не верило в возможность серьезных реформ в Османской империи, обещанных султанским указом, однако считало выполнимыми некоторые его статьи, касающиеся религиозных и гражданских прав, а также развития просвещения христианских подданных султана. И это открывало возможность поддержки духовного возрождения болгарского народа. Так, посол в Константинополе Н. П. Игнатъев ходатайствовал о помощи болгарам «на пути духовного и гражданского развития, посредством пособий к совершенствованию церковному и к общественному образованию» [10, д. 3979, л. 2 об.].

Традиции русско-болгарских связей в области просвещения стали складываться во второй четверти XIX в., когда первые выходцы из Болгарии были приняты на государственный счет в учебные заведения России. С конца 50-х годов отмечается поток прошений из Болгарии о помощи в обучении молодежи, вызванный массовым стремлением к образованию. В официальные органы и Московский славянский комитет, к отдельным представителям российской общественности обращались болгарские общины и деятели национально-культурного движения, указывая на настоятельную необходимость развития просвещения в Болгарии и высказывая надежду на помощь России, на ее систематическую поддержку. Авторы писем настойчиво подчеркивали, что просят помощи не от себя лично, но по поручению всего народа и от его имени [11, 12, 1859, д. 1005а, л. 118—119].

В обращениях к России выразились объективные потребности развития культуры как важнейшей предпосылки формирования национального самосознания болгарского народа и его этнической консолидации. В то же время борьба за развитие культуры отражала это растущее национальное самосознание и непреодолимое стремление к освобождению от османского ига.

Донесения российских дипломатов из Болгарии также свидетельствовали о потребности страны в образованных специалистах, прежде всего в учителях как главных строителях национальной культуры в условиях османского ига. Предлагая помощь в подготовке болгарской интеллигенции, представители России мотивировали это неизбежностью освобождения Болгарии и создания болгарского государства. Мысль об этом высказывалась в дипломатической переписке уже в середине 60-х годов. Так, варненский консул В. Нягин, радуя за развитие русско-болгарских связей в области просвещения, писал в МИД, что это важно не только для укрепления отношений с болгарскими, но и для подготовки их к тому, чтобы в «данную минуту быть способными, при содействии, разумеется, России, свергнуть с себя постыдное иго турок и фанариотов, действующих ныне заодно к удержанию болгар в невежестве и рабстве» [10, д. 12589, л. 1об].

В 1865 г. пространную записку в МИД представил секретарь консульства в Адрианополе (позднее — консул в Янине) К. Леонтьев. Он писал, что создание «умственной аристократии» у болгар чрезвычайно важно. Освободившись от власти Турции, «что противопоставят они подавляющей культуре Запада?». Русский дипломат был убежден, что к моменту освобождения болгарское общество должно иметь прочные национальные культурные традиции, а достичь этого невозможно без интеллигенции. Росту ее численности должна помочь Россия [13].

Различные средства укрепления русско-болгарских культурных связей предлагали Н. Игнатъев, Н. Ступин, М. Золотарев и другие дипломаты. Предложения о помощи России в подготовке болгарской интеллиген-

ции были продиктованы пониманием руководящей роли этой социальной прослойки в духовном прогрессе общества, в общественно-политической жизни народа и подготовке его к освобождению, а также в создании основ национальной государственности в будущем. В русских дипломатических кругах созрела мысль о том, что Россия должна стать для болгарского народа не только политической опорой, но и источником просвещения в широком смысле этого слова. В оказании помощи развитию болгарской культуры они видели действенное средство упрочения политических позиций в Болгарии. В то же время такая политика отвечала объективным потребностям болгарского общества.

После Крымской войны правительство России предпринимает ряд мер, призванных содействовать обучению болгарской молодежи в русских учебных заведениях. В 1856 г. синод принял решение выделять ежегодно 11025 руб. для обучения 75 славян, а министерство народного просвещения предписало попечителям Киевского, Харьковского и Одесского учебных округов освобождать южных славян от платы за обучение, принимать их на государственный счет и облегчать некоторые требования к поступающим [14, 15, с. 202]. С 1860 г. министерство просвещения стало выделять ежегодно по 5 тыс. руб. для обучения южных славян. Военное министерство предоставило им 10 стипендий во втором кадетском корпусе и неограниченное количество мест для обучения за свой счет в петербургских кадетских корпусах [16].

С середины 60-х годов крупным центром обучения болгарской молодежи становится Николаев, где создается специальный пансион для южных славян. С 1867 г. он функционировал как частное учебное заведение Тодора Минкова, болгарина по происхождению. В России были открыты специальные учебные заведения и для болгарских девушек. Московским славянским комитетом была открыта в 1870 г. школа для славянских учениц при Алексеевском женском монастыре, а Одесское славянское благотворительное общество учредило в 1874 г. пансион для болгарок в Одессе. Правительство также выделяло средства для подготовки болгарских учительниц. В Фундуклеевской женской гимназии в Киеве в 1870 г. существовало 13 славянских стипендий, а в женской гимназии в Одессе — 5 стипендий для болгарок.

Количество болгарских учащихся в русских учебных заведениях быстро возрастало, прежде всего в духовных семинариях, академиях и гимназиях Одессы и Киева, в Николаевской гимназии, Московском и Новороссийском университетах.

Правительственные органы, связанные с обучением болгарской молодежи и отводившие ей роль связующего звена в отношениях России с болгарским народом, придавали серьезное значение источникам формирования интеллигенции в Болгарии. Вопрос о социальном происхождении тех лиц, которым предстояло играть видную роль в развитии национального самосознания народа, формировании общественного мнения в стране, а в будущем — в жизни самостоятельного государства, был по существу вопросом о социальной опоре России в Болгарии. Царское правительство, проводившее классовую политику в области народного образования, предпочитало принимать на учебу выходцев из наиболее состоятельных болгарских семей. Однако получилось так, что в Россию приезжали в основном представители мелкобуржуазных слоев. Это объясняется прежде всего социальной структурой болгарского общества, в которой основной фигурой был мелкий собственник, а также тем, что культурные связи с болгарскими стали сферой борьбы великих держав. Чтобы не нанести ущерба своему влиянию за Дунаем, Россия должна была как можно полнее удовлетворять просьбы болгар о помощи их национальному просвещению. Да и сам факт наличия государственных стипендий для южных славян в русских учебных заведениях привлекал в Россию молодежь, не имевшую собственных средств для обучения. Для нее стипендии русского правительства были зачастую единственной возможностью получить среднее и высшее образование. И правящие круги России вынуждены были мириться с потоком мелкобуржуазной молодежи из Болгарии, одобряя одновремен-

но и те отдельные меры, которые привлекали в учебные заведения более состоятельных людей.

Социальное происхождение учащихся сказывалось на формировании их мировоззрения. Оно складывалось под преобладающим воздействием передовой России, ее набиравших силу демократических и революционных кругов, а не официальной или славянофильской идеологии. Комиссия по образованию в России южных славян, созданная в 1882 г. при министерстве иностранных дел, отмечала, что результат пребывания южнославянских уроженцев в России оказался «совершенно отрицательным» для классовых целей политики самодержавия: «...у нас в большинстве готовились ненавистники если не самой России, то во всяком случае существующего строя ее в лице всех правительственных начинаний» [10, д. 11139, л. 14об.]. Конечно, далеко не все болгарские юноши становились сознательными революционными борцами, но в большинстве своем они покидали учебные заведения России с высоким чувством гражданского долга перед своим народом, с желанием на любом поприще служить делу освобождения родины.

Возвращение в Болгарию русских воспитанников ознаменовалось обновлением всей культурной жизни болгарского народа. С именами специалистов, получивших образование в России, неразрывно связано развитие национальной школы, введение передовых для того времени методов преподавания, создание новых учебных заведений. Деятельность интеллигенции, подготовленной в России, давала добрые плоды прежде всего в области просвещения, поскольку учителя были главными строителями национальной культуры, сосредоточивая в своих руках функции различных отрядов интеллигенции.

Если в конце 50-х — 60-е годы XIX в. помощь России в подготовке болгарской интеллигенции мотивировалась необходимостью развития национальной культуры болгар в условиях сохранения османского ига, то на рубеже 60—70-х годов начинается новый этап в политике России относительно болгарского просвещения, когда культурные связи с Болгарией, и, прежде всего, подготовка кадров интеллигенции в русских учебных заведениях, стали рассматриваться с точки зрения близкого освобождения страны от османского ига и создания национального государства.

Этот поворот в русско-болгарских культурно-просветительных связях был вызван, безусловно, вызреванием нового политического курса России относительно подвластных Порте балканских народов. В то время как российская дипломатия в 1867 г. предлагает обсуждению держав проекты реформ в Европейской Турции, предусматривающие предоставление Болгарии автономии, русский генеральный штаб разрабатывает план войны против Османской империи, целью которой становится создание на Балканах национальных государств [17]. И хотя в своей реальной политике Россия по-прежнему добивалась соглашения с западными державами об улучшении положения христианских народов в Османской империи, а относительно Болгарии придерживалась требования автономии, в вопросах культурного развития этой страны русская дипломатия стала исходить из перспектив возрождения болгарского государства.

Задумываясь о будущем независимой Болгарии, официальные круги России отдавали себе отчет в потребности самостоятельного государства в образованных людях. В 1869—1870 гг. русское правительство предприняло попытку подвести некоторые итоги подготовки болгарской интеллигенции в России и определить ее дальнейшее направление. В конце 1869 г. всем русским представителям на Балканах был разослан циркуляр МИД с вопросами о судьбе русских воспитанников, характере необходимого славянам образования и т. п. [18, с. 504—507].

В своих ответах в МИД русские дипломаты единодушно высказались за подготовку болгарских специалистов различного профиля. При этом они указывали, что надо исходить из будущих потребностей Болгарии, подразумевая под этим возрождение самостоятельного государства. Развитие общественной жизни, считали, например, М. Хитрово, В. Нягин, А. Романенко, К. Губастов, А. Сученков, потребует технических и воен-

ных специалистов, юристов, агрономов, горных инженеров и т. д. [10, д. 12754, л. 33об.; д. 12755, л. 12об.; 15]. Поскольку болгары не могли служить в турецкой армии, галацкий консул А. Романенко предлагал принимать их в русскую [10, д. 12754, л. 82об.]. Национальные военные кадры, считал тульчинский консул Т. Юзефович, принесут большую пользу в будущем, когда их призовет родина [10, д. 12754, л. 103об.]. По мнению А. Мошнина, гайдуки не смогут руководить военными действиями, но «Болгарии рано или поздно придется занять место, ей приличное, при распадении Турецкой империи... и, мне кажется, нам было бы полезно подготовить болгарам офицеров из их же соотечественников...» [12, 1873, д. 725, л. 21—21об.].

Сходные соображения высказывал и Т. Минков в переписке с представителями министерства иностранных дел. Он подчеркивал особую важность подготовки руководителей политической жизни свободной Болгарии, высказывая убеждение, что таковые потребуются менее чем через десять лет. При этом он ссылался на опыт церковной борьбы, показавшей, как необходимы общественному движению подготовленные руководители и как их недостает Болгарии [10, л. 12206, л. 150об.— 151].

Отвечая на вопрос циркуляра МИД об уровне образования, необходимого болгарам, большинство дипломатов отдало предпочтение высшему образованию, отметив рост культурного движения в Болгарии, создание таких очагов просвещения, как Болгарское литературное общество в Брээле, общество «Напредък» («Прогресс») в Вене, женские благотворительные и просветительные общества, читальни и т. п. По мнению русских дипломатов, болгарский народ накопил богатые жизненные силы, но нужны люди, которые привели бы их в движение, и задача России — дать Болгарии таких людей [10, д. 12754, л. 33об., 80об.— 85].

В 1870 г. в МИД был составлен «Свод сведений...» и «Проект записки по вопросу о преобразовании воспитания в России славянского юношества» [10, д. 12240, л. 57—81]. В этих документах внимательно проанализированы все замечания и предложения дипломатов. Были учтены и пожелания самих болгар, выраженные наиболее концентрированно в прошениях Одесского болгарского настоятельства о подготовке для Болгарии специалистов технического профиля. В 70-х годах русское правительство назначает новые стипендии для болгарской молодежи в специальных учебных заведениях: Петровской земледельческой академии, Институте инженеров путей сообщения, Московском техническом училище, Технологическом и Горном институтах Петербурга [15, 19, с. 94—95]. Болгарские юноши стали поступать в пехотные юнкерские училища, военные гимназии, а также вольноопределяющимися в русскую армию.

О разнообразии профессиональной подготовки болгарской интеллигенции в русских учебных заведениях свидетельствуют такие данные: на протяжении 50—70-х годов XIX в. болгарские юноши и девушки обучались в 72-х учебных заведениях России, из которых 12 — духовные (3 академии, 5 семинарий, 4 училища) и 60 — светские [19, с. 136].

В конце 60-х годов меняется отношение официальных органов к социальному происхождению болгарских учащихся. Министерство иностранных дел в предписаниях русским консулам на Балканах впервые давало такую установку: «Теперь, когда наши учебные заведения сделались более известными, как кажется, наступило время при представлении кандидатов ввести некоторую разборчивость, стараясь привлекать в наши заведения детей из более зажиточного и влиятельного круга...» [18, с. 507]. Это свидетельствует о том, что правительство хотело дать образование прежде всего представителям наиболее состоятельных слоев болгарского общества, которым предстояло занять руководящие посты в государственном аппарате освобожденной страны. И если в предыдущий период русские правящие круги достаточно терпимо относились к обучению выходцев из мелкобуржуазной среды и средних городских слоев, то на рубеже 60—70-х годов XIX в. отношение официальной России к болгарскому просвещению приобретает более отчетливый классовый характер.

Однако это стремление русского правительства в целом не реализова-

лось. Ему не удавалось контролировать социальный состав молодежи, приехавшей в Россию. В итоге своей помощью Россия содействовала формированию болгарской мелкобуржуазной интеллигенции.

О масштабах и значении помощи России процессу формирования болгарской интеллигенции свидетельствует и общая численность болгарской молодежи, обучавшейся в России в 50—70-е годы XIX в. По нашим подсчетам, в период от Крымской войны до освобождения Болгарии не менее 700 человек получило образование в России [19, с. 159, 203—210]. В условиях национального гнета не все они нашли применение своим профессиональным знаниям, и тем не менее многие болгарские выпускники учебных заведений России оставили заметный след в общественно-политической и культурной жизни своего народа в 60—70-е годы XIX в., в борьбе за национальное освобождение и налаживании мирной жизни в освобожденной Болгарии.

Система национально-политического угнетения болгарского народа, закрывавшая образованным людям возможность любой другой деятельности, кроме учительской, делала болгарскую интеллигенцию непримиримым врагом Порты. Народные училища и учителя имели непосредственное отношение к патриотической пропаганде среди народа и созданию внутренней революционной организации. Болгарская интеллигенция активно участвовала в национально-освободительном движении. Например, на знаменитом собрании в Обориште, принявшем решение о всеобщем восстании, 26,8% народных представителей составляла интеллигенция [20], а среди руководителей революционных комитетов и групп внутри страны на ее долю приходилось 25,4% [21]. В сплочение патриотических сил, создание революционной организации и подготовку вооруженного восстания внесли ценный вклад воспитанники русских учебных заведений А. Узунов, П. Волон, С. Стамболов, Г. Измирлиев, И. Семерджиев, Г. Обретенов, С. Геренов и другие; крупнейшими личностями эпохи национального возрождения стали Христо Ботев и Любен Каравелов.

Многие из болгар, получивших образование в России, участвовали в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. В рядах ополчения сражались К. Кесяков, Р. Николов, Д. Филов, Д. Николаев, А. Гуджев, С. Кисов и другие офицеры и юнкеры. Свою миссию выполняли врачи, подготовленные в России: К. Бонев, А. Богданов, Я. Петков, К. Вязанков, С. Мирков, И. Панов, Д. Моллов, С. Бочаров, И. Брадел. Переводчиками служили П. Енчев, Д. Кисов, А. Узунов и др. При штабе действующей армии находились С. Зографский (Калпазанов) и Г. Белов.

Благодаря успехам в развитии народного образования, достигнутым в значительной степени при поддержке России, к моменту освобождения Болгарии в стране имелись образованные люди, необходимые для создания гражданской администрации. «Широкое общее образование, — отмечал крупный буржуазный историк И. Шипманов, — дало Болгарии ту интеллигенцию, которая отвоевала ей ее свободы и которая затем и исполняла разнообразные государственные функции. Без национальных училищ не была бы возможна подготовка кадров чиновников, необходимых для функционирования государственной машины» [22].

Создание болгарской администрации происходило уже в ходе войны. Эту задачу выполняло созданное при действующей армии Гражданское управление под руководством князя В. Черкасского. В налаживании мирной жизни Гражданское управление испытывало значительные затруднения, связанные с недостатком специалистов, которыми можно было бы в короткое время обеспечить весь государственный аппарат. И прежде всего ощущался недостаток в работниках с административным опытом. В этих условиях строителями национального государства стали прежде всего учителя — самый массовый отряд немногочисленной в целом болгарской интеллигенции. По признанию русского современника, «если бы не было этих учителей, Болгария при вступлении в новую жизнь совсем лишена была бы общественных деятелей» [23]. В связи с этим следует еще раз подчеркнуть огромное значение для политического возрождения

Болгарии той помощи, которую оказала ей Россия, предоставив болгарской молодежи свои учебные заведения. Неудивительно, что в административное управление было привлечено немало болгар, получивших образование в России. Переводчиком и первым помощником Черкасского стал Т. Бурмов, служивший ранее в русском посольстве в Константинополе. Управляющим отделом народного просвещения в совете при верховном российском комиссаре в Болгарии был назначен М. Дринов, известный ученый-историк, профессор Харьковского университета. Посты губернаторов в различное время занимали Н. Геров, П. Каравелов, Т. Бурмов, Н. Даскалов, К. Станишев и др. К государственной службе были привлечены М. Желязков (начальник Врачанского округа), А. Стоянов (вице-губернатор Варны, позже — служащий в отделе внутренних дел), Д. Енчев (начальник Силистрийского округа), Г. Наботков (начальник Старо-Загорского округа). В отделе просвещения работали И. Гюзелев, Н. Михайловский, Г. Стаменов, в отделе финансов — Г. Теохаров, в администрации Сливенского округа — П. Енчев и З. Коньяров. А. Теохаров был назначен обер-прокурором Верховного суда, а П. Калянджи — председателем Провадийского окружного суда. Эти примеры можно было бы продолжить. В период русского гражданского управления в Болгарии (1877—1879) для избирателей устанавливался имущественный ценз, но на учителей и лиц со средним и высшим образованием он не распространялся. Таким образом, как отмечал С. А. Никитин, болгарская буржуазия, буржуазная интеллигенция становились носителями местной власти в стране. Их представители занимали посты от сельских старшин до губернаторов. Именно на эти круги опиралось и их интересы учитывало русское гражданское управление в Болгарии [24].

В дальнейшем многие представители болгарской интеллигенции, подготовленной в России, занимали ответственные посты в правительстве Болгарии. До 1910 г. членами кабинетов министров были 28 человек, имевших дипломы российских учебных заведений, из них 19 человек получили образование до освобождения Болгарии от османского ига (подсчитано по [25]). Притом они выражали интересы преимущественно мелкобуржуазных слоев населения и, в отличие от деятелей, получивших образование в Западной Европе, выступали за демократическое устройство страны [26].

С освобождением Болгарии от османского владычества стране пришлось решать множество трудных проблем. Для болгарской интеллигенции это были не только задачи формирования государственного аппарата, но, одновременно с этим, и заботы о дальнейшем развитии культуры. Первоочередной нелегкой задачей в этом отношении было создание единой системы образования в Княжестве. Трудности порождались прежде всего катастрофическим уменьшением учительского персонала. С созданием болгарской национальной государственности наиболее авторитетные, опытные и квалифицированные педагоги перешли на работу в административный аппарат. Кроме того, освобождение страны открыло простор для приложения интеллигенцией своих сил, и многие ее представители, вынужденные ранее учительствовать, перешли к занятиям соответственно своей профессиональной подготовке. В связи с этим болгарские школы на первых порах испытывали большие затруднения в работе, а многие вообще закрывались.

В этих условиях по-прежнему существенная роль в развитии национального просвещения принадлежала болгарской интеллигенции, подготовленной с помощью России. В первые годы после освобождения удельный вес воспитанников русских учебных заведений в составе болгарского учительства был довольно высок несмотря на то, что множество их перешло на службу в государственный аппарат. В 1880/81 учебном году в государственных школах Княжества насчитывалось 55 учителей-болгар, из которых 25 получили образование в России. В следующем году из 64 болгарских учителей выпускниками русских учебных заведений было 30 человек [27].

Таким образом, огромная помощь правительства и общественности России в подготовке интеллигенции в 50—70-х годах XIX в. имела благотворные последствия для болгарского просвещения не только в период борьбы за освобождение, но и в первые годы строительства национального государства. Оценивая роль культурных связей с Россией в эпоху болгарского возрождения, И. Шипманов признавал, что, возможно, и другие, а не только русские, школы, язык и литература могли бы открыть болгарскому народу новые духовные горизонты, «но совершилось ли бы наше развитие так быстро, если бы мы не воспользовались готовой помощью русского народа, который открыл свои школы для нашей молодежи и предоставил в наше распоряжение всю свою богато развитую литературу?» [28].

Формирование кадров интеллигенции на последнем этапе национально-освободительного движения болгарского народа имело чрезвычайно важное значение. Помощь этому процессу со стороны России содействовала политическому возрождению Болгарии, поскольку многообразная деятельность болгарских выпускников русских учебных заведений в качестве учителей, писателей, переводчиков, публицистов, ученых и т.д. укрепляла национальное самосознание болгар, способствовала их этнической консолидации и развитию народного просвещения, тем самым идеологически подготавливая национальное освобождение. Болгарская интеллигенция, получившая образование в России, внесла заметный вклад в борьбу за независимость родины, участвуя в создании внутренней революционной организации и в Апрельском восстании 1876 г. Сбылись и предположения русских дипломатических кругов о том, что болгарским воспитанникам России предстоит налаживать мирную жизнь в освобожденной стране. Действительно, болгарская интеллигенция, подготовленная в России в 50—70-е годы XIX в., уже в ходе русско-турецкой войны активно участвовала в организации нового управления в освобождаемых районах, а затем в создании национальной государственности в период русского гражданского управления и на начальном этапе жизни возрожденного болгарского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
2. Никитин С. А. Общие черты и специфические особенности формирования славянских наций в XIX в.— В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968, с. 75.
3. Мыльников А. С. Культура и национальное самосознание народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху национального Возрождения.— Советское славяноведение, 1974, № 4, с. 73—74.
4. Косев Д. Апрельското въстание — връхна точка на българската национално-демократическа революция.— В кн.: Апрельското въстание. 1876—1966. София, 1966, с. 12—13.
5. Избранные произведения болгарских революционных демократов. М., 1959, с. 407.
6. Конев И. Русско-балканские культурные отношения в процессе формирования балканских национальных культур.— В кн.: Славянские культуры и Балканы. София, 1978, кн. 2, с. 172, 175.
7. Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970, с. 169.
8. Конобеев В. Д., Зуева Н. В., Шатохина Е. М. Дипломатия России в борьбе за независимость Болгарии и образование болгарского национального государства.— Новая и новейшая история, 1978, № 1, с. 41—42.
9. Архив внешней политики России (далее — АВПР), отчет МИД за 1857 г., л. 54.
10. АВПР, ф. Славянский стол.
11. Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР, ф. 1750, оп. 1, д. 70, л. 46-46 об.
12. АВПР, ф. Посольство в Константинополе.
13. АВПР, ф. Главный архив, IV—2, 1859—1870, д. 11, л. 338—342.
14. Попов Н. А. Очерки религиозной и национальной благотворительности на Востоке и среди славян. М., 1871, с. 11.
15. Ковалев И., Наспер Г., Павлюков А. О помощи России южным и западным славянам в получении образования.— В кн.: Славянский архив. М., 1961.
16. Центральный государственный военно-исторический архив, ф. 725, оп. 56, т. 2, д. 828, л. 4—5.

17. *Барбасов А.* Новые факты о планировании русско-турецкой войны 1877—1878 гг.— Военно-исторический журнал, 1976, № 2.
18. Документи за българската история. Т. I. Архив на Найден Геров, ч. 1 (1857—1870). София, 1931.
19. *Степанова Л. И.* Вклад России в подготовку болгарской интеллигенции в 50—70-е годы XIX в. Кишинев, 1981.
20. *Йонков Х.* Брой, социален състав, място и роля на оборищенци в Априлското въстание през 1876 година.— В кн.: Оборищенци. София, 1972, с. 25.
21. *Сидельников С. И.* К вопросу о революционных комитетах и группах в период деятельности Болгарского революционного центрального комитета (1869—1876).— В кн.: 100-летие освобождения Болгарии от османского ига. 1878—1978. М., 1978, с. 142.
22. *Шишманов И.* Учебное и культурно-просветительное дело в Болгарии.— Вестник воспитания, 1913, кн. 2, с. 95.
23. *Пономарев Н.* Учебные заведения в Болгарском княжестве.— Журнал Министерства народного просвещения, 1880, ч. 220, с. 54.
24. *Никитин С. А.* Русское гражданское управление в Болгарии (1877—1879).— В кн.: Освобождението на България. София, 1970, с. 43.
25. *Секулов Б.* Нашите правителства и министри от Освобождението до днес. София, 1911.
26. Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Т. 3. М., 1967, с. 559.
27. Из архивата на Министерството на народното просвещение. 1878/79—1884/85. София, 1905, с. 399.
28. *Шишманов И.* Избрани съчинения. Т. 1. София, 1965, с. 42.

ВЕНЕЦИАНСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ДАЛМАЦИИ XV—XVII ВЕКОВ

Историки, изучающие социально-политическое развитие восточной Адриатики, часто пользуются источниками венецианского происхождения. Особенно активно исследуются материалы XV—XVIII вв., когда владения Венеции значительно увеличились после захвата ею в 1409 г. далматинского побережья и включения славянских территорий в состав Венецианской республики.

Приобретенные разрозненные коммуны Далмации необходимо было включить в венецианскую политическую систему. Процесс складывания нового политического организма и слом коммунальной автономии был сложным, а порой и противоречивым. Могущество Венецианской республики и прочность ее позиций в восточной Адриатике во многом зависели от того, насколько сумеет она подчинить центральной администрации автономные коммуны. Нужно было создать в Далмации свой чиновничий аппарат, который бы вступил во взаимодействие со старым, коммунальным.

Сразу же после присоединения Далмации Республика св. Марка направила в каждую коммуну своего представителя, который встал во главе городского управления. В венецианских источниках его называют «conte», иногда «conte et capitano». В русской историографии такое название должности переводили как граф [1, с. 80; 2, ч. II, с. 75, 85]. В югославской литературе закрепилось название «князь». Этот же перевод признан и в советской литературе [3, с. 229], хотя иногда встречается буквальное прочтение «комит» [4, с. 416]. Мы придерживаемся общепризнанного перевода «князь». Существовало в источниках и обобщенное понятие, обозначавшее не только князя, но и других представителей венецианской власти — «rettori», «prettori», чаще других — «proveditori» (проведиторы).

В число представителей, выбираемых венецианским советом и ему подотчетных, входили: князь, синдики, генеральные проведиторы. Деятельность венецианских представителей в Далмации отражена в ряде документов. Среди них особо выделяются инструкции (commissioni), вручаемые им при отправке на службу, и их отчеты (relazioni), выполненные для членов советов и дожа.

В данной статье делается попытка выяснить своеобразие этих источников и дать оценку полноты их информационных свойств, поскольку до сих пор ими пользовались хотя и регулярно, но выборочно.

Венецианское делопроизводство имело давние традиции. Важным рубежом в процессе его становления следует считать XIII в. В 1291 г. Большой совет Республики потребовал от Синьории, чтобы она заботилась о сохранности документации, касающейся международных отношений. До этого времени договоры и буллы сначала находились в хранилище св. Марка под наблюдением прокураторов, а затем в тайной канцелярии Республики. Документы, касавшиеся внешних сношений Респуб-

лики, хранились в Сенате. Регистрация решений и корреспонденции Сената начата в 1293 г.; с 1440 г. документы Сената подразделялись на две серии соответственно территориальному делению Республики: «*Senato Terra*» и «*Senato Mar*». В последней серии накапливались документы относительно Истрии, Далмации и Леванта [5, с. 266—269]. С 1545 г. выделилась подсерия «*Filze*», в которой сохранились оригиналы тех документов из югославянских областей, на основе которых Сенат выносил решения. Секретные протоколы Сената регистрировались и записывались в книги «*Senato Deliberationi*», которые велись с 1345 по 1630 гг. Эти документы подразделялись на «*Senato Corti*», включавшие материалы о внешней политике Республики, и «*Senato Rettori*», содержавшие данные о внутренней жизни. Дипломатические акты образовали две серии: «*Disrassi*» и «*Commemogiali*». В первую вошли договоры, во вторую — материалы текущего делопроизводства: дипломатические инструкции, подготовительные бумаги, частная переписка, тарифы, донесения чиновников. Особо выделилась серия документов, включавшая отчеты венецианских послов Сенату, называемая «*Relazioni*».

Впервые венецианские реляции как исторический источник были использованы в середине XVI в. в сочинениях Дж. Р. Росо и А. Морозини; в конце XVI в. вышел в свет первый сборник реляций [6]. Изучение же и анализ реляций начаты в XVIII в. Известность получила исследовательская деятельность Марко Фоскарини, обладавшего одной из крупнейших коллекций рукописей [7].

Первым, кто систематически стал использовать реляции как источник, был Л. Ранке; он с восхищением писал: «...из сочинений выше всех стоят венецианские реляции» [8, с. 4]. Л. Ранке относился к реляциям с большим доверием: «Амбасадор старался изобразить как можно точнее двор и его министерства, состояние финансов, внутреннее управление, военную силу, дух его подданных, отношение к другому государству, в особенности к Венеции» [8, с. 5]. Основываясь на этих источниках, очень выгодно отличавшихся от преобладавшего в ту эпоху нарративного и законодательного материала, Л. Ранке изложил политику Венеции гораздо ближе к реальной действительности, чем его предшественники. Его «История Франции» опиралась во многом на посольские донесения, а «Государи и народы Южной Европы» была полностью построена на данных, представленных венецианскими дипломатами.

В середине XIX в. донесения послов вообще были признаны, как отмечала А. Д. Люблинская, едва ли не самым надежным источником: «...занятые злобой текущего дня, фиксируя по свежим следам пестрый калейдоскоп событий, дипломаты — авторы донесений — очень часто навязывали исследователям свое понимание событий, но оно нередко бывало более правильным и точным, чем суждения плохо информированных современников» [9, с. 12]. Полностью на основе данных реляций написана работа А. Баше, широко используются эти материалы в «Документальной истории Венеции» С. Романина [10].

Вслед за западноевропейскими историками к венецианским документам обратились деятели иллиризма. Они проделали огромную работу по сбору, классификации и публикации источников из венецианских архивов, их деятельность продолжил Ш. Любич. Ш. Любичу мы обязаны изданием инструкций правительственным чиновникам, отправляемым на службу в Далмацию и Албанию, их отчетов и донесений, а также некоторых документов нарративного характера [11].

В России, как известно, с венецианскими источниками работали и В. В. Макушев и В. И. Ламанский, однако, на отчеты и инструкции впервые обратил внимание казанский историк И. Н. Смирнов, находясь в научной командировке в Загребе. В своей работе «Отношение Венеции к городским общинам Далмации» он сопоставил данные известных ему реляций с венецианскими хрониками и летописями и пришел к заключению, что «приложение критических приемов к реляциям дает удовлетворительные результаты» [2, ч. II, с. 29—30]. Поставив вопрос о достоверности реляций, И. Н. Смирнов предположил наличие в них субъектив-

ных оценок. Доверяя реляциям в целом, русский историк выделил в них темы, которые, по его мнению, должны быть подвергнуты проверке: состояние укреплений; меры, принятые относительно их улучшения, доходы общин [2, ч. II, с. 30]. Следует отметить, что И. Н. Смирнов, высказав сомнения относительно абсолютной достоверности информации в реляциях, не выдвинул критериев для определения этой достоверности. Элементы научного анализа донесений венецианцев, имеющиеся в трудах И. Н. Смирнова, к сожалению, не были в дальнейшем должным образом развиты другими историками.

После второй мировой войны издание венецианских материалов продолжил Г. Новак. Он работал над подготовкой документов к изданию с 1912 г., но первый том источников увидел свет только в 1964 г. [12]. Публикации Г. Новака отличаются высоким качеством, автор использовал огромное количество рукописей из библиотек Вены, Венеции и других собраний. Издание, построенное по хронологическому принципу, содержит документы с 1575 по 1671 г. (т. е. продолжает публикации Ш. Любича), осуществлено на основе оригиналов или хорошо сохранившихся списков, тексты опубликованы на венецианском диалекте с сохранением грамматического и прочего индивидуального своеобразия их авторов. Каждому тому предпослано введение с краткой характеристикой публикуемых документов. В постраничном комментарии составитель привлекает широкий круг исследований для разъяснения имен, географических названий, реалий и исторических фактов. Тома снабжены географическим, именным и предметным указателями.

Публикация инструкций и реляций венецианских представителей в Далмации позволяет поставить, наконец, вопрос о выработке методики анализа этого материала, провести статистическую обработку текстов источников, определить достоверность и примерный объем содержащейся в них информации.

Термин «реляция» вошел в венецианское делопроизводство с 1465 г. В историографии не принято различать реляции послов и реляции венецианских чиновников, проходивших службу в Далмации. В исследованных нами документах авторы употребляли два термина: «*relazioni*» — донесения и «*conti*» — отчеты, или вообще не давали названия своему сочинению. Дело в том, что в венецианском делопроизводстве не все документы озаглавливались. Наименование документа, т. е. причисление его к тому или иному разряду, появилось при внесении его в регистр канцелярии того совета, откуда документ исходил. Понятны поэтому исправления и ошибки секретарей в книгах регистров: ведь долгое время не было устойчивости в применении терминов.

В делопроизводстве реляции послов также не отделяли от реляций чиновников: в постановлениях дожа их называли одинаково и предъявляли к ним единые требования [11, т. 1, с. VI]. Между тем, по своему содержанию, целям и назначению реляция посла — это скорее «донесение»; реляция же чиновника, на наш взгляд, имеет характер отчетности. В письмах чиновников сообщались сведения о положении в городе и провинции, где они служили. По возвращении на родину от них требовали не только данные о провинции, но и отчет о принятых мерах, рекомендации на будущее. Затрудняясь с более точным переводом на русский язык, вернее, с обозначением по-русски этого документа, в дальнейшем изложении мы считаем предпочтительным называть его «отчетом».

Практика получения информации через послов, консулов-баюлов установилась в Венеции с XIII в. Согласно постановлению Большого Совета Республики от 23 декабря 1268 г., вернувшийся посол должен был представить через 15 дней письменный отчет [13, в. 2, р. 102]. С XVI в. в связи с расширением венецианской территории за счет приобретений на Тераферме и в Далмации, возникновением на границе турецкой угрозы, военными действиями в этих районах перед Республикой встала задача получения регулярной информации от всех представителей на местах. Правительство издало ряд постановлений, подтверждавших обязанность сдавать отчеты в письменном виде.

Текст одного из очередных постановлений (от 15 ноября 1524 г.) гласил: «Между другими похвальными формами и установлениями по поводу управления нашим государством издавна установлено следующее, нерушимо рассматривавшееся мудрейшими нашими начальниками в качестве главного: все государственные служащие, вернувшиеся сюда, докладывают перед светлейшим дожем и некоторые также перед Сенатом о правлении, службе или должности своей, с момента отъезда из Венеции и до возвращения...; и, к примеру, рассказывают о делах, заслуживших одобрение, с тем чтобы те, кто будет в то время управлять нашим государством, были бы из тех донесений полно информированы о тех местах, откуда чиновники прибыли... Но поскольку подобные донесения, как они ни важны, именно в силу их важности для нашего государства в течение длительного времени не могут остаться в памяти тех, кто их слушает... все чиновники, на суше и на море, провекторы, синдики, послы и другие, которые имеют обыкновение отчитываться, обязаны в течение 15 дней после того, как сделают отчет устно, записать собственноручно важные замечания и советы, которые могут дать; их прежде всего следует показывать еженедельно нашему мудрому совету, затем регистрировать в книге секретной канцелярии; а также провозглашаем, что должны быть две книги, одна у нотариуса — это книга донесений всех ректоров и синдиков, другая у нотариуса баюлов — книга провекторов и посланников, которые будут храниться для памяти и могут быть прочитаны всегда вместе» [11, t. 1, s. VI].

Цель постановления, как видим, заключалась в обеспечении, с одной стороны, притока информации (задача достаточно трудная, но административная машина справлялась с ней хорошо); с другой — сохранности поступавших сведений.

Венеция была единственным европейским государством, где отчеты должностных лиц читались вслух, а иногда и заучивались наизусть. Аудитория была достаточно велика, что позволяло одновременно познакомиться всех членов Совета с положением дел и провести совместное обсуждение. Любопытную оценку такой форме отчетности дал генеральный провектор Далмации и Албании Зуане да Лецце в 1570 г., когда обстоятельства помешали ему зачитать собственное донесение: «...я знаю большую разницу между живой речью и мертвым письменным текстом, да и о многих вещах, о которых я обязан доложить и о которых сказал бы с должной выразительностью, если бы говорил устно, я не могу изложить в письменном виде...» [11, t. III, s. 249].

Чиновники понимали и значимость регулярности отчетов. Генеральный провектор Христофор Валиер в 1596 г. писал, что после выполнения инструкций, данных правительством, и завершения службы каждый обязан сделать отчет, так как это нацеливает, по его мнению, на хорошее выполнение общественной службы [12, t. V, s. 179]. Себастьян Вениер в донесении от 1572 г. настаивал на полезности своего отчета, ибо «те, кто его слушают, могут по достоинству оценить успехи в тяжелой войне и извлечь пользу для будущих решений» [12, t. IV, s. 60—61].

После выборов на должность для венецианского нобиля в канцелярии Сената или дожа готовили документ, имевший название «*commissione*». Вероятно, этим термином обозначали инструкцию и мандат одновременно. В «*commissione*» синдиком прослеживается в большей степени второе его качество, т. е. предоставление синдиком полномочий на расследование, дознание и принятие мер, а также доверенность на ведение дел. «*Commissione*» князя чаще всего были только инструкциями.

В нашем распоряжении было 5 инструкций князьям и 2 — синдикам. Инструкции князю составлялись в канцелярии дожа от его имени и зачитывались сразу после утверждения на должность. Текст составлялся на латыни, но в нем были вставки на венецианском диалекте. Инструкции были именные и начинались, как правило, словами: «Мы (имярек) божьей милостью дож Венецианский, поручаем тебе, знатному мужу (имярек), верному гражданину нашему, что по нашему мандату будешь князем (название города, места), как в городе, так и в его округе, и должен управ-

лять согласно чести и законам коммуну Венецианской». Далее в инструкции излагались правила поведения, которым должно было следовать должностное лицо.

Сооставление текстов инструкций, близких по времени (для князя Шибеника в 1530 г. и для князя Сплита в 1531 г.), показало, что часть указаний дожа повторяется [11, т. 2, с. 89—104, с. 68—81]. Едиными были требования по вопросам количества и оплаты княжеских помощников, по регламентации, так сказать, частной инициативы князя (запреты на ведение торговых операций, на приобретение недвижимости, на получение подарков от местных жителей и т.д.). Повторялись положения о порядке ведения дел в канцелярии, о сроках подачи отчетов, постановления о ведении судебных процессов. Одинаковыми для разных городов были установки о мерах по борьбе с чумой, об организации приема представителей центральной власти и др. В инструкциях содержались положения, специфические только для данного города, и тогда они отличались друг от друга.

Сравнение инструкции, данной сплитскому князю Леонардо Боллани в 1531 г., и его отчета, представленного в 1534 г., показывает, что в инструкции не было многих вопросов, ответы на которые есть в отчете. Например, инструкция не касалась военных вопросов, а в отчете им уделено основное внимание. Инструкция — не вопросник к будущему отчету, а свод постановлений правительства с указанием дат их принятия. Мы предполагаем, что эти два вида документов являются самостоятельными и искать строгой зависимости одного от другого не приходится. Для князя составлялись более детальные инструкции, чем для синдика, предусматривавшие различные жизненные коллизии; в них больше оригинальности. Мандаты синдиков стандартны, но малое количество документов не позволяет сделать далеко идущие выводы о влиянии единообразия формуляра мандата на отношение правительства к магистратуре синдика.

Таким образом, изучение инструкций может дать ограниченный материал по социально-экономической истории далматинских городов, в большей степени этот вид источников освещает устройство и работоспособность магистратуры синдика и князя.

Отчеты по своему содержанию более разнообразны, количество опубликованных отчетов преобладает над инструкциями. Источниковедческий анализ отчетов ставит перед исследователем ряд важных вопросов. Необходимо выяснить, насколько полна информация, содержащаяся в них, какие вопросы остаются за пределами внимания проведиторов; возможно ли выяснение полномочий и функций венецианских должностных лиц по их отчетам; в каком соотношении находится информация о жизни далматинского города со сведениями о деятельности отдельных лиц? Иными словами, возможно ли использование отчетов в качестве основного источника по политической и социальной истории городов Далмации под властью Венеции?

С этой целью нами изучены отчеты венецианских князей, синдиков и генеральных проведиторов (более 120 реляций) за период с 1515 по 1642 гг. В качестве примера возьмем отчеты князей Шибеника (32 документа, с 1524 по 1641 гг.)¹. Предпочтение, отдаваемое нами Шибенику, объясняется следующим: отчеты из него многочисленны, хронологические лакуны почти отсутствуют. Трогирские же, например, отчеты опубликованы не все, а задарские имели свою специфику, так как их писали параллельно и князья и капитаны. Кроме того, в последние годы вышло несколько исследований по истории средневекового Шибеника [14]. Авторы этих трудов, хотя и пользовались венецианскими отчетами, но делали это вы-

¹ Методика работы была такова: на карточках записывались основные вопросы, содержащиеся в каждой части документа. Затем составлялась таблица, куда вносились изменения, зафиксированные в каждом отчете, причем не только отмечалось наличие или отсутствие материалов по вопросу, но и делалось обозначение, насколько полно он освещался автором документа (в таблице ставилось два знака + при полном тексте и один знак +, если факт только упоминался).

борочно. А такой путь очень часто не дает возможности судить о степени достоверности информации, содержащейся в одном отдельно взятом документе.

Текст отчета князя состоял из трех основных частей. Вводная часть отчета («начальный протокол») лишь в редких случаях не обособлялась от основного содержания, она записывалась одним-двумя многословными сложноподчиненными предложениями. Основные элементы, присущие «начальному протоколу» отчета, можно свести в следующую схему: обращение к дожу и членам Большого Совета, обозначение должности и собственного имени, объяснение сути задачи отчета. В ряде отчетов авторы писали, что их рассказ будет кратким, и называли причины этого: ссылка на предшествующий отчет, недостаток времени, желание выделить только главное и существенное. Приблизительный срок пребывания в должности назван в восьми отчетах, точный же имеется только в четырех. Князя избирали на два года, но обычно он задерживался в городе до прибытия своего преемника. Упоминание точного срока прохождения службы начинается с середины XVI в. (это отмечено нами и по отчетам других городов), что объясняется, вероятно, усилением контроля за деятельностью князей в связи с обострением внешнеполитической обстановки и необходимостью регулярной замены.

Редко в вводной части упоминалась значимость Шибеника как стратегического пункта; об особенностях его расположения сказано всего три раза. Этот сюжет обычно входил в основное содержание отчета. Иногда делались ссылки на выданную инструкцию, но они встречались только до 1539 г. Изредка излагалась история далматинского города, воздавалась хвала Республике, шли заверения в верности ей. Именно в таких единичных отступлениях проявляется индивидуальность автора. В заключительной части отчета («конечный протокол») назывались имена помощников князей, отмечалась их верность дожу и добросовестная служба. Подтверждение верности Венеции и Синьории — необходимый элемент отчета, объясняющийся всей структурой политического управления Венеции. Мысль о единстве Республики и верности ей была постоянной в сознании всех слоев населения, а дож был для них символом этой общей верности.

Наблюдения за формой и языком «начального» и «конечного» протоколов позволяют предположить, что употребление стандартных словосочетаний, особенно в материалах с 1613 по 1622 гг., еще не означает унификации документа, а сравнение с отчетами князей других городов (Задара, Сплита, Трогира) подкрепляет это предположение. Отчетам не свойственна также строго очерченная форма изложения, хотя повторяемость некоторых клише обнаруживается. Скорее всего, устоявшегося образца вообще не было, а повторяемость некоторых формул объясняется традицией устной речи, когда текст документа заучивался наизусть. Кроме того, не следует забывать, что с XVII в. их записывали княжеские писари или секретари, опытные в практике делопроизводства, так что наличие устойчивых оборотов вполне объяснимо. Не будучи жестко ограничены рамками некоего «образца», составители сохраняли в отчете реальные жизненные казусы; следует признать, что нередко характер документа зависел от индивидуальных склонностей князя. Формуляр отчета, как видим, не имел тенденции к единообразию, поэтому его содержание не теряло своей оригинальности и информационной ценности.

Каковы вариации в основной части документа? Примечателен отказ от нумерации и оглавления разделов, хотя имелись исключения (отчеты за 1542, 1587, 1622 гг.). Каждый раздел отчета начинался с красной строки, перечень сведений в них велик. Мы распределили их по нескольким самостоятельным разделам, выделив в них подразделы, представляющие в сумме как бы развернутый план определенного большого вопроса.

Раздел I. Географическое расположение города и округа: площадь города, стратегическое положение, границы округа, количество сел и островов в ее составе (особо сообщалось об о. Муртер, селе Верхполье, местечке Водица, селе Скрадин).

Раздел II. Народонаселение: численность населения, его качественная характеристика (верность Республике, храбрость, умение хорошо воевать и др.).

Раздел III. Сословные отношения: деление жителей на сословия, межсословные и корпоративные связи, положение крестьян в городе.

Раздел IV. Коммунальное хозяйство: обеспечение продовольствием, водоснабжение, количество мельниц, способы хранения зерна, здравоохранение (меры по борьбе с чумой, постройка сиротских приютов).

Раздел V. Финансы и торговля: бюджет (статьи расходов и доходов), доходы от соли, торговля с влахами, турками, итальянскими землями.

Раздел VI. Военные вопросы: состояние городских стен и ворот, укрепленность города (крепости, башни), крепость св. Николая, гарнизон (количество наемных солдат, офицерский корпус, размещение, обеспеченность обмундированием, сухарями, оружием, размеры оплаты), оружие (количество, состав, состояние и размещение), военные силы на территории округа (кавалерия), местное ополчение (ночная стража, организация ополчения, количество боеспособных мужчин).

Раздел VII. Внешние связи: отношения с ускоками, с санджакбегами Клис и Лики, положение на венецианско-турецкой границе.

Раздел VIII. Отношения князя с администрацией: местными коммунальными органами, генеральным проведитором и синдиками.

Следует отметить широту охвата различных сторон жизни коммуны в отчетах. Однако последовательность разделов не соблюдается: о количестве населения сообщалось либо в начале основной части, либо в приложении после «конечного» протокола.

Проведем сравнительный анализ состава и содержания отчетов князей Шибеника по разделам, выясним, какие вопросы освещались постоянно какие реже, а какие вызывали особый интерес и описывались гораздо подробней.

Первый раздел не был постоянным. До середины 70-х годов XVI в. сведения о географическом расположении города редки. Возможно, правительству хватало данных из подробного описания, сделанного в 1553 г. синдиком Дж. Б. Джустиниани. В этом разделе князья обращали внимание на изменения на границах городского дистрикта, а они, естественно, происходили не ежегодно. Особо в отчетах оговаривалось расположение крепости Верхполье и села Водица. Крепость имела стратегическое значение. Она находилась в 12-ти милях от города и была призвана защищать шибеникские поля от турецких набегов. Здесь располагался венецианский гарнизон. Князь следил за регулярностью выплаты жалованья солдатам и кавалеристам, находившимся в крепости. В 1607 г. сведения о Верхполье редки в отчетах, положение на шибеникско-турецкой границе стабилизируется, значение крепости падает. Водица упоминается реже (4 раза), сведения об этом селе отнесены в раздел о коммунальном хозяйстве и снабжении питьевой водой горожан и гарнизона.

Постоянным является раздел о численности населения, но некоторые пункты присутствовали в нем не всегда. Демографические данные приводятся с 1539 г., отсутствуя в семи отчетах. Характеристика горожан содержится в восьми отчетах. Это в основном записи о смелости, отваге, гордости жителей города и его округа; отмечена ненависть к турецким грабителям и готовность сражаться с ними.

Раздел о сословных отношениях имеется только в одной трети отчетов, он появляется с 1587 г. А между тем, отношения между нобиллями и остальным населением Шибеника не всегда были мирными, в чем Венеция убедилась в период антипатрицианского восстания 1510—1511 гг. В эти годы, судя по данным М. Санудо, тема межсословной борьбы в Шибенике часто обсуждалась в советах Республики [15, т. XI, р. 720; т. XII, р. 34, 355, 420]. Почему же сведения об отношениях между разными группами городского населения нечасты? Трудно предположить, что эта тема перестает интересовать правительство после названных событий. Надо полагать, что эти данные сообщались либо в отдельных письмах, либо другими представителями венецианского правительства. Особый интерес

у князей вызывали специфические социальные организации — «братовщины», которые объединяли в это время в Шибенике в основном пришлых селян. Сведения о братовщинах появляются в отчетах начиная с XVII в., недаром их активная деятельность, которой венецианцы были недовольны, проявлялась именно в это время (1606—1627). Урегулирование «крестьянского вопроса» правительство поручило князю, поэтому не приходится удивляться тому, что князь отчитывался о нем.

Раздел IV отразил стремление правительства иметь в городе необходимый запас воды и продовольствия для горожан и гарнизона. В двадцати пяти отчетах есть указания хотя бы на один из подразделов. Так, вопрос об обеспечении хлебом поднят в четырнадцати отчетах. Трудности, испытываемые Шибеником с обеспечением зерном (округа могла снабжать город лишь два месяца в году), объясняются малоподходящими для выращивания зерновых культур природными условиями и сокращением территорий, удобных для посевов. В этих условиях большое значение приобрела политика венецианских властей. Она сводилась к закупке зерна за пределами Далмации и строительству хлебных амбаров (фонтиков). В Шибенике фонтик был построен в конце XVI в., оформилась новая магистратура, призванная следить за ним; князь же руководил ею.

Большие заботы князьям Шибеника доставляло обеспечение города питьевой водой. Об этом сказано в одной трети отчетов. В городе не было собственных источников, воду привозили из Водицы или брали из р. Крки. Строительство цистерн было предложено еще в 1445 г., но закончено только в 1453 г. [16, с. 189]. В отчетах внимание к этому вопросу обострилось после Кипрской войны 1570—1573 гг., когда источник в Водице был захвачен неприятелем и гарнизон и город не получали воду [12, t. IV, s. 141]. Судя по отчетам, князь был ответствен за доставку воды, чистоту цистерн, имел право налагать штраф за их порчу [12, t. VI, s. 182, 278]. В делах благоустройства города князь осуществлял административный контроль, а все мероприятия проводились представителями различных городских магистратур.

Венецианское правительство возложило на князя обязанности контролировать поступления доходов в государственную казну. В то же время раздел о доходах и расходах казны есть не во всех отчетах. До 1577 г. сведения отрывочны, а с 1597 г. по 1619 г. совсем отсутствуют; нерегулярны записи и в последующие годы. Причина в том, что при князе служил счетовод, он и составлял самостоятельный отчет. Доходы от городов шли в две казны: государственную и коммунальную, сбор налогов отдавался на откуп местным жителям, полученные деньги хранил казначей. Князь, вероятно, докладывал о сборе налогов и расходах параллельно с казначеем, что предписывалось ему инструкцией [11, t. II, s. 99—100].

По поводу состояния солин, добыче соли и доходам от ее продажи (важная статья дохода!) князья докладывали в тринадцати отчетах. Эта отрасль хозяйства была жизненно необходимой для Республики, и князь участвовал в решении таких дел. В этот же раздел отнесены сведения о торговле с турками и влахами, но судить о размерах торговых операций по ним трудно.

Раздел VI, посвященный военным вопросам, — самый обширный и сложный. Это доказывает перечень подразделов и их насыщенность материалом. Практически нет отчета, где отсутствовали бы данные об обороне города, причем и описанные выше разделы тоже содержат многочисленную информацию, необходимую военному ведомству. Так, при описании численности горожан учитывалось население, способное носить оружие (с 18 до 50 лет); данные о запасах зерна и воды требовались для гарнизона. Князь не просто информировал правительство о готовности города к военным действиям, но осуществлял гражданский контроль за этой подготовкой. Военный раздел не только занимал значительное место в отчетах, но и был самым конкретным, так как в получении этих данных было особенно заинтересовано правительство. Частичная передача военных функций гражданскому лицу была особенностью Венецианской республики, где профессиональные военные находились под

строгим политическим контролем. Как считает Дж. Хейл, военное поражение Республики влияло главным образом на политическую карьеру венецианских нобилей, принимавших участие в военных действиях [17].

Важен раздел о внешних сношениях. Сведения об ускоках и связях с ними содержатся в одной трети отчетов, правда, они не столь подробны. Это и понятно — ведь существовала особая должность «капитан против ускоков», он и подавал самостоятельную реляцию. Зато об отношениях с соседними турецкими властями (санджакбегами) сообщается почти во всех отчетах. Роль князя в установлении мирных контактов с турками была велика. С момента первых турецких набегов на Далмацию князья выполняли дипломатические поручения правительства. В отчетах заметны попытки князей установить нормальные взаимодействия с турками в периоды между войнами: князья докладывали о переписке с турецкими чиновниками, о преподнесенных подарках. Правительство доверяло им решать пограничные споры. Известен факт о переговорах на границе трогирского дистрикта, которые от имени князя вел Доменико Андрейс, отец известного далматинского историка Павла Андрейса. Таким образом, князь пытался проводить политику правительства с помощью местной коммунальной администрации. Взаимоотношения князя с другими функционерами и коммунальными органами выявить почти не удалось, имеется только пять упоминаний.

Информация, почерпнутая из отчетов, может служить для решения, по крайней мере, двух важнейших проблем: выяснения общественно-политической ситуации в городе и определения функций князя как представителя венецианской администрации. Материалы венецианского текущего делопроизводства вернее отражают и полнее раскрывают существо венецианской политики по отношению к далматинскому населению, чем официальные акты центральных органов власти. Ценность их велика не только для характеристики отношения иноземных властей к подчиненному народу. Как убеждает проделанный анализ, отчеты венецианских проведиторов в Далмации могут быть положены в основу изучения социально-политической истории позднесредневековых далматинских городов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Липовский Л. Л.* Хорваты. СПб., 1900.
2. *Смирнов И. Н.* Отношение Венеции к городским общинам Далмации. Казань, 1880, ч. I; 1884, ч. II.
3. История Югославии. Т. I. М., 1963.
4. *Соколов Н. П.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963.
5. Историја народа Југославије. Књ. II. Београд, 1960.
6. Tesoro politico cioè relationi, istruzioni, trattati, descorsi vari d'ambasciatori pertinenti alla cognizione ed intelligenza degli stati, interessi e dipendense dei più gran principi del mondo. Bologna, 1589.
7. *Foscarini M.* Della letteratura Veneziana libri otto. Padova, 1752.
8. *Ранке Л.* Государи и народы Южной Европы в XVI и XVII веках. Ч. I. СПб., 1856.
9. *Люблинская А. Д.* Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630—1642 гг. Л., 1982.
10. *Baschet A.* La diplomatie vénitienne. Les princes de l'Europe au XVIe siècle. Paris, 1862; *Romanin S.* Storia documentata di Venezia. Venezia, 1853—1861, t. 1—10.
11. Comissiones et relationes venetae. Ed. S. Liubur: — Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium (далее — MSHSM). Zagrabiae, 1876—1888, t. 1—411.
12. Comissiones et relationes venetae. Ed. Novak G., t. IV—VIII.— MSHSM, Zagreb, 1964, 1966, 1970, 1972, 1977.
13. *Cessi R.* Deliberazioni del Maggior Consiglio di Venezia. Bologna, 1931—1950, v. 1—3.
14. *Воробьева И. Г.* Новые материалы по средневековой истории Шибеника. — В кн.: Общество и государство на Балканах в средние века. Калинин, 1980, с. 165—169; *Kniga Statuta zakona i reformacija grada Sibenika.* Sibenik, 1982.
15. *Sanuto M.* Diarii. Venezia, 1884—1887.
16. Sibenik: Spomen zbornik o 900 — obljetnici. Sibenik, 1976.
17. *Hale J. R.* From peacetime establishment to fighting machine: the Venetian army and the War of Cyprus and Lepanto. — In: Il mediterraneo della seconda meta del '500 alla luce di Lepanto. Firenze, 1974.

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ БОЛГАРСКИХ ГАЙДУКОВ ПРОТИВ ОСМАНСКОГО ИГА В XV—XVI ВЕКАХ

Болгарский народ, завоеванный османами в конце XIV в., не смирился с чужеземным игом и продолжал вести борьбу за свое освобождение. Однако в середине XV в. положение болгар значительно осложнилось: после разгрома христианского войска при Варне (1444) и взятия Константинополя (1453) османы упрочивают свои позиции на Балканском полуострове и переходят к планомерному освоению захваченных территорий [1, с. 3; 2, с. 36]. В этой обстановке из среды болгарского народа выдвигается все больше мужественных, активных борцов против османского порабощения.

Особый интерес для исследования представляет гайдуцкое движение. Участников этой борьбы болгары называли «хайдутинами» — гайдуками. Действия этих народных мстителей давно привлекали внимание советских ученых, но специальных исследований по истории болгарского гайдучества XV—XVI вв. нет. Кроме того, существуют разные точки зрения по вопросам о времени зарождения гайдуцкого движения, его характере, масштабах, ареале и т.д. Поэтому, прежде чем перейти к рассмотрению основного вопроса нашего исследования, следует дать краткую характеристику состояния источниковой базы и историографии вопроса.

В третьем томе «Истории Болгарии» Н. С. Державина [3] вооруженной борьбе болгарского народа и гайдуцкому движению уделено всего несколько страниц. Характеризуя гайдучество, ученый вынужден был оперировать в значительной мере данными XVII—XVIII вв., датируя начало этого движения! XVI в. и давая свою трактовку термина «гайдук» (ср. оценку К. Иречека [4]).

В обобщающем труде советских ученых — двухтомной «Истории Болгарии» — период XV—XVI вв. освещен И. С. Достян [5, гл. VII—VIII]. Здесь автор, по оценке советских ученых, дала целостное систематическое изложение социально-экономической истории Болгарии в средние века с марксистских позиций [6, с. 257—258], но при этом вынуждена была отметить крайнюю скудость документальной и историографической базы по гайдуцкому движению [5, с. 179]. В 50-х годах вышли отдельные работы И. С. Достян, посвященные борьбе южно-славянских народов [7, с. 32—49] и борьбе сербского народа против турецкого ига в XV—XIX вв. [8], в которых она касается и болгарских гайдуков. В докладе на Кишиневском симпозиуме 1973 г. И. С. Достян отмечает основные районы действия болгарских гайдуков, активизацию чет в конце XVI в. [9, с. 156—162].

История гайдуцкого движения затрагивалась П. Ф. Шевченко в диссертации [10] и в одной из статей [11, с. 166—185]. Начало борьбы гайдуков автор сначала относил к XVI в. [10, с. 247], но впоследствии датировал началом XV в. [11, с. 180—181]. В 1956 г. была опубликована статья К. Л. Мешвелиани о борьбе болгарского народа против турецких

захватчиков в XV—XVI вв. [12, с. 153—182]. К. Л. Мешвелиани датирует возникновение гайдуцкого движения началом XV в. [12, с. 160; 13, с. 13]; из-за «крайней скудости источников» [13, с. 3] дает только два примера деятельности гайдуцких чет — в 1595 и 1598 гг. [12, с. 162, 175]. Следует отметить, что современные исследования указывают на элементы схематичности и ошибки в работах 50-х годов [14, с. 84].

Очень кратко о гайдуцком движении говорится в работе А. Д. Новицева [15]. Автор считает, что в XV—XVI вв. гайдучество было господствующей формой освободительного движения балканских народов. «Гайдуками становились преимущественно крестьяне» [15, с. 135].

Проблемы гайдуцкого движения получили отражение в исследованиях И. М. Шестунова. В своей ранней работе по болгарскому фольклору автор писал, что возникновение и широкое распространение гайдучества относится к концу XVI в. [16, с. 31]. Основываясь на гайдуцком фольклоре, исследователь выделил тогда три этапа этого движения в болгарских землях. Первый этап, по его мнению, охватывает вторую половину XVI в. (возникновение гайдучества) — 60—70-е годы XVIII в. и «характеризуется только антитурецкой борьбой» [16, с. 33]. Позднее он внес коррективы: появление гайдуков датировал XV в. и дал более точную характеристику этому движению. Он писал, что борьба гайдуков была направлена «против турецких завоевателей, против всей системы угнетения..., а также против местных социальных врагов — господарей, богатеев...» [16, с. 102].

Определенный интерес представляет статья А. М. Мусаева, посвященная историографии гайдуцкого движения конца XVII — начала XVIII в. [17, с. 75—85]. Автор характеризует состояние изученности гайдуцкого движения в советской и болгарской историографии. Значительное внимание он уделяет анализу сборника документов и материалов по истории болгарского гайдуцкого движения XV—XVI вв., изданного Б. Цветковой [18]. А. М. Мусаев справедливо отмечает тенденциозность османских документов, квалифицирующих действия гайдуков как обычный разбой [17, с. 79]. Он отмечает различные точки зрения (В. П. Мутафчиева, А. Л. Матковский, М. С. Мейер) относительно национального и религиозного состава гайдуцких чет, неодинаковые оценки их, правильно отмечает и необходимость специального изучения значения и распространения термина гайдук¹ в Османской империи [18, с. 82].

В болгарской историографии изучению борьбы болгарского народа до середины XIX в. посвящена работа В. Н. Златарского, считавшего, что гайдуцкие четы возникли лишь в период начавшегося «турецкого упадка», в конце XVI — начале XVII в. По мнению автора, гайдуки не только не оказывали своему народу никакой помощи, а, напротив, иногда даже ухудшали и без того тяжелое положение болгар [19, с. 723].

В современной болгарской историографии исследованием наименее изученного периода гайдучества — XV—XVIII вв. — занималась Б. Цветкова, освещавшая эту проблему в вводной статье к сборнику материалов, к сожалению, не отвечающему требованиям научной публикации документов [21, с. 1—2, 5—7, 28, 73], и в специальных статьях [22, с. 31—59; 23, с. 137—152 и др.], где писала и о надеждах болгарских гайдуков в XVI в. на поддержку со стороны европейских стран и о связях с другими балканскими борцами против османского гнета [23, с. 143—145]. Наиболее полно результаты своих исследований Б. Цветкова изложила во вступительной статье «Гайдучество в болгарских землях в XV—XVIII вв.» [18, с. 15—72]. Издание это является первым столь подробным сборником материалов по гайдучеству в болгарских землях. Публикация документов в хронологическом порядке позволяет проследить динамику этого движения. Представляют интерес и специальные карты гайдуцкого движения в XV и XVI вв., составленные П. Коледаровым. Однако факсимиле документов отсутствуют, что создает серьезные трудности для уточ-

¹ Лингвистический анализ терминов гайдуки и харамии, а также метод возможного определения в источниках действий именно гайдуков см. [20, с. 37—49].

нения ряда вопросов. Определенную настороженность вызывает стремление Б. Цветковой видеть во всех приводимых документах XV—XVI вв. подтверждение действий гайдуков, тогда как сами тексты далеко не однозначны в этом смысле. Кроме того, из пяти документов по XV в. док. № 1 и № 3 (нумерация Б. Цветковой) не дают твердых оснований связать их с болгарскими [18, с. 75, 76].

Проблемы вооруженной борьбы болгарского народа и гайдуцкого движения в период с XIV — по XIX вв. получили краткое освещение в статье Й. Митева [24, с. 44—49]. Эта работа в значительной степени основана на документах, изданных Б. Цветковой. Й. Митев верно отмечает, что гайдуцкое движение явилось продолжением вооруженного отпора народных масс и было проявлением классовой антифеодальной борьбы, чаще всего гайдуками становилось «сельское зависимое население». Однако для периода XV—XVI вв. вряд ли правомерно определение болгарского гайдуцкого движения как «всеохватного» [24, с. 45].

Новым достижением болгарской исторической науки явилось издание четвертого тома многотомной «Истории Болгарии» [25], которому предшествовала большая предварительная работа по изучению деятельности наиболее видных представителей своего народа [26, с. 11—21, 65—69]; по изданию и широкому привлечению путевых дневников и записок французских [27], немецких, австрийских [28] и других путешественников и членов посольств и миссий, проезжавших через болгарские земли в XV—XVI вв. В отличие от более ранних «Историй Болгарии» [29 — 33], в которой о гайдуцком движении XV—XVI вв. сказано весьма кратко, в новой работе болгарских ученых этот вопрос получил достаточно полное освещение в разделах, написанных Б. Цветковой и М. Ионовым [25, с. 164—202]. Однако отдельные положения авторов требуют дополнительного рассмотрения и уточнения.

Так, например, по мнению болгарских ученых [29, с. 275; 31, с. 283] первое документальное известие о болгарских гайдуках (к сожалению весьма краткое) относится к 1454 г., когда султан Мехмед II «пленил Радича, болгарского воеводу в Софии» [18, с. 77], но Б. Цветкова верно заметила, что в действительности Радич мог и не быть предводителем гайдуков [25, с. 169].

Болгары, ставшие на путь вооруженной борьбы, объединялись в отряды, и, таким образом, разрозненные акты отдельных лиц становились коллективными действиями. О численности и организационной структуре гайдуцких дружин — чет — писалось не раз. Принято считать, что обычно гайдуки объединялись в «сговорную дружину» из 10—20 человек во главе с воеводой. Иногда приводятся данные о 50—100 гайдуках [16, с. 10, 26; 34, с. 96—100]. Жакопу Бонгарсу — французскому юристу и дипломату — во время пребывания в Османской империи (1585) рассказывали, что «в лесах и горах» около Визы численность гайдуков (только ли их?) составляет около 300 человек [18, с. 87]. Для XV—XVI вв. мы не располагаем достоверными сведениями о внутренней организации чет, а данные о численности очень редки и не указывают, о скольких дружинах идет речь: об одной или о нескольких. Сообщение Бонгарса позволяет думать, что его данные говорят о нескольких отрядах — «в лесах и горах».

Гайдуки вынуждены были скрываться в труднодоступных для власти и еще не полностью освоенных завоевателями районах, которые могли служить убежищами и местами сбора отрядов. О существовании таких убежищ можно судить по османскому кадастру² 1471 г., в котором говорится о том, что относящаяся к области Загора (северо-западная Болгария) мезра Войниче (позднее с. Войница) «является убежищем харамия» [18, с. 77]. Для ликвидации убежища мезра была «оживлена», т. е. эту территорию закрепили за 20 хозяйствами, и мезра стала давать казне доход [18, с. 77]. Отсюда видно, что, не имея возможности постоянно держать в подобных местах боевые отряды, власти стремились поставить их под свой контроль, для чего заселяли эти места людьми, которых обязывали

² Кадастр — список лиц, которые подлежали обложению данью.

обеспечивать спокойствие и порядок на данной территории. Можно согласиться с Б. Цветковой, что скорее всего в этом документе речь идет о поселенцах с дервенджийским³ статусом [18, с. 29].

Помимо этих мер власти предпринимали и другие. В подробном регистре мятников и вакуфов Никопольского санджака (середина XVI в.) о владениях Бали бей, сына Яхьи пашы, владевшего с. Сырнево (не уточнено) рядом с текке, было записано: «Поскольку указанное место было очень опасным харамийским убежищем, упомянутый Бали бей как субаши Тутракан (Силистринский округ.— С. М.) построил на этом месте ... текке. Он собрал и поселил ... неверных» (т. е. христиан), которые должны были обслуживать мусульманских паломников. «С тех пор указанное место стало надежным из-за текке, о котором шла речь, и мусульмане проходили без страха» [18, с. 95]. Таким образом бывшее убежище «харамиев» стало местом паломничества и центром мусульманской религиозной пропаганды.

Довольно подробные сведения о действиях гайдуков и османских методах борьбы с ними содержатся в указе султана от 1 декабря 1528 г. [18, с. 78—80]. В нем говорится о необходимости розыска и преследования «разбойников и харамиев» в болгарских землях и соседних сербских областях, ибо «... в санджаках Кюстендил, Вылчитрен, Призрен..., в казах Юскюб (Скопье.— С. М.), София... появляются и собираются разбойники и харамии. Группируясь в одном месте, они нападают ночью на села, убивают людей, грабят имущество, нападают на путников, уничтожают караваны...» [18, с. 78]. Особое внимание обращается на субашей и санджакбеев «из указанных мест», которые «помогают разбойникам и харамиям, и санджакбей даже помогают ... субашам». Вместо того, чтобы ловить и наказывать, «они не только закрывают глаза (на эти нарушения.— С. М.), но даже освобождают пойманных разбойников» за деньги. Пользуясь безнаказанностью, «разбойники и харамии умножились». Поэтому султан посылает специального инспектора (муфетиш) Ахмеда с отрядом гарибов⁴. В обязанность Ахмеду вменяется поимка «разбойников и харамиев, ятаков и товарищей разбойников и харамиев», тех, которые дают им пищу и кров. Инспектор должен расследовать их дела «согласно шариату..., закону и сообразно обычаю» [18, с. 78—79].

Султан предписал также задерживать и наказывать санджакбеев и субашей, которые за взятки освобождали пойманных. В отношении субашей говорится, что если вина их будет доказана, то они «сами (будут рассматриваться.— С. М.) как разбойники...». В случае бегства «разбойников и харамиев» в другие места, санджакбей и кадии должны отправить туда людей для розыска бежавших [18, с. 79—80].

Для нас этот указ интересен тем, что позволяет догадаться о процессе развития гайдуцкого движения, на что обратила внимание еще Б. Цветкова [18, с. 31]. Однако не следует исключать вероятность того, что в данных документах речь могла идти и о настоящих разбойниках, а не только о гайдуках. Сложность их разграничения заключается в том, что по существующему мнению «харамии» — это обычное название гайдуков в османских документах [18, с. 29]. К тому же тяжелые условия жизни, стихийность и слабая организованность вынуждали и гайдуков прибегать к грабежам и насилиям. «Но в этом движении,— как верно заметила И. С. Достян,— всегда преобладали задачи борьбы против иноземных угнетателей» [8, с. 56—57]. Здесь уместно вспомнить слова В. И. Ленина о том, что действия всякого рода «воровских людей», «разбойных партий», «беглых» и т. д., могли быть и мезью врагу, когда воюющий не имел «силы уничтожить, раздавить врага» [35]. Кроме того, следует учитывать и тот факт, что действия «разбойничьих» групп или отрядов зачастую получали разную оценку у представителей противоборствующих классов. Если для господствующего класса, для османов, они были именно «разбойниками», то для эксплуа-

³ Дервенджи (дербенджи) — категория местного населения, занимавшаяся охраной дорог, перевалов и пользовавшаяся определенными налоговыми льготами.

⁴ Гарибы — части султанской армии, которые набирались из других мусульманских стран и получали жалование [18, с. 80].

тируемого завоеванного населения они могли быть «защитниками». Именно об этом говорит в своей работе Й. Митев: «Хайдутин — турецкое „хайдут“ — „разбойник“, но народ вложил в это понятие иное содержание — защитник, борец» [24, с. 46]. Не случайно у болгарского народа бытовали две оценки гайдучества: одна — положительная, когда гайдуки действовали как народные заступники, а другая отрицательная, если гайдуки начинали заниматься обычным разбоем. Такие гайдуки получали позорное прозвище «кокошарин» (куриный вор, куроцуп) и изгонялись из дружины [36, с. 114; 4, с. 617].

Большой интерес представляют сведения о гайдуках или разбойниках в записках иностранцев, проезжавших через болгарские земли, но эти сообщения очень кратки. Более частые упоминания иностранных информаторов о проявлениях народного сопротивления османам относятся ко второй половине XVI в. Пьер Лескалопье, секретарь французского посланника Франсуа де Ноайля в Стамбуле, сообщает, что 4 апреля 1574 г. около с. Катуница их подстерегла «группа конных разбойников» [27, с. 153, 154]. Так как обоз охраняли сеймены⁵, «разбойники» долго преследовали путников, пока на другой день у Адрианополя не совершили дерзкое нападение. Как пишет Лескалопье, их спасло только появление охотившегося здесь санджакбея с большим отрядом. «Заметив это, разбойники сразу исчезли» [27, с. 154]. По данным автора описания путешествия венецианского байло П. Контарини в Стамбул (1580), в районе Траяновых ворот и Вегрена «путь между горами и лесами очень плохой из-за гайдуков» [18, с. 85].

О положении на юге Болгарии пишет Мельхиор Безолт, сопровождавший миссию Лихтенштейна в 1584 г. 9 октября Безолт записывает в дневнике, что путь около Харманли «...считается самым ненадежным из-за мартолозов или разбойников с большой дороги» [28, с. 443].

Нарастание кризиса Османской империи, ухудшение положения народных масс, австро-турецкая война 1593—1606 гг. вызвали усиление брожения среди балканских народов, активизацию гайдуцких чет. К этому времени народная традиция относит гайдучество легендарного воеводы Чаврада и его 300 юнаков в районе Кожух-планины [25, с. 172]. Предполагают, что дружина Чаврада могла принять участие в нападении на Софию в 1595 г. [37, с. 472; 13, с. 162]. В одном европейском источнике от марта этого года говорится, что в «феврале 1595 г. собралось 2000 сербов и хайдутов», которые, перейдя Дунай, напали на Софию, разграбили и сожгли ее и унесли оттуда огромную добычу...»⁶ [18, с. 91]. В другом источнике в связи с этой акцией упоминается о восстании болгарских «пастырей и хайдутов» [25, с. 186] под Софией, которые приняли участие во взятии города. Хотя время года (февраль) не соответствует традиционному гайдуцкому сезону (весна — осень), однако возможность такого всплеска и подключения болгарских гайдуков к данной акции сербов и хайдутингов вполне реальна.

В 90-е годы XVI в. наблюдается рост активности хайдутских отрядов, пришедших из Валахии и Трансильвании. Из английской дипломатической корреспонденции от 11 мая 1595 г. [38, с. 27—28] и из других источников известно, что валахский князь Михаил Храбрый послал одного из своих военачальников — Баба Новака (старого Новака [39, с. 455]) с его «хайдутинами» против румелийского бейлербея Хасан паши. Разгромив войско Хасан паши, Баба Новак сжег крепость Врацу [25, с. 188], «огранил Видин и предал окрестную землю огню и мечу, а потом отступил...» [38, с. 28] за Дунай, прихватив с собой много пленных и добычу [40, с. 66—67]. По данным европейского источника «в июле турки, которые были разбиты в Валахии, собрались снова у Никополя: там они были обращены в бегство трансильванскими хайдутинами, которые преследовали

⁵ Сеймены или себаны — «ловчие», «псары» — специальные отряды в янычарском корпусе [18, с. 214].

⁶ Описывая это событие, К. Иречек допускает ошибку в датировке первого Тырновского восстания, называя 1595 г., а не 1598 г. [4, с. 605]. Возможно, это ошибка русского издания.

их до самого города, убили более 3000 турок, разграбили и пожгли город» [18, с. 91].

Подобные действия объясняют основную задачу валашских и трансильванских князей — не допустить переправу врага через Дунай; болгарские же христиане, спасаясь от этих погромов, вынуждены были убегать в горы [25, с. 185]. Известно, что Михаил Храбрый и трансильванский князь Сигизмунд Баторий не имели достаточных средств для обеспечения своих «хайдутских отрядов» и они содержались за счет военной добычи.

Действия болгарских гайдуков и «хайдутских отрядов» в конце XVI в. не только сопровождалась, но, по-видимому, способствовали подъему широких народных масс, которые начинают открыто выражать свое недовольство османским господством. Об этом свидетельствует, например, сообщение Фридриха Зайделя от 1596 г. На пути из Софии в Ниш он видел вдоль дороги много сотен казенных «бедных болгарских крестьян, взбунтовавшихся против ...султана» [28, с. 103]. События 1595 и 1596 г. говорят о том, что в условиях все нарастающего кризиса Османской империи и усиления эксплуатации народных масс, действия гайдуков становятся более решительными, дерзкими; они содействуют подъему новой волны народного сопротивления и расширению социальной опоры гайдуцкого движения.

Раскрывая вопрос о совместных действиях болгарских гайдуков и «хайдутских отрядов» из-за Дуная, болгаристы справедливо предупреждают, что «хайдутские отряды» — не обязательно гайдуцкие четы болгар. Там «хайдутскими» назывались специальные отряды, которые составлялись «из особого вида военнотрудового населения преимущественно из пограничных районов Венгрии. Такие хайдуты участвовали и в армии австрийского императора», и в войске Михаила Храброго [18, с. 43]. Как видим, замечание весьма существенное, но, сделав оговорку, исследователи часто забывают о ней и интерпретируют трансильванских и валашских «хайдуты» как болгарских гайдуков. Такому не всегда оправданному смешению (см., например, [40, с. 66—67; 25, с. 180, 187—188]), по-видимому, способствует участие некоторых болгарских гайдуков в отрядах из-за Дуная или отдельные совместные действия болгарских чет с этими отрядами.

Примером подобного подхода может служить бытующее мнение об участии болгарских гайдуков в первом Тырновском восстании 1598 г., сигналом к которому явился сентябрьский поход Михаила Храброго. По данным (8 октября 1598 г.) Георгия Сирмана, посланника австрийского императора в Валахии, «воевода расположил двенадцать тысяч свободных рашских (сербских. — С. М.) хайдуты, которые восстали, дабы охранять проходы» и перевалы на Старой планине [18, с. 93] от османов. Б. Цветкова считает, что болгарские гайдуки вряд ли остались в стороне от вооруженного выступления своего народа [18, с. 44], а М. Йонов пишет, что Тырновское восстание и действия гайдуцких дружин в Болгарии протекали в тесной связи [25, с. 195, 196]. Исключать такую возможность, разумеется, не следует, но какие-либо конкретные сведения об участии болгарских чет в восстании 1598 г. отсутствуют. Стремление ряда историков представить развитие классовой и национально-освободительной борьбы болгарского народа как все более нарастающий процесс, ведет к искажению исторической действительности, ибо в этой борьбе были периоды и спада и подъема. Некоторые болгарские ученые уже обратили внимание на то, что «вооруженная борьба болгар в первые три века турецкого господства была случайной и эпизодической» [33, с. 157].

Ряд исследователей считает, что наибольшую активность в вооруженной борьбе с османами проявляла так называемая «привилегированная райя», отвечавшая за безопасность перевалов, определенных участков дорог и т. д. Эта категория пользовалась большими правами самоуправления, имела оружие, хорошо владела им и в силу этого была менее забитой, осознавала себя определенной общностью людей с весьма близкой судьбой, отличалась большим свободолобием и большей воинственностью [18, с. 28, 38; 19, с. 160].

Существовавший в империи принцип коллективной ответственности всех членов общины перед османскими властями, с одной стороны — спо-

собствовал сохранению доосманских, т. е. болгарских традиций и позволял общине укрывать гайдуков, с другой (притом доминирующей над первой) — этот принцип оказывал «отрицательный эффект на антифеодальные и освободительные движения немусульманского населения» [41, с. 190, 123—125], так как являлся орудием османского государства против болгар.

Конкретным примером последнего служит сообщение Антона Вранчича от 1553 г. о том, что в районе Старой планины и с. Варакек, по словам крестьян, «в прежние времена вообще не было жителей из-за многих разбойников» [28, с. 187], но султан Сулейман I заселил не только эти, но и другие опасные прежде места на протяжении всего пути через горные хребты Старой планины. Население близлежащих сел султан обязал охранять наиболее опасные участки, для чего выделялись специальные сторожа. В случае совершения разбоя и неудавшегося расследования, жители наказывались «как если бы они сами в действительности его (разбой. — С. М.) совершили». В результате этих мер каждое село, «которое до этого посылало разбойников, ныне из страха наказания охраняет свою территорию» [28, с. 187]. Подобные меры позволяли османским властям добиваться (пусть не всегда) желаемого эффекта, и бывшие убежища «разбойников» и ненадежные прежде пути сообщения уже не представляли такой опасности. Не следует исключать и возможность того, что, учитывая неизбежность разбирательства и репрессий со стороны властей, гайдучествующая часть «привилегированной райи» могла осуществлять свои акции возмездия вне пределов территории, закрепленной за их общиной, но тогда она перекладывала ответственность на другую общину. Однако судить об этом из-за отсутствия конкретных данных трудно.

Определяя основные районы деятельности болгарских чет в XV—XVI вв., можно отметить (на основании уже проведенного нами ранее исследования [20, с. 31—35]), что наиболее активные действия болгарских гайдуков разворачивались вдоль главного хребта Старой Планины и к северу от него, в районе горы Витоши, а также в среднем течении реки Тунджи и в районе города Харманли.

Отсутствие сведений о гайдуцком движении во многих других болгарских землях, по-видимому, можно объяснить тем, что в этих областях завоеватели обосновались уже достаточно прочно и органы османского управления пустили глубокие корни [18, с. 10—11; 9, с. 158—159]. Однако рост эксплуатации в этих землях порождал все большее число недовольных. Определенная часть этих людей, ставших на путь гайдучества, вынуждена была уходить в другие районы, где концентрация османских властей и полицейских сил была меньшей, а действия народных заступников могли быть более эффективными.

Социально-классовый характер гайдучества в XV—XVI вв. трудно определить по письменным источникам того времени. Эту лакуну в значительной степени восполняет анализ гайдуцких песен, проведенный И. М. Шептуновым. Автор солидаризируется с Н. С. Державиным и считает, что гайдучество являлось чисто народным движением, «во главе которого не было представителей привилегированных феодальных слоев разгромленного Болгарского царства» [16, с. 23]. Согласно гайдуцким песням, народными заступниками чаще всего становились крестьяне.

По своей социальной направленности и политической программе освободительное движение балканских народов являлось в какой-то мере продолжением борьбы феодальных владетелей против османского государства [9, с. 161]. Отмечая неполноту наших сведений о вооруженной борьбе в XV—XVI вв., можно согласиться с мнением Н. С. Державина о том, что участники этой борьбы постепенно разделяются на две социальные группировки [3, с. 116—117]. Первую представляли болгарские «первенцы» из числа потомков разгромленных знатных бояр, городской знати и высшего духовенства, которые ориентировались на содействие западноевропейских держав, России и на участие широких народных масс — сельского и городского населения, которое было более активно [9, с. 159—160]. Параллельно с первой группировкой, но, зачастую, ни организационно,

ни идеологически с ней не связанная, действовала вторая, которая была представлена болгарскими крестьянами; основной формой их вооруженной борьбы было гайдучество. Ненависть болгарского народа к завоевателям была столь велика, а стремление к освобождению столь непреклонно, что не взирая ни на какие репрессии, гайдуки, при поддержке населения, продолжали вести свою неравную, но решительную борьбу против османских и собственных эксплуататоров.

Вышеизложенное позволяет сделать ряд общих выводов о том, что в XV—XVI вв., особенно к концу XVI в., в связи с кризисом Османской империи стихийные и локальные действия гайдуцких чет вынуждали завоевателей все чаще бороться с социально-опасными выступлениями народных мстителей. Сопротивление болгар способствовало накоплению опыта ведения боевых операций и выработке определенной системы действий народных защитников. Объективным содержанием этого движения была борьба против османского порабощения, борьба за сохранение болгарской народности, за самостоятельность Болгарского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVII вв. М., 1984.
2. *Гасратян М. А., Орешкова С. Р., Петросян Ю. А.* Очерки истории Турции. М., 1983.
3. *Державин Н. С.* История Болгарии. Т. 3. М.—Л., 1947.
4. *Иречек К.* История болгар. Одесса, 1878.
5. История Болгарии. Т. I. М., 1954.
6. *Бейлис А. С., Захарова Е. Н.* Социально-экономическая проблематика Возрождения в советской историографии.— В кн.: 100-летие освобождения Болгарии от османского ига. М., 1978.
7. *Достян И. С.* Борьба южных славян против турецкой агрессии в XIV—XV вв.— Византийский временник, т. 7, 1953.
8. *Достян И. С.* Борьба сербского народа против турецкого ига (XV—начало XIX в.). М., 1958.
9. *Достян И. С.* Освободительное движение южнославянских народов конца XVI — начала XVII в.— В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма (Резюме докладов Кишиневского симпозиума 1973 г.). Кишинев, 1973.
10. *Шевченко П. Ф.* Социально-экономическое положение болгарского крестьянства в XV—XVII вв.— Дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Л., 1956.
11. *Шевченко П. Ф.* Из истории народно-освободительной борьбы болгарского народа против турецких завоевателей.— Уч. зап. Тульск. пед. ин-та. Исторические науки, 1967, с. 166—185.
12. *Мешвелиани К. Л.* Борьба болгарского народа против турецких захватчиков в XV—XVI вв.— Труды Тбилисского госуниверситета, т. 63. Тбилиси, 1956, с. 153—182.
13. *Мешвелиани К. Л.* Борьба болгарского народа против турецких захватчиков в XV—XVI вв.— Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Тбилиси, 1957.
14. *Валев Л. Б.* Изучение вопросов истории Болгарии в Советском Союзе.— Советское славяноведение, 1981, № 5.
15. *Новичев А. Д.* История Турции. Т. I. Эпоха феодализма (XI — XVIII вв.). Л., 1963.
16. *Шептунов И. М.* Хайдуцкое движение в фольклоре южных славян и болгарской литературе. М., 1982.
17. *Мусаев А. М.* Гайдуцкое движение в Османской империи конца XVII — первой половины XVIII в. (К историографии вопроса).— В кн.: Историография и источникововедение истории стран Азии и Африки. Л., 1982, вып. 6.
18. *Цветкова Б.* Хайдутството в българските земи през 15/18 век. Т. I. София, 1971.
19. *Златарски В. Н.* Български въстания и опити за въстания до средата на XIX в.— В сб.: България 1000 година. София, 1930.
20. *Муртузалиев С. И.* Вооруженная борьба болгарского народа и некоторые аспекты изучения гайдуцкого движения второй половины XV — конца XVI в. Махачкала, 1985, 56 с. (Рукопись депон. в ИНИОН АН СССР, № 20652.)
21. Из историята на хайдутството в Пловдивския край. Сб. от материали./Под ред. Б. Цветкова, А. Цветков. Пловдив, 1969.
22. *Цветкова Б.* Хайдутството в българските земи през XV—XVIII в. — Исторически преглед, г. XXIV, 1968, кн. 4, с. 31—59.
23. *Цветкова Б.* Българският народ в международната политическа обстановка през XV—XVII в.— Исторически преглед, г. XXXVII, 1981, кн. 3—4.
24. *Митев И.* Борбата на българския народ против асимилаторската политика на Високата Порга (XIV—XIX в.).— Военноисторически сборник, 1983, кн. 5.

25. История на България в четирнадесет тома. Том четвърти — Българският народ под османско владичество (от XV до началото на XVIII в.). София, 1983.
26. Бележити българи. Очерци в седем тома. Т. II (1396—1878). София, 1968.
27. Френски пътеписи за Балканите XV—XVIII в. Съст. и ред. Б. Цветкова (Чужди пътеписи за Балканите, № 1). София, 1975.
28. Немски и австрийски пътеписи за Балканите (XV—XVI в.). Увод, подбор и коментар. М. П. Йонов (Чужди пътеписи за Балканите, № 3). София, 1979.
29. История на България в два тома. Т. I. София, 1954.
30. Кратка история на България. София, 1958.
31. История на България. Второ преработено издание в три тома. Т. I. София, 1961.
32. *Косев Д., Христов Хр., Ангелов Д.* Кратка история на България. София, 1962.
33. Кратка история на България./Под ред. И. Димитров. София, 1981.
34. *Каракановски Б.* Превземането на град Ловеч от турците в 1474 г.— Сб. Ловеч и Ловчанско. II. София, 1930.
35. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 319.
36. *Стоев С.* Светогледът на българския народ през вековете (По извори на устното народно творчество). София, 1978.
37. *Пастухов Ив.* Българската история. Т. II. София, 1945.
38. *Тодорова М.* Подбрани извори за историята на балканските народи (XV—XIX век). София, 1977.
39. Песни южных славян (Перевод с болгарского, сербскохорватского и словенского). БВЛ. сер. I. М., 1976, т. 11.
40. *Велики К.* Походите на Михаил Витязул на юг от Дунав.— Исторически преглед, 1973, № 1.
41. *Грозданова Е.* Българската селска община през XV—XVIII век. София, 1979.

ГОЛОВКО А. Б.

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО И ВОЕННОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИЯХ РУСИ И ПОЛЬШИ (30-е годы XI—30-е годы XII в.)

В советской историографии в последнее время появился ряд исследований, посвященных анализу истории политических отношений Киевской Руси и Польского государства. Однако освещают они, главным образом, довольно известный период взаимосвязей двух стран — с конца X до середины 30-х годов XI в. [1—4 и др.]. На наш взгляд, весьма целесообразно наряду с продолжением изучения указанного периода начать более глубокое исследование последнего этапа отношений Руси и Польши эпохи существования раннефеодальных государств, а именно с конца 30-х годов XI в. до конца 30-х годов XII в. Русско-польские политические связи в указанный период получили определенное отражение в обобщающей монографии В. Т. Пашуто «Внешняя политика Древней Руси» и в некоторых других работах [5; 6; 7], однако многие аспекты данной темы требуют более обстоятельного изучения, что открывает возможность для уточнения наших представлений по этому весьма важному вопросу внешнеполитической истории Древнерусского государства.

Исследование поставленной темы имеет большое значение не только в плане конкретно-исторического освещения одной из важнейших проблем межславянских отношений, но и для выяснения закономерностей политического развития двух стран в обстановке, с одной стороны, обострения внешней опасности со стороны кочевников для Руси и экспансии Священной Римской империи для Польши, а, с другой стороны, резкого усиления в рассматриваемое время тенденций к феодальной раздробленности. В этих условиях особую роль в политической жизни двух славянских стран, что специально отмечают В. Д. Королюк и В. Т. Пашуто, начинает играть проблема установления и сохранения тесных союзнических отношений друг с другом [2, с. 322—323; 8, с. 36—37]. В данной статье особое внимание уделяется вопросу о политическом и военном союзе в отношениях двух славянских стран.

Во второй половине 30-х годов XI в. в истории Древнерусского и Древнепольского государств произошли серьезные перемены, которые оказали влияние на улучшение их взаимоотношений, обострившихся после известного похода Болеслава Храброго на Киев (1018) и ответных акций киевского князя Ярослава. В это время в Польше происходит ослабление позиций великокняжеской власти (сам князь Казимир был вынужден даже покинуть страну), из состава государства выделились Мазовия и Поморье, ухудшилось международное положение страны, что привело к захвату Силезии и, на непродолжительное время, Малой Польши чешскими феодалами. Ослабление Польского государства, в особенности большая внешнеполитическая активность мазовецкого князя Моислава, который организовал союз с литовскими, прусскими, поморскими племенами, вызвали большую озабоченность у русской великокняжеской администрации, кото-

рая в это время начинает проводить активные внешнеполитические акции в Прибалтике [5, с. 39].

В связи с этим русская дипломатическая служба начала предпринимать энергичные шаги с целью заключения союза с польскими феодальными кругами, для чего к находившемуся в изгнании в Германии Казимиру было направлено посольство из Киева. Сравнительный анализ свидетельств из хроники Анналиста Саксона, «Рочника Красиньских», хроники Галла Анонима приводит к мысли о том, что уже во второй половине 1038 г. между послами Ярослава Мудрого и Казимиром было заключено соглашение о союзе [9, р. 683; 10, с. 19; 11, s. 130] (ср. [12, s. 84]). Это событие произошло, видимо, после неудачного похода русской дружины на Ятвягию [2, с. 304; 5, с. 39], что оказалось дополнительным стимулом к поискам союзников.

Во время переговоров польская сторона согласилась вернуть Руси военнопленных, захваченных Болеславом Храбрым в Киеве в 1018 г., отказалась от претензий на «Червенские грады» [2, с. 307—308], а русские послы, по всей видимости, обещали польскому князю действительную помощь против мазовецко-прибалтийского блока. Оформленный союз был скреплен браком Казимира и русской княжны Марии-Добронегии [9, р. 683].

Заключение русско-польского соглашения привело к более активным действиям Руси в Прибалтике и, очевидно, способствовало возвращению Казимира в Польшу в 1039 г., которое оказалось важным стимулом к консолидации класса польских феодалов и последующему постепенному восстановлению единства страны.

В 1041 г., после удачной войны Руси с литовскими племенами, которые были подчинены контролю Киева [13, с. 103] (ср. [13, с. 13]), русские отряды Ярослава совершили свой первый поход в Мазовию. В исторической литературе вопрос о количестве походов Руси на Мазовию вызывает споры. В. Д. Королюк полагает, что их было четыре (1039, 1041, 1043, 1047) [2, с. 319—321], Б. Влодарский и В. Т. Пашуто — три (1041, 1043, 1047) [14, с. 123; 6, с. 39—40], Б. Д. Греков, Й. Беняк и некоторые другие авторы — два (1041, 1047) [15, с. 487; 16, s. 111]. Сложность в выяснении этого вопроса связана с неидентичностью информации о русско-мазовецких столкновениях в русских летописях («Повести временных лет», Новгородской первой и четвертой летописях, Софийской летописи). Не имея возможности из-за ограниченного объема статьи дать подробный разбор этих сообщений, отметим, что о походе 1039 г. в источниках никаких сведений нет, а поход 1043 г. упоминается в поздней Софийской летописи под влиянием аналогичного свидетельства в Новгородской четвертой летописи [17, с. 137—138; 18, с. 116]. В связи с этим, по всей видимости, правильным следует считать мнение авторов, которые предполагают два похода русской дружины в Мазовию — в 1041 и 1047 гг.

Первое русско-мазовецкое столкновение, в котором поляки из-за войны с Чехией участия не принимали, не было достаточно подготовлено киевским правительством и закончилось безрезультатно для нападавших. В 1046 г. Польша добилась отказа Чехии и Поморья от союза с Мазовией и стала готовиться к непосредственному участию в военных действиях против Моислава [19, р. 47]. Перерастание политического союза Руси и Польши в военный, серьезная подготовка к походу способствовали его успеху и разгрому в 1047 г. мазовецкого князя [13, с. 104]. Таким образом, польско-русское соглашение 1039 г. помогло в значительной мере преодолеть многочисленные противоречия между странами, имевшие место в первой трети XI в., благоприятствовало расширению контактов между союзниками. Важным для укрепления политического союза было разрешение русско-польского спора из-за «Червенских градов» и проблемы киевских пленных, захваченных Болеславом Храбрым, присоединение Мазовии к Польше.

В 50—60-х годах XI в. Русь и Польша сохраняли добрососедские отношения друг с другом, несмотря на изменения международного и внутреннего положения двух стран. Польское государство продолжало борьбу за

укрепление государственного суверенитета (восстановление королевской власти и независимости польской церкви), выступило на стороне папства против универсалистских устремлений Германской империи, а Русь отражала новые наступления кочевников, противоборство с которыми было осложнено появлением первых признаков децентрализации, что выразилось прежде всего в управлении страной своеобразного «княжеского триумvirата» сыновей Ярослава Мудрого — Изяслава, Святослава, Всеволода [6, с. 76—79].

В 1068 г. в Киеве вспыхнуло большое восстание, изгнанный из города великий князь Изяслав бежал в Польшу. Спустя семь месяцев после начала восстания польский князь Болеслав II Смелый с помощью своего войска восстановил Изяслава Ярославича на княжеском троне [13, с. 112—115]. Во многих исследованиях это событие часто представляется как русско-польское военное столкновение. Такой вывод историки делают на основании устаревшей датировки сведений «Поучения» Владимира Мономаха о его мирных переговорах по поручению Святослава и Всеволода Ярославичей с поляками в Сутейске (1073 или 1074 гг., т. е. после похода 1069 г.) и утверждения летописи об избиении «ляхов» — участников похода Болеслава Смелого [13, с. 116, 158; 20, с. 140—151; 21, с. 212].

Однако изучение источников приводит нас к несколько иному выводу. Летописная статья 1069 г. ничего не говорит о военных столкновениях поляков и русских. В. А. Кучкин, исследуя «Поучение» Владимира Мономаха, установил, что мирный договор в приграничном с Польшей Сутейске был заключен не в 1073 г., а во второй половине апреля 1069 г., т. е. вскоре после прибытия дружины Болеслава II на Русь [7, с. 32]. События апреля 1069 г. (переход польской дружиной границы, выступление отряда Всеслава ей навстречу, бегство последнего в Полоцк, переговоры киевлян со Святославом и Всеволодом Ярославичами, посылка Владимира и Олега к Болеславу и Изяславу), а также факт подписания соглашения в находившемся недалеко от польско-русской границы Сутейске свидетельствуют о том, что польский князь, прибыв на Русь, колебался — продолжать ли оказывать поддержку Изяславу или вернуться домой, и только заключение договора помогло польскому монарху принять окончательное решение. Летописный материал свидетельствует об аналогичном стремлении Святослава и Всеволода, киевской правящей верхушки избежать конфликта с польским князем и его союзником Изяславом, который к тому же имел довольно серьезную опору в столице Руси [13, с. 116] (ср. [6, с. 78]). Не следует, видимо, преувеличивать сведения летописи об избиении польских воинов в Киеве [20, с. 148—149], так как летопись отмечает, что их избивали «отай», т. е. тайно, а значит массового выступления против иностранцев не было. Болеслав добился основной цели — восстановления на киевском троне дружественного Польше князя — и быстро вернулся домой, где его ждали многочисленные внешнеполитические проблемы, связанные с борьбой Польши со Священной Римской империей и Чешским княжеством.

Обострившаяся в первой половине 70-х годов XI в. обстановка на Руси вновь привлекла внимание польского князя. В 1073 г. происходит столкновение между сыновьями Ярослава Мудрого Изяславом и его младшими братьями Святославом и Всеволодом. Потерпев поражение в этой борьбе, Изяслав вновь бежит в Польшу к Болеславу Смелому, однако на этот раз не получает поддержки [13, с. 122; 6, с. 79]. Отказ от вмешательства во внутренние дела Руси следует объяснить, видимо, не боязнью Болеслава потерпеть там поражение, как это считают исследователи, придерживающиеся мнения о неудаче похода 1069 г. на Киев [21, с. 212], а изменившейся политической ситуацией. Болеслав не желал в условиях напряженной обстановки в Центральной Европе в связи с борьбой за инвестируемые вести противоборство с сильными князьями, контролировавшим верховную власть на Руси. Не получив помощи в Польше, Изяслав, как известно, обратился за поддержкой к императору Генриху IV, а его сын Ярополк после неудачной миссии киевского князя в Германии, отправился за помощью в Рим к папе Григорию VII [5, с. 42—43; 22, с. 62—68].

Римский папа с большим вниманием выслушал Ярополка Изяславича и в ответ на его обещание подчинить Русь покровительству престола св. Петра написал большое письмо к Болеславу [23, с. 88—91]. В историографии существует мнение, что последующее возвращение из изгнания Изяслава и Ярополка связано с этим папским посланием [21, с. 209]. Однако такое предположение не подтверждается источниками. Григорий VII в своей булле к польскому князю лишь потребовал возвращения денег, захваченных Болеславом у Изяслава во время пребывания последнего в Польше. Папа, очевидно, сам не желал, чтобы польский монарх отвлекал свои силы от борьбы с императором Генрихом IV. Следует иметь также в виду, что между посланием Григория, написанном в апреле 1075 г., и возвращением Изяслава происходит важное событие — совместный поход русской и польской дружин в Чехию в конце лета — начале осени 1075 г. [13, с. 132, 159] (ср. [7, с. 33]). Как видно, русско-польские контакты в то время не только не расстроились, а, наоборот, приобрели еще большее значение, а именно: как и в 40-х годах XI в., переросли в военный союз. Весьма спорной является и другая гипотеза, объясняющая причины возвращения Изяслава на Русь, суть которой сводится к тому, что польско-русский отряд в Чехии потерпел неудачу, приведшую к распаду союза Болеслава с новым киевским князем Святославом и к переориентации Изяслава [24, с. 119]. Однако и в данном случае мы не имеем каких-либо весомых аргументов в пользу такого предположения. Более верным, на наш взгляд, является мнение об успешном завершении похода поляков и русских в Чехию, серьезном влиянии этой победы на коронацию Болеслава Смелого в декабре 1076 г. [25, с. 8—9; 26, с. 234]. Оно подтверждается не только анализом конкретной международной обстановки в то время, но даже тем обстоятельством, что поход, закончившийся неудачей, вряд ли попал бы в «Поучение» Владимира Мономаха. В целом, источники говорят о том, что в условиях острой политической борьбы в Центральной Европе польский монарх не мог позволить себе разорвать выгодный для него союз с Русью, не был заинтересован в этом и русский князь Святослав, который для поддержания хороших отношений с Польшей и избегания возможной реставрации Изяслава организовал поход в Чехию. Только смерть Святослава в декабре 1076 г. заставила Болеслава вновь оказать поддержку Изяславу, который после визита Ярополка к папе вернулся в Польшу. Желая сохранить дружественные связи с Русью, польский князь решил восстановить отношения с Изяславом, предоставив ему в помощь отряд воинов. Однако последний выполнил на Руси лишь функцию почетного эскорта. Всеволод, занявший после смерти Святополка киевский престол, ведя ожесточенную борьбу с младшими братьями, не имел достаточно сил для удержания Киева и передал его старшему брату.

Переворот в Польше в 1079 г., приведший к изгнанию Болеслава Смелого, негативно отразился на развитии отношений Руси и Польши. В историографии международные отношения Польши в последнем двадцатилетии XI в. (в период правления Владислава-Германа), в частности русско-польские отношения, традиционно рассматриваются под влиянием исследований Т. Войцеховского как очень пассивные [27, с. 226—276; ср. 21, с. 218—219]. Однако изучение сохранившихся источников позволяет утверждать, что вся политическая история Польши в то время прошла ряд этапов, на которые серьезное воздействие оказала обстановка в стране, прежде всего борьба различных феодальных группировок, которые часто использовали слабейшего князя Владислава-Германа в своих целях. С конца 70-х до середины 80-х годов русско-польские отношения стали менее активными, что было связано со стремлением знати — участников переворота 1079 г. — установить дружественные отношения со Священной Римской империей и Чехией. С середины 80-х годов происходят важные перемены во внешней политике Польши, объясняемые позицией групп феодалов, недовольных ослаблением международных позиций Польши. В начавшейся в это время борьбе Польши против Германии и Чехии (результатом ее явились решения Майнцкого съезда, по которым Генрих IV передавал Вратиславу польские земли и объявлял его польским королем

[26, кн. II, с. 37]) значительная роль принадлежала сыну Болеслава Смелого Мешко, который в 1086 г. вернулся в Польшу, а в 1088 г. женился на дочери князя Изяслава Евдокии [5, с. 43, 311]. Тогда же правительство Владислава-Германа стало уделять большое внимание политической борьбе на Руси, оказало помощь Ярополку Изяславичу (брату Евдокии) против Всеволода, ставшего после гибели Изяслава в 1078 г. киевским князем [13, с. 134]. Однако интерес польской дипломатии к Руси продолжался недолго: в 1086 г. был убит Ярополк, а спустя три года отравлен Мешко Болеславич, которого в Польше рассматривали в качестве потенциального претендента на польский трон [10, кн. 1, с. 29]. Новая группировка во главе с палатином Сечехом, пришедшая к власти в конце 80-х годов, стремилась к сохранению нормальных отношений Польши со всеми крупными государствами (Германской империей, Чехией, Венгрией и Русью), вела борьбу за возвращение Поморья. Неудачи в Поморье, серьезные уступки Чехии (возобновление уплаты силезской дани), отказ от активной дипломатической борьбы с Империей, усиление власти самого палатина, ставшего фактическим главой государства, вызвали в первой половине 90-х годов XI в. внутренние междоусобные войны, приведшие к новому ослаблению международного положения Польши. В 90-х годах русско-польские отношения развивались несколько сложнее, чем ранее, что связано с началом усиления полицентризма в политической структуре Руси. Если между Киевом и Краковом в то время отношения в целом развивались без каких-либо особых осложнений, то между отделившимися от Киева уделом князей Ростиславичей и Польшей на протяжении всех 90-х годов происходили многочисленные столкновения, в которых на стороне русских князей приняли участие половецкие ханы. Любопытно, что известия об этом конфликте сохранились не только в русских летописях, но и в сочинении немецкого хрониста Герборда [13, с. 141, 176; 28, s. 74] (ср. [29, s. 38—42]).

После смерти в 1102 г. Владислава-Германа серьезные противоречия в польской правящей верхушке усилились, что привело к четкому размежеванию двух борющихся лагерей в Польше, во главе которых стояли сыновья умершего князя Збигнев и Болеслав. В ходе этой борьбы вновь остро встала проблема русско-польского союза. Сторонником его был младший сын Владислава-Германа Болеслав Кривоустый, боровшийся не только за нормализацию внутренней обстановки и укрепление княжеской власти в стране, но и за восстановление прочного внешнеполитического положения Польши. Для успешного выполнения этих задач Болеслав использовал традиционных союзников Польши на международной арене — Русь и Венгрию. Его старший брат Збигнев ориентировался на германских, чешских и поморских феодалов, что объективно противоречило сложившимся направлениям внешней политики Польского государства и вскоре вызвало недовольство значительной части господствующего класса страны. Это привело к постепенному ослаблению лагеря Збигнева.

В 1102 г. сторонники Болеслава Кривоустого и киевский князь Святополк заключили военно-политический союз, который был скреплен браком польского князя и русской княжны Збыславы, дочери Святополка [11, с. 182]. Договоренность об этом была достигнута спустя пять месяцев после смерти Владислава-Германа, что говорит о большом желании сторон, прежде всего Болеслава, к сближению. Очень интересные сведения об этом сообщает польский хронист Галл Аноним, который пишет, что для оформления династического союза в Рим было послано специальное посольство во главе с епископом Балдвином. Здесь посольство тепло принял папа Пасхалий II, который в лице польского князя Болеслава видел возможного союзника против Германской империи [10, кн. II, с. 23; 30, s. 254—255].

Усиление позиций князя Владимира Мономаха, приведшее к фактическому оформлению на Руси в конце XI — начале XII вв. дуумвирата в лице киевского и перемышлянского князей, серьезная угроза Волыни и Киеву со стороны галицких князей Ростиславичей, стремление Руси к активной внешней политике в Прибалтике вызвали также большую заинтересованность Святополка и его сына Ярослава (последний вскоре после

оформления русско-польского союза женился на сестре Болеслава Кривоустого) в поддержании дружественных связей с краковским двором [29, с. 41—42].

Вскоре после заключения союза с киевским князем Болеслав начал открытую войну со Збигневом, на ход которой, кроме Руси, большое воздействие оказали соседи Польши: Германия, Чехия, Венгрия, поморские земли. Во время столкновений с противником Болеслав Кривоустый неоднократно получал значительную поддержку русских [10, кн. II, с. 36, 38]. Серьезное влияние Киева на развитие событий в Польше хорошо понимал и Збигнев. Из русских летописей мы узнаем, что он пытался привлечь на свою сторону князя Святополка, однако не получил никакой поддержки, что во многом предопределило его поражение [13, с. 186]. О большом внимании русских союзников Болеслава к событиям в Польше говорит то обстоятельство, что сын Святополка волынский князь Ярослав непосредственно участвовал в происходившей здесь политической борьбе. В 1107 г. он вместе с епископом Балдвином был инициатором переговоров между братьями, итоги которых фактически привели к единовластию Болеслава Кривоустого. Позже, в 1108 г., русские и венгерские отряды оказали помощь в окончательном разгроме Збигнева, а в 1109 г. приглашались Кривоустым для борьбы с вторгнувшейся в Польшу армией Генриха V [10, кн. II, с. 41, кн. III, с. 4] (ср. [5, с. 48]).

Успехи Болеслава Кривоустого в междоусобной войне, укрепление международного положения Польши создали благоприятные условия для нейтрализации Ростиславичей, открыли еще одно важное направление деятельности польско-киевско-волынского союза. А именно: из хроники Галла Анонима и летописей мы узнаем о серии походов Болеслава Кривоустого и Ярослава волынского в начале второго десятилетия XII в. против прусских племен [13, кн. II, с. 42, кн. III, с. 24, 195; 31, с. 290] (ср. [5, с. 48]).

Политические события на Руси, следовавшие после смерти Святополка, в результате которых великим князем Руси стал Владимир Мономах, повлекли за собой серьезные перемены не только внутренней, но и внешней политики киевского двора. Установление власти Мономаха вызвало большое недовольство у союзника и родственника польского правителя Ярослава Святополковича. В политических отношениях Руси и Польши фактически повторилась ситуация, аналогичная с событиями 1069, 1077, 1086 гг., когда польские феодалы оказывали поддержку своим союзникам во внутривосточной борьбе. Владимир Мономах с самого начала правления в Киеве боролся за укрепление своей власти на Руси, в связи с чем большое внимание уделял борьбе против Волыни. Изгнание Ярослава Святополковича из Владимира-Волынского привело к обострению отношений между Краковом и Киевом, вылившемуся в пограничный конфликт 1119—1123 гг. [31, с. 292—293; 32, с. 285—287]. Не имея возможности выделить достаточные силы для борьбы с киевским князем, польский двор организовал в 1122 г. похищение галицкого князя Володаря Ростиславича, что сыграло определенную роль в ослаблении позиций нового киевского князя в юго-западной части Руси [31, с. 292; 32, с. 286; 33, с. 161; 28, с. 74—75]. В следующем 1123 г. Ярославу удалось сколотить значительную коалицию из поляков, чехов, венгров, в ее состав вошли Ростиславичи, которые, по-видимому, согласились на это в обмен на освобождение Володаря. Гибель Ярослава во время осады Владимира-Волынского привела к распаду его неустойчивой армии [32, с. 286; 29, с. 52—53]. Последними событиями польско-русских столкновений этого времени были поход конца 1123 — начала 1124 гг. на Вислицу Володаря Ростиславича, который, очевидно, хотел отомстить полякам за похищение, и ответное нападение польских отрядов на галицкие земли [33, с. 162—163].

Гибель Ярослава Святополковича, а затем смерть Володаря и Василька Ростиславичей, Владимира Мономаха способствовали постепенному затуханию конфликта и нормализации отношений между Русью и Польшей, о чем свидетельствует ряд династических союзов второй половины 20—30-х годов XII в. между русскими и польскими княжескими домами, совмест-

ная поддержка Болеславом Кривоустым и галицким князем Владимирко Бориса Коломановича, претендовавшего на венгерский трон [32, с. 288, 300; 29, с. 57; 30, с. 219]. Однако безусловно важная для двух стран проблема военного и политического союза в то время уже не ставилась, что во многом связано с обострением внутренних усобиц и половецкой опасности для Руси [32, с. 290—300].

Анализ русско-польских политических отношений с конца 30-х годов XI до конца 30-х годов XII в. позволяет нам выделить четыре основных этапа их развития (конец 30-х — 40-е годы XI в., 60—70-е годы XI в., 80—90-е годы XI в. и первая треть XII в.). В конце 30-х — 40-х годах XI в. после заключения союза оба славянских государства провели ряд совместных внешнеполитических акций, укрепивших их международное положение. В 60—70-х годах XI в. отношения между Польшей и Русью в условиях ожесточенного противоборства первой с Германской империей и Чехией, второй — с кочевниками не только сохранились, но и продолжали развиваться далее (вспомним совместный поход польских и русских отрядов в Чехию в 1075—1076 гг.). Последнее двадцатилетие XI в. из-за усиления феодальной раздробленности характеризуется значительным ослаблением взаимосвязей двух стран. Однако и в этот период наблюдаются тенденции к заключению военно-политического союза. Именно такой союз был оформлен в начале XII в. между Киевом и Краковом. Он сыграл значительную роль в укреплении позиций русских князей Святополка и Ярослава и особенно польского князя Болеслава III Кривоустого. Приход к власти в Киеве Владимира Мономаха, его борьба с Ярославом Святополковичем вызвали конфликты на русско-польской границе, которые, однако, не ухудшили серьезно отношения Руси и Польши, о чем говорят факты их довольно быстрой нормализации во второй половине 20-х—30-х годах XII в.

Сравнение выделенных этапов говорит о том, что во второй половине XI — первой трети XII вв. в отношениях Руси и Польши важное значение имела проблема политического и военного союза. Успешное развитие отношений на основе такого союза благоприятно воздействовало на международное положение славянских государств, способствовало устранению внешней опасности. В то же время нужно отметить, что усиливавшиеся тенденции к феодальной раздробленности, прежде всего междоусобные войны, значительная нестабильность княжеской власти неблагоприятно отражались на объективных тенденциях развития двух стран. Однако в целом в рассматриваемое время, несмотря на существенный вред полицентризма (особенно в конце XI и в 20-х годах XII вв.), в русско-польских связях преобладает прогрессивная тенденция к развитию союзнических отношений.

С конца 30-х — начала 40-х годов XII в., в условиях установления феодальной раздробленности на Руси и в Польше отношения между двумя славянскими странами продолжали развиваться, однако, система государственного устройства не позволила им достичь того уровня, как это было на последнем этапе существования раннефеодальных государств. Русско-польские отношения постепенно приобрели форму связей между отдельными древнерусскими и польскими княжествами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Исаевич Я. Д.* «Грады Червенские» и Перемышльская земля в политических отношениях между восточными и западными славянами. — В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972, с. 107—124.
2. *Корольюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964.
3. *Свердлов М. Б.* Известия о Руси в Хронике Титмара Мерзебургского. — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976, с. 102—112.
4. *Головко О. Б.* До питання про початок міждержавних відносин Київської Русі й Польщі у X ст. — Український історичний журнал, 1983, № 6, с. 113—118; *Головко О. Б.* Политические отношения Руси и Польши в начале XI в. — В кн.: Вопросы истории СССР. Харьков, 1981, вып. 26, с. 106—112.
5. *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

6. Головоко О. Б. Київ і політична боротьба на Русі (кінець 60-х — перша половина 70-х років XI ст.). — Український історичний журнал, 1982, № 2.
7. Кучкин В. А. «Поучение» Владимира Мономаха и русско-польско-германские отношения 60—70-х годов XI в. — Советское славяноведение, 1971, № 2.
8. Пашуто В. Т. Международное значение Древней Руси. — История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г. Доклады советской делегации. М., 1983.
9. Annalista Saxo. — In: Monumenta Germaniae Historica. Scriptores, t. VI. Ed. G. H. Pertz. Hannoverae, 1844.
10. Галл Аноним. Хроника или деяния князей или правителей польских. М., 1961.
11. Rocznik Krasieński. — In: Monumenta Poloniae Historica, t. III. Ed. A. Bielowski. Lwów, 1878.
12. Balzer O. Genealogia Piastów. Warszawa, 1895.
13. Повесть временных лет. М.—Л., 1950, ч. 1.
14. Владарский Б. Ятвяжская проблема в польско-русских связях X—XIII вв. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961.
15. Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953.
16. Bieniak J. Źródło ruskie do sprawy Miecława. — In: Studia źródłoznawcze, t. VIII. Warszawa — Poznań, 1963.
17. Полное собрание русских летописей. Т. V. Псковская вторая летопись. Софийская первая летопись. СПб., 1851.
18. Полное собрание русских летописей. Т. IV, вып. I, ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Петроград, 1915.
19. Annales Altahenses maiores. — In: Scriptores regum Germanicarum. Ed. G. H. Pertz. Hannoverae, 1862.
20. Ткаченко М. Повстання в Києві в 1068—1069 рр. — В кн.: Наукові записки інституту історії і археології АН УРСР. Уфа, 1943, вип. 1.
21. Historia Polski, t. I, cz. 1. Warszawa, 1957.
22. Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV вв. М., 1959.
23. Рапов О. М., Ткаченко Н. Г. Документы о взаимоотношениях папской курии с великим киевским князем Изяславом Ярославичем и польским князем Болеславом II Смелым в 1075 г. — Вестник МГУ, 1975, серия история, № 5.
24. Липинченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст. Киев, 1884, ч. 1.
25. Шайтан М. Э. Германия и Русь в XI в. — В кн.: Летопись занятий постоянной историко-географической комиссии. Л., 1927, т. XXIV(I).
26. Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962.
27. Wojciechowski T. Szkice historyczne XI wieku. Warszawa, 1970.
28. Herbordi Vita Ottonis episcopi babenbergensis. — In: Monumenta Poloniae Historica, t. II. Ed. A. Bielowski. Lwów, 1872.
29. Włodarski B. Ruś w planach politycznych Bolesława Krzywoustego (1102—1138). — In: Zeszyty Naukowy Uniwersytetu M. Kopernika w Toruni. Nauki humanistyczno-społeczne, zesz. 20. Historia, II. Toruń, 1966.
30. Maleczyński K. Bolesław III Krzywousty. Wrocław — Kraków — Gdańsk. 1975.
31. Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. 1—3. Л., 1926—1927.
32. Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908.
33. Mistrza Kadlubka Kronika Polska. Warszawa, 1974.

БЕЛОРУССИЯ ФЕОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 20-Х ГОДОВ

С победой Великой Октябрьской социалистической революции началось развитие советской исторической науки. На ее основе стало возможным научное освещение истории белорусского народа, критическое переосмысление сложившихся представлений о ней в прошлой историографии.

Уже в 20-е годы исходным принципом исследований советских историков становится признание решающей роли народных масс в истории общества, понимание экономических отношений как основы исторического процесса, освещение классовой борьбы как движущей силы истории [1, с. 259].

Такая позиция отчетливо проявилась в 20-е годы в освещении белорусскими исследователями истории Белоруссии в феодальную эпоху.

Однако до настоящего времени в оценке их трудов нет еще полной ясности. Сказывается влияние необоснованных отрицательных суждений об идейно-теоретической направленности некоторых историков тех лет, сформулированных в книге В. К. Щербакова [2]. Весьма беглую и поверхностную оценку белорусской советской историографии 20-х годов содержат историографические обзоры [3]. Более полно раскрыто лишь значение в советской историографии творчества В. И. Пичеты, но и эта тема нуждается в существенных дополнениях [4].

Основным видом издания в 20-е годы были статьи в журналах, сборниках. Монографические исследования были еще весьма редки.

При всей скромности масштабов начатой в 20-е годы научной работы по истории Белоруссии эпохи феодализма в ней можно заметить определенную тематическую направленность. Преобладал интерес к истории аграрных отношений, крестьянства, городов, культуры, политической жизни. Исходя из марксистского принципа историзма феодальное общество изучалось в развитии.

Становление белорусской исторической науки не могло не испытать трудностей в связи с тем, что на первых порах заметную роль в ней играли историки, чьи взгляды сложились в пределах буржуазного мировоззрения. Щедрая дань этому отдана в брошюре М. В. Довнара-Запольского «Асновы дзяржаўнасці Беларусі», изданной в 1919 г. В том же году вышло первое издание обзорной работы В. И. Игнатовского «Краткий очерк истории Белоруссии». Книга переиздавалась в течение 1919—1927 гг.

В предисловии к четвертому (наиболее зрелому, по мнению автора) изданию, вышедшему в 1925 г., Игнатовский предусмотрительно отметил, что сохранилось еще «влияние старых методов работы историка». В своем стремлении по-новому подойти к освещению истории Белоруссии он считает необходимым учитывать «этнографические и классовые различия». Определяя исторические этапы, автор выясняет «особенности социально-политической и культурной жизни» [5, с. 6, 10]. Однако в реализации этих аспектов автор допустил ошибки, которые можно объяснить влиянием старых методов работы историка. Но в книге Игнатовского есть и элементы

нового понимания сущности исторического процесса. Автор подчеркивает роль народных масс в истории Белоруссии, указывает на классовую борьбу как на едвигущую силу. Игнатовский явно стремился вести изложение с материалистических позиций, однако допустил ошибки, обусловленные известной национальной ограниченностью его взглядов.

Понимание возможностей материалистической концепции отличает статью В. И. Пичеты «Полоцкая земля в начале XVI столетия». Свою характеристику социальной обстановки автор строит, исходя из выяснения контрастов, выделяет на одном полюсе «широкие политические права и привилегии», принадлежавшие «господствующим общественным группам», а на другом — рост личной зависимости крестьян, их тяглых повинностей и даней [6, с. 84].

Исходным принципом для выяснения главных черт общественной жизни Полоцкой земли выступает изучение социальных слоев населения, подчеркнута определяющая роль крепостничества, феодальной зависимости. Автор ищет в экономике почву, на которой сложилась в Полоцкой земле определенная социальная структура населения и возникли социальные антагонизмы, но понимает все это с позиций пресловутой теории торгового капитала. Последняя оказалась решающее влияние и на концепцию М. В. Довнара-Запольского, изложенную в статье «Социально-экономическая структура Литовско-Белорусского государства в XVI—XVIII столетиях».

Распространенная среди советских историков в 20-е годы теория торгового капитала сузила наблюдения автора, привела к упрощенному пониманию экономических и социальных процессов. Тем не менее автор верно подметил распад старых форм времен общинного строя и становление феодальной экономики, усиление феодальной эксплуатации, показал роль рыночных связей в эволюции крестьянского хозяйства, общую динамику экономического развития в XVI—XVIII вв. — подъем, упадок, новый подъем всей хозяйственной жизни. Большое научное значение уже тогда имел конечный вывод автора, что воссоединение с Россией создавало новую ситуацию, «обещало лучшие условия для хозяйственной жизни страны» [7, с. 35, 52—53, 66].

Более зрелой, научно оправданной была позиция В. И. Пичеты в его работе «История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии (до конца XVI в.)». Он видит три фактора, обусловившие сдвиги в сельском хозяйстве: воздействие торгового капитала, развитие производительных сил страны в целом, политическое господство «тех общественных кругов, которые в тот или иной момент исторической жизни белорусского народа держали власть в своих руках». Увлечение теорией торгового капитала и здесь сузило кругозор авторских наблюдений, привело к весьма спорным и просто ошибочным суждениям. При этом, однако, автор проследил переход от использования труда челяди к эксплуатации тяглого, закрепощенного крестьянства, связь закрепощения с процессом развития сельского хозяйства [8, с. 99].

В. И. Пичета был ведущим советским исследователем истории аграрных отношений в Белоруссии XVI в. В 1922 г. он опубликовал три статьи об аграрных мероприятиях верховной власти Великого княжества Литовского. Рассматривая аграрные нововведения в середине XVI в., он показывает присущую им социальную направленность, ориентацию поместья на барщинно-крепостническую эксплуатацию. Саму реформу он объясняет не как инициативу августейшего одиночки, а как «отражение практико-экономического движения», охватившего господствующий класс. Более того, он показывает влияние сопротивления крестьян на формирование норм и видов повинностей [9]. Серьезный методологический сдвиг от формально-юридического подхода к социально-экономическому в этих работах выступает вполне отчетливо, раскрывает огромные творческие возможности выдающегося ученого. Сопоставление данных разных периодов позволяет В. И. Пичете проследить эволюцию изучаемого явления, установить рост к концу XVI в. «натуральных и денежных повинностей тяглого населения» [10, с. 99—100].

Сравнение норм «Уставы на волоки» 1557 г. и уставы Бобруйской волости 1626 г. дало возможность ученому показать рост феодальных повинностей на востоке Белоруссии, считавшейся ранее районом, не знавшим барщины. Более широкую задачу В. И. Пичета сумел решить посредством сопоставления правовых норм «Русской Правды» с нормами Статута Великого княжества Литовского, Русского, Жмоитского 1529 г. Здесь автор указывает на кризис института невольничества в княжестве, в том числе и в пределах Белоруссии, на возникновение крепостничества. Автор хорошо видит классовую природу этого режима, решающую роль в его становлении монополии земельной собственности феодалов. Классовый подход помогает ему раскрыть социальный смысл юридических норм, показать, что в них фиксируются не просто различные разряды крестьян, а разные формы феодальной зависимости. «Волостные люди и землевладельцы, — заключает автор, — это были два враждебных друг другу класса». С этой позиции В. И. Пичета указывает на разряд свободных крестьян («похожих», «прихожих», «вольных») как на главный объект солидарных действий и юридических установлений феодалов с целью их полного закрепощения. Исследователь решительно выступает против «юридически-догматического метода» освещения темы и залогом успеха считает умение раскрыть роль экономических условий, видеть в их состоянии причину тех или иных форм социальной зависимости [11, с. 427, 467].

Преодоление формально-юридического подхода позволило В. И. Пичете выяснить все многообразие и конкретно-исторический смысл столь сложного явления как закупничество. В. И. Пичета правомерно указывал, что усилению крепостнической зависимости в Белоруссии способствовало развитие товарно-денежных отношений, правда, он преувеличивал их роль в судьбах феодального общества и поместного хозяйства в духе постулатов теории торгового капитала.

Аграрную историю Белоруссии феодального периода рассматривали в своих статьях, вышедших в 20-е годы, Д. А. Жаринов, И. К. Гембицкий, А. Бурдейко, Т. Забелло. Весьма различные по темам, использованным источникам и приемам освещения они все же имели и общее — подход к феодальному обществу как к обществу классовому, основанному на эксплуатации одного класса другим. Исследует ли Жаринов социальные предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в России, прослеживает ли Гембицкий сущность волочной померы Бобруйского староства в XVII в., анализируют ли социальную структуру феодального общества по данным Статутов Великого княжества Литовского 1566 и 1588 гг. Бурдейко и Забелло, характеризует ли Забелло поместное хозяйство и положение крестьянства во второй половине XVIII в., — каждый из них подходит к своим задачам, отправляясь от концепции классовой, эксплуататорской природы феодализма. Общим для них принципом является стремление в изучаемых явлениях вскрыть тенденцию развития. Так, дифференциацию крестьянства Д. А. Жаринов рассматривает в двух аспектах — имущественном и социальном. Вместе с тем автор подчеркивает решающее значение развития производительных сил: «Крепостная деревня, хотя и при ненормальных условиях, все же переживала свой процесс роста производительных сил, и этот процесс незаметно, хотя и неуклонно подтачивал основу крепостного права» [12, с. 252]. Следуя этому принципу, автор устанавливает факт роста в крестьянской среде богатой эксплуататорской верхушки, недовольной крепостничеством. Свою точку зрения он пытался подтвердить на материалах Минской губернии.

И. К. Гембицкий, забыв о конкретно-историческом характере изучаемого им явления — волочной померы Бобруйского староства 1639 г., искал в ее содержании доказательства того, что первая половина XVII в. на востоке Белоруссии была «переходной эпохой от феодализма к капитализму» [13, с. 21]. Однако отдельные неудачи, упрощения под влиянием модной в те годы теории торгового капитала не останавливали процесс утверждения в белорусской советской историографии марксистской методологии.

Классовый подход при изучении Статутов Великого княжества Литовского позволил А. Бурдейко и Т. Забелло четко проанализировать содер-

жащиеся в них статьи о господствующем классе. В работе А. Бурдейко основательно раскрыта «шляхетность» Статута, его направленность на «охрану пана». Однако представление о решающей роли торгового капитала не позволило автору избежать искусственной схемы — видеть в среде феодалов XVI в. «обычных буржуазных помещиков» [14]. Но промахи и слабости в изложении отдельных вопросов не заслоняют несомненной научной заслуги автора, состоящей в обстоятельном раскрытии классовой сущности норм и установлений Статута 1566 г. как кодекса, не только охранявшего жизнь и имущество феодала, но и передававшего в его полную власть крестьянские массы.

Классовую сущность норм Статутов Великого княжества Литовского раскрывают и опубликованные в 1928 г. статьи Т. Забелло и А. Товстолес. Товстолес ограничился обзором норм заставного права с точки зрения защиты в них интересов господствующего класса, обеспечения прав кредитора и должника [15, с. 122—129]. Забелло подошел к проблеме землевладельца и земледельца по Статуту 1588 г. не только с правовой, но и с экономической позиции. Т. Забелло обстоятельно рассмотрел положение крестьянства, отметил различие норм отработочной ренты на Западе и Востоке Белоруссии [16]. К сожалению, автор не учел роль личной, внеэкономической зависимости, а как отмечал К. Маркс, в феодальном обществе «все зависимы — крепостные и феодалы, вассалы и сюзерены, миряне и попы. Личная зависимость характеризует тут как общественные отношения материального производства, так и основанные на нем сферы жизни» [17].

К. Кернажицкий, используя инвентарные описания 12 феодальных владений второй половины XVIII в., исследовал структуру посева с незначительным удельным весом технических культур, обнаружил перевод части крестьян на денежный оброк, возникновение слоя неимущих — бобылей, в которых он видел «сельский пролетариат». По мнению автора, это было время, когда и господское и крестьянское хозяйства великокняжеских владений переживали «болезненный процесс переходного периода в направлении к денежному хозяйству. Этот переломный процесс, связанный с накоплением капитала дворовым (т. е. господским. — З. К.) хозяйством, происходил за счет огромного обнищания крестьянских масс» [18, с. 37, 39, 42]. Так впервые получил научное объяснение генезис капитализма в Белоруссии. Новаторская по методу работа Кернажицкого положила начало углубленному изучению процесса разложения феодального способа производства и возникновения капитализма в Белоруссии. Не избежал и он упрощений, но они не умаляют главного достоинства его труда. В другой статье Кернажицкий на материале крупного феодального владения (1639 г., конец XVIII в. и 1810 г.) проследил развитие товарно-денежных отношений и последствия этого процесса в восточной части Белоруссии [19, с. 90, 145].

Ряд статей посвящен истории городов XVI—XVII вв. — Новогрудка, Минска, Могилева, Бреста и др. Среди их авторов уже известные нам Т. Забелло, А. Бурдейко, но есть и новые имена: З. Давгалло, В. Дружчиц, Вл. Краснянский, Т. Степанов. В статьях рассматриваются вопросы как общего, так и частного характера: братство прасолов в Могилеве, торговля Витебска, городское самоуправление в городах Белоруссии с магдебургским правом. Ограниченность сохранившихся источников вынуждала авторов делать оговорки о возможностях предпринимаемого ими поиска. Бурдейко беспокоит незначительное количество сведений о занятиях горожан, структуре городского населения, отсутствие сопоставимых данных [20, с. 155]. Сами по себе эти оговорки свидетельствуют о верной методологической направленности взглядов историка. Однако, описывая историю Новогрудка, автор нарочито подчеркивает значение города в качестве столицы Великого княжества Литовского, чтобы тем самым оправдать свое ошибочное определение всего государства как Литовско-Белорусского. Преобладающий интерес к административному устройству внутригородской жизни продиктован состоянием источников, но предельно учетны те данные об экономической жизни города, которые содержат опубли-

кованные документы. Пересказом фактов о Минске XVI—XVIII вв. ограничился в своей статье З. Давгалло [21].

Более зрелая позиция характерна для статьи Т. Степанова о Могилеве. Он оспаривает утверждение А. К. Киркора, считавшего, что Могилеву было пожаловано магдебургское право благодаря покровительству магната Ходкевича. Степанов правомерно считает, что это явление следует объяснять исходя из экономического развития города и той борьбы, которую вели горожане «за свои права и независимость». В истории города автор подчеркивает ведущее значение процесса отделения ремесла и торговли от земледелия, усматривая в такой направленности общественного разделения труда суть превращения сельского поселения в город [22]. Вместе с тем, он не забывает отметить своеобразие феодального города как поселения с заметной ролью сельскохозяйственных занятий. Конечно, «крен» в область торговли по канонам теории торгового капитала проявился и в данной статье, но это не ослабляет впечатления о четкой методологической позиции автора, научной значимости работы в целом.

Широта охвата материала, явлений городской жизни отличает статью о Бресте в XVI в., опубликованную Т. Забелло [23]. В ней содержатся попытки определить масштаб торговых операций города. Сравнительное изучение различных направлений городской жизни по данным XV и XVI вв. позволило автору обнаружить появление в ремесле купца-посредника, замену натуральных поборов денежными, т. е. рост экономической роли города.

Хотелось бы высказать ряд общих замечаний, касающихся многих работ. Состояние источников неизбежно ограничивало изложение отдельными наблюдениями, нередко вело лишь к пересказу событий. Были и издержки в виде весьма упрощенной социологической схемы, приведшей, например, З. Давгалло к утверждению, будто братство прасолов (т. е. типично средневековая организация) было ни больше, ни меньше как «капиталистической торговой организацией» [24, с. 129]. Некоторые суждения свидетельствуют о недостаточной изученности автором темы. К издержкам можно отнести и влияние формально-юридического подхода в статье В. Дружчица о власти и функциях войта [25]. Но в этой же статье есть и понимание социальных последствий назначения войтами городов крупных феодалов. Тот же автор проявил глубокое понимание значения конкретно-исторического подхода для выразительного и верного освещения в другой статье условий формирования в городах Белоруссии XV—XVII вв. самоуправления, его роли в городской жизни. Дружчиц правомерно искал социальные причины сопротивления, которое оказывали горожане «крывдам и уцїскам», чинимым войтами, бурмистрами, радцами, он отметил черты классового антагонизма в этих столкновениях. Принципиальное значение и сегодня сохраняет вывод Дружчица: «Магдебургское право, заимствованное из Западной Европы, не давало готовой формы для организации городской власти в Белоруссии. Эта власть не просто перенималась у немецких или польских городов, а вырабатывалась на месте при активном участии городского населения, которое стремилось приспособить заимствованные формы права и организации власти к своим собственным интересам» [26, с. 381, 382, 383].

В круг научных интересов историков республики в 20-е годы вошла и источниковедческая тема. В статье А. Ясинского широко представлены такие исследовательские приемы, как сопоставление текстов «Книги Данин» с текстами грамот для выяснения их идентичности, генетической связи, совпадений и различий, роль заголовков, хронологическая последовательность текстов [27]. Существенным итогом авторского анализа явилось обоснование достоверности и высокой компетентности «Книги Данин» как исторического источника для освещения истории Белоруссии.

Важную научную задачу решало источниковедческое исследование А. Бурдейко о Приказе Великого княжества Литовского — одного из правительственных учреждений Русского государства в Москве [28]. Автор не ограничился описанием книг. Он выделил часть документации о положении крестьянских масс и классовой борьбе крестьянства, дал обзор ма-

териалов, которые позволили исследовать городскую жизнь, развитие торговли.

Можно заключить, что в 20-е годы было положено начало освещению истории Белоруссии феодального периода с марксистских позиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чагин Б. А., Клушин В. Н. Борьба за исторический материализм в СССР в 20-е годы. Л., 1975.
2. Шчарбакоў В. К. Класавая барацьба і гістарычная навука на Беларусі. Минск, 1934, с. 49—69.
3. Навука у Беларускай ССР за 40 год. Минск, 1958, с. 67—69; Навука БССР за 50 год. Минск, 1968, с. 52—56; Достижения исторической науки в БССР за 60 лет. Минск, 1979, с. 3—10.
4. Вайнштейн О. Л. История советской медиэвистики. Л., 1968, с. 44, 53, 79, 80, 123, 200 и сл.; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. М., 1966, с. 170, 178, 233, 234, 256, 296, 299, 301 и сл.; Королук В. Д. Владимир Иванович Пичета. — Вопросы истории, 1970, № 8; Иоффе М. Г. В. И. Пичета как историк социально-экономического развития Белоруссии в эпоху феодализма (XV — первая половина XVII в.). — Автореферат дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Минск, 1974.
5. У. Ігнатойскі. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Минск, 1925.
6. Пичета Ул. Полацкая земля ў пачатку XVI стагоддзя. Чатырохсотлецце беларускага друку. 1525—1925. Минск, 1926.
7. Доўнар-Запольскі М. В. Сацыяльна-эканамічная структура Літоўска-Беларуская дзяржавы ў XVI—XVIII стагоддзях. — Гістарычна-археалагічны зборнік. Минск, 1927.
8. Пичета В. И. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии (до конца XVI в.). Минск, 1927.
9. Пичета В. И. Белоруссия и Литва в XV—XVI вв. М., 1964, с. 11—20, 31, 34—37, 44, 52, 53—55.
10. Пичета В. И. Крестьяне тяглые во второй половине XVI в. в Великом княжестве Литовском. — В кн.: Белоруссия и Литва в XV—XVI вв. М., 1964.
11. Пичета Ул. І. Юрыдычнае становішча вясковага насельніцтва на прыватнаўласніцкіх землях к часу выдання Літоўскага Статута 1529 г. — Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 3. Працы клясы гісторыі, т. II. Минск, 1928.
12. Жарынов Д. А. Крестьянская дифференциация перед паданием крепостного права. — Працы Беларускага Дзяржаўнага універсітэту, 1925.
13. Гэмбіцкі І. К. Валочная памера Бабруйскага староства у XVII ст. — Працы Беларускага Дзяржаўнага універсітэту, 1926, № 12.
14. Бурдзейка А. Земляўласнік і земляроб на Літоўскаму Статуту 1566 г. — Працы Беларускага Дзяржаўнага універсітэту, 1927, № 14—15, с. 98, 136, 137.
15. Гоўсталес А. Застаўнае права. — Працы Беларускага Дзяржаўнага універсітэту, 1928, № 21.
16. Забела Т. Панская гаспадарка на Беларусі і быт падданага сялянства ў другой палавіне XVIII ст. — Запіскі аддзелу гуманітарных навук, кн. 3. Працы клясы гісторыі, т. II. Минск, 1928.
17. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 87.
18. Кернажыцкі К. Гаспадарка старостваў на Беларусі і эканамічны стан іх насельніцтва ў другой палавіне XVIII ст. — Запіскі аддзелу гуманітарных навук, кн. 3. Працы клясы гісторыі, т. II. Минск, 1928.
19. Кернажыцкі К. Брожаскі ключ 1639—1810 гг. (сацыяльна-эканамічны нарыс з гісторыі Бабруйскага староства). — Запіскі аддзелу гуманітарных навук, кн. 8. Працы клясы гісторыі, т. III. Минск, 1929.
20. Бурдзейка А. Нарыс сацыяльна-эканамічнага жыцця Навагрудка ў XVI ст. — Гістарычна-археалагічны зборнік. Минск, 1927, № 1.
21. Даўгяла З. Стары Мінск. — Наш край. Минск, 1928, № 2 (29), № 3 (30).
22. Сцяпанай Ц. Гісторыя места Магілёва да надання яму Майдэборскага права. — Запіскі аддзелу гуманітарных навук, кн. 3. Працы клясы гісторыі, т. II. Минск, 1928, с. 308—317, 324, 337, 338.
23. Забела Т. Места Берасцейскае у XVI стагоддзі. — Запіскі аддзелу гуманітарных навук, кн. 8. Працы клясы гісторыі, т. III. Минск, 1929.
24. Даўгяла З. Магілёўскае брацтва прасалаў. — Гістарычна-археалагічны зборнік. Минск, 1927, № 1.
25. Дружыц В. Войты і іх улада ў беларускіх гаспадарчых месцах з Майдэборскім правам. — Запіскі аддзелу гуманітарных навук, кн. 3. Працы клясы гісторыі, т. II. Минск, 1928.
26. Дружыц В. Магістрат ў беларускіх месцах з Майдэборскім правам ў XV—XVII стагоддзях. — Запіскі аддзелу гуманітарных навук, кн. 8. Працы клясы гісторыі, т. III. Минск, 1929.
27. Ясіненскі А. Спроба крытычнага вывучэння «Книги Данин» вялікага князя Казіміра. — Запіскі аддзелу гуманітарных навук, кн. 3. Працы клясы гісторыі, т. II. Минск, 1928.
28. Бурдзейка А. Прыказ Вялікага княства Літоўскага (фонд установы і функцыі). — Запіскі аддзелу гуманітарных навук, кн. 8. Працы клясы гісторыі, т. III. Минск, 1929.

К ВОПРОСУ О ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОЙ СРЕДЕ.

(Страничка из истории церковнославянского языка
конца XVII—начала XVIII века)

XVII в. для Московской Руси в культурном отношении ознаменовался массовой экспансией югозападнорусской культуры на великорусскую почву, или тем, что условно называют третьим южнославянским влиянием [1, с. 85; 2, с. 14]. В результате третьего южнославянского влияния существенным образом изменилась языковая ситуация Московской Руси (подробнее о влиянии югозападнорусской языковой ситуации на языковую ситуацию Московской Руси см. [1, с. 84] и далее). В частности, на великорусской территории возникает понятие о «просторечии» как о с о б о й форме литературного языка, противопоставленной, с одной стороны, церковнославянскому языку, а с другой — русской разговорной речи. Многие авторы предлагали свои варианты «просторечия», но эти варианты так и не были сведены к некоей инвариантной кодифицированной форме [3]. Говоря об условиях возникновения литературного «просторечия» в Московской Руси, Б. А. Успенский замечает: «Если церковнославянский язык югозападнорусской редакции непосредственно влияет на великорусский церковнославянский язык, то непосредственное влияние „простой мовы“ было невозможно ввиду отсутствия парного, эквивалентного понятия в великорусских условиях. Однако заимствуется именно языковая ситуация — заимствуется само понятие „простого языка“, который понимается в югозападнорусском смысле, т. е. как литературный язык, противопоставленный языку церковнославянскому и с ним конкурирующий... Как и в Юго-Западной Руси, „простой“ язык в качестве литературного языка противостоит не только церковнославянскому, но и разговорной речи» [1, с. 91].

С конца XVII в. термин «простой язык» (или его варианты) начинает декларативно использоваться московскими книжниками как характеристика противопоставленного церковнославянскому литературного языка. Так, например, Псалтырь Авраамия Фирсова (1683) «преведена... на наш простой обиклой словенский язык»¹; Ф. Поликарпов в предисловии к «Географии Генеральной» (1718) указывал, что переводил эту книгу «не на самый словенский высокий диалект... но многае гражданского посредственного употреблях наречия»; язык своего букваря «Первое учение отроком» (1720) Феофан Прокопович характеризует как «просторечие»; в предисловии к книге «Христовы о блаженствах проповеди толкование»

¹ Здесь и ниже при цитировании сочинений XVII—XVIII вв. устранены графические особенности оригиналов (употребление γ, ω, κ, λ, ϕ, ι, θ, выносных букв, титл, ъ на конце слова).

(1722) автор — Георгий Данииловский — говорит, что толкования к церковным текстам должны быть сделаны «просторечно»; Д. Кантемир в предисловии к сочинению «Книга систима или состояние мухамеданския религии» (1722) характеризует его как «некое, нижним стилем и просторечием издание»; «Последование о исповедании» Гавриила Бужинского (1723) было написано «просторечно»; «Библиотеку Аполлодора» (1725) А. К. Барсов перевел на «общий Российский язык»; в предисловии к «Езде в остров любви» (1730) В. К. Третьяковский указывал, что он эту книгу «неславянским языком перевел, но почти самым простым Руским словом» и т. п. Кроме того, употребление этого термина можно обнаружить в книге «Статир» (ГБЛ, Румянц. 411); [4, с. 629—633, № 411; 1, с. 93, 116—118] и у Евфимия Чудовского [5]. Сам факт незакрепленности за данным языковым явлением конкретного названия свидетельствует о размытости, неопределенности границ «простого языка». «Простой язык», «простота слога» обычно достигалась путем отклонения от норм книжного церковнославянского языка; эти отклонения могли быть как очень незначительными (например, язык «Статира»), так и весьма существенными (язык Псалтыри Авраамия Фирсова).

Вместе с тем, можно предполагать, что для некоторой части русских книжников — грекофилов — явление «простого языка» могло складываться под влиянием взаимно диффундирующих в их языковом сознании «простой мовы» и «общего» (*κοινή διάλεκτος, κοινή γλώσσα, κοινότης φωνής*) или «простого» *ἁπλοῦς λόγος, ἁπλῆ*) языка греческой культурной традиции. Говоря об источниках употребленного А. К. Барсовым термина «общий российский язык» (ср. подобное словоупотребление у Памвы Берынды), Б. А. Успенский высказал предположение о прямом калькировании приведенной выше греческой терминологии [1, с. 78, 95, 106]. Принимая эту точку зрения, мы считаем, что указанное явление заслуживает более пристального внимания.

Появление в Москве в середине XVII в. большого собрания греческих рукописей и книг самого разнообразного характера (от произведений античных авторов до грамматических и риторических сочинений), привезенного Арсением Сухановым из Афона, а впоследствии его разрастание за счет греческих текстов из библиотек Арсения Грека, архимандрита Дионисия, патриарха Досифея и др. [6; 7] существенно оживило переводческую практику справщиков Московского Печатного Двора. Большое количество переводов этого времени было сделано с греческого «простого» или «общего» языка. О внимании переводчиков к этому языку свидетельствует традиция отмечать в предисловии к переведенной книге языковую характеристику оригинала (ср. с этим примеры, приведенные выше). Ср., например, «Книга преизрядная, именуемая Амартолон сотирия (Ἀμαρτωλῶν σωτηρία), сиречь Грешных спасение, юже сочини на греческий простой язык многим прилежанием Агапий Критянин...»² Перевод сделан чудовским монахом Дамаскином в конце XVII — начале XVIII в. (не позже 1705 г.), в переводе принимал участие Евфимий Чудовский [8, с. 336—337]. В предисловии к книге Мелетия Сирига «Опровержение калвинских глав» Евфимий Чудовский сообщает, что Мелетий Сириг «написав ю <книгу> перво *еллински*, после преложи ю на *простый язык*» (ГИМ, Синод. 158, л. 18 об.); в предисловии к «Православному исповеданию веры», заново переведенному с греческого языка в 1695 г. Евфимием, содержится указание, что книга была написана «на простом греческом языке»; в «Хронографе» Дорофея Монемавсийского (ГПБ, Ф. IV, 94; Ф. IV, 574 — XVII в.; ГИМ, Синод. 343— XVII в.) встречаем: «...обретаху же ся истории сии на ветхом еллинском языке, его нынешнии еллины не разумеют», поэтому Дорофей «преложи на *общий греческий язык*»; «Слово Аввы Исаака» (рукопись конца XVII — начала XVIII в.) «преведено с еллинскаго языка на *греческий простой* Дионисием иеромонахом ритором» (Уваров. 2071, л. 17—17об.). Традиция отмечать языковые характеристики оригинала в предисловиях к переводам сохранилась в России вплоть до конца XVIII в.

² Здесь и далее выделено нами. — О. С.

(ср. предисловие к риторике Франсискоса Скуфоса, где указано, что эта книга «переведена с общего греческого языка» [9]).

Наличие большого числа текстов не только светского, но и духовного содержания, созданных на «общем» («простом») греческом языке, могло оказать существенное влияние на языковое сознание московских книжников. Восприимчивый через югозападнорусское влияние языковой феномен — литературный язык, противопоставленный церковнославянскому языку, — отождествляется с фактом греческой языковой традиции, что способствует формированию на великорусской территории эквивалентного греческому «простому» или «общему» языку понятия — «просторечия», «простого языка» и т. п. Иными словами, происходит процесс заимствования языковой ситуации Греции, процесс, параллельный югозападнорусскому влиянию.

Для Московской Руси этого времени вообще характерна постоянная ссылка на греческий язык при обсуждении фактов церковнославянского языка, что, впрочем, представляется вполне естественным в свете общих представлений грекофилов о соответствии церковнославянского (московской редакции) и греческого языков. Частое обращение к греческому языку как к наиболее весоному аргументу в споре со старообрядцами характерно для никониан и, в конечном счете, отражает греческую ориентацию реформ патриарха Никона. Развитием этой тенденции явилась идея об изоморфизме церковнославянского и греческого языков, наибольшее свое выражение получившая в языковых воззрениях Евфимия Чудовского (ум. 1705). В языке Евфимия обращает на себя внимание чрезвычайно гибкая система сосуществования греческих и церковнославянских языковых единиц. Это предполагает, с одной стороны, возможность создания греческих слов по образцу церковнославянских (т. е. «обратных калек»), а с другой — некоторого подобия макаронических текстов. В качестве такой «обратной калки» можно привести придуманное Евфимием греческое слово *ἰεροσοφία* [5, с. 85], которое создано по модели церковнославянского «премудрость», в свою очередь представляющего собой калку греч. *σοφωτάτης*. Ср. примеры макаронических текстов: «И тако лепо есть читати и писати (как св. Алексей, Максим Грек и Епифаний Славинецкий.— О. С.). Не хотяй же тым последовати, яко хощет да *διερθεῖται* же» (греч. *διερθεῖται* — «исправляю»; ГИМ, Синод. 473, л. 31об.); «Христос же повеле *βαπτίζεῖν*, сиречь крещати, а не обливати, глагола: шедше, научите вся языки *βαπτίζοντες* а не рече: шедше, научите вся языки *ἐπιχρῶντες*, или *περιχρῶντες* (*ἐπιχρῶ* — «поливаю», *περιχρῶ* — «обливаю»; ГИМ, Синод. 433, л. 28об.).

В этой связи более интересными и яркими оказываются случаи апелляции к греческому языку при обсуждении языковых фактов, чуждых церковнославянскому. Примером этого может служить употребленное Епифанием Славинецким (который, несмотря на югозападнорусское происхождение, был грекофилом) слово *укрестованный* (в 4-м члене Символа Веры, новопереведенном самим Епифанием). Слово *укрестованный* со всеми его дериватами впоследствии широко использует ученик Епифания Славинецкого — Евфимий Чудовский (см., например, ГИМ, Синод. 48, л. 10об., 593 и др.; ГИМ, Синод. 433, л. 15об., 55, 62, 97 и др.). Протестуя против общепринятого *распятый*, не сохраняющего внутреннюю форму греч. *σταυρωθέντα* (при *σταυρός* «крест»), Епифаний анализирует корнеслов церковнославянской инновации с позиций пословного перевода³.

³ Принцип пословного перевода предполагал поэлементное, поморфемное соотношение греческих и церковнославянских соответствий, текстовую синонимичность оригинала и перевода. Р. Б. Тарковский замечал, что для пословного перевода характерны «полнота лексической передачи источника, лексическая и семантическая симметрия текста, отточное внимание к словоупотреблению оригинала и контекстуально-синонимическое варьирование перевода, семантические и структурные калки». В том, как греческая фраза слово за словом укладывалась в структуру церковнославянского языка, усматривался не просто залог непреерекаемой адекватности перевода, но и высокая духовность самой церковнославянской речи [10, с. 246—247]. Евфимий Чудовский определяет принципы пословного перевода следующим образом: «...подобает истинно преводити... от слова до слова, ничто разума и речений... премеияя, . . . подражая в том... преводников, хранящих истинно разум и речения не премеияющих» [11, с. 434].

Он предлагает: «... да отложат убо распятого, примут же укрестованного, согласующеся Греческому существу» [15, с. 127—128]. Вместе с тем, слово *укрестованный* вовсе не является буквальным отражением греческого соответствия, морфологическая оформленность слова (наличие префикса *y-*) заставляет рассматривать эту церковнославянскую инновацию Епифания Славинецкого как кальку польск. *u-krzyżowanu* 'распятый'. В этом смысле исследуемое слово резко отличается от других инноваций, введенных Епифанием в Символ Веры. Ср.: *из Отца, из света, из Духа, из Бога, из Небес, из десных* (вместо: *от Отца, от света, от Духа, от Бога, с Небес, одесную*) — точная передача падежно-предложной конструкции *ἐκ + gen.*, то же может быть замечено относительно замен *Его же, глаголавшего* через *Пророки* (вместо *Им же, глаголавшего Пророки* твор. п. ед. и мн. ч.) — калька падежно-предложной конструкции *διὰ + ass.*, *Его же царствия не будет конец* (вместо *Его же царствию не будет конца*) — *οὐ τῆς βασιλείας οὐκ ἔσται τέλος* и т. п.

Приведенный пример, безусловно носит частный характер, однако достаточно убедителен. Таким образом, для языковой ситуации Московской Руси конца XVII в. можно представить любопытную картину. Факты церковнославянского языка (причем не только московской, но и югозападнорусской редакции) могут быть пересмотрены в призме греческой филологической традиции. Апелляция к греческой культуре представляется вполне естественной в контексте общих философско-богословских представлений великорусской книжности в конце XVII — начале XVIII в. о близкородственности славянской и греческой культур [16, с. 38—40].

Возможность параллельного влияния на языковую ситуацию Московской Руси со стороны греческой и югозападнорусской лингвистической традиции способствует тому, что литературное «просторечие» Московской Руси оказывается в сознании великорусских книжников прямым коррелятом соответствующего языкового явления — «простого» или «общего» греческого языка. Одновременно с этим, обнаруживается непосредственное влияние со стороны греческой языковой традиции (а именно, «высокой» разновидности греческого литературного языка) на церковнославянский язык⁴. Ниже мы попытаемся доказать влияние со стороны эллинистической и позднеантичной грамматической мысли и терминологии на языковые представления грекофилов. Предметом исследования являются термины *эллинизм* и *славянщизна*, употребленные Ф. Поликарповым.

9 января 1723 г. Ф. Поликарпов подал доношение в Синод, где писал: «Книга Григория Назианзена с прочими, иже с ней преведена необыкновенно славянщизною, паче же речи эллинизмом, и за тем о ней мнози недоумевают и отбегают» [17, с. 31]. Речь идет об изданных Московским Печатным двором в 1665 г. трудах Григория Богослова, Василия Великого, Афанасия Александрийского и Иоанна Дамаскина (в переводе Епифания Славинецкого). Появляясь, очевидно, впервые у Поликарпова, *славянщизна* (*славянщизна, славенщизна*) впоследствии широко используется

Любопытно, что в 1709 г. Петр I рекомендовал: «Не надлежит *речь от речи* хранить в переводах, но точию сене выразумев, на свой язык уже так писать, как внятнее может быть» [12, с. 106]. Таким образом, Петр I, повторяя дословно языковую установку пословного перевода, предлагает апеллировать к смыслу текста, семантике слова, а не его морфологической и синтаксической оформленности, выдвигая тем самым новые для этого времени принципы перевода. Однако сами по себе они отнюдь не являлись новыми, а коренились в истоках древнерусской книжности (ср. также «открытую теорию перевода», «вольный перевод», «синтетическую теорию перевода» — см. соответствующие разделы в книге С. Матхаузеровой [13]). Переводческая практика Ф. Поликарпова (и, возможно, других книжников начала XVIII в.) может быть расценена как компромисс между принципом пословного перевода и переводческими идеями Петра I. Ср. в предисловии к «Географии Генеральной» Б. Варения (перевод Ф. Поликарпова): «Моя должность объявити, яко преводих сию <книгу> ... охраняя сене и речи оригинала иноязычного» [14, с. 4].

⁴ Необходимо отметить, что тенденция сопоставления церковнославянского языка и «высокой» разновидности греческого языка (их структур) характеризует лишь некоторую часть московских книжников-грекофилов — Евфимия Чудовского, Афанасия Холмогорского, иеродиакона Дамаскина, Иова Новгородского, ученых братьев Лихудов — Ф. Поликарпова, А. К. Барсова, Н. Головина, иеромонаха Иова и др.

у более поздних авторов как характеристика церковнославянского языка. Так, например, в Предисловии к «Езде в остров любви» (1730) (перевод книги П. Талемана *Le voyage de l'isle d'amour*) В. К. Тредиаковский пишет: «...на меня, прошу вас покорно, неизволте прогневаться, буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны, что я оную <книгу> неславенским языком перевел, но почти самым простым Русским словом» [18, с. 649]. См. также употребление этого слова у Ломоносова — набросок статьи «О нынешнем состоянии словесных наук в России» (ок. 1756 г.); у Сумарокова — статья «О правописании» (1771—1773); у Карамзина в рецензии на перевод Ариосто; у Шишкова в «Рассуждениях о старом и новом слоге...»; у Батюшкова в письме к Гнедичу от 28—29 октября 1816 г.; у Пушкина в статье «О предисловии г-на Ламонте...» 1825 г. (подробнее см. [19, с. 74, прим. 7]).

Одна из ранних фиксаций термина *еллинизм* представлена в грамматике Мелетия Смотрицкого (Евье, 1619). Под *еллинизмом* Смотрицкий понимал такие обороты речи, которые грешили против правил церковнославянского синтаксиса и отражали нормы греческого языка. Ср.: «О еллинисме: 1. Еллинисм есть сочинение образом свойства еллинскаго диалекта бываемое: мужескому или женскому существителному ἐλλίφα, или лишением имене стяжание, прилагателну средню припряжому, яко: Друг верен утешно есть и полезно — сиречь стяжание; Любве добродетель и в неверных, честно есть и похвално и проч. 2. Аггическа диалекта свойством и Славяне прилагателну Родителный существителна припряжут, яко: благолепное лица, аки бы рещи, благолепное лице, или благолепие лица; честное нрава; целомудрное смирения и проч. 3. Емфасеос деля и Славяне употребляют Местоимения Сам, яко: и тебе самая душу пройдет оружие...»; ср. еще: «Еллинисм есть: причастий глагола существителна со имени употребление, яко: Согрешати человеки сущыя, ничтоже дивно; и, Человеку сушу, всяческих чаяти подобает, и проч.» [20, разделы «О синтакси образной», «О сочинении причастий»]. То, что *еллинизм* Мелетия Смотрицкого является некоторым нарушением норм церковнославянского языка, его синтаксиса, следует из определения «образного синтаксиса», — раздела, куда среди прочих оборотов речи относится и сам *еллинизм*: «Образная синтаксис есть образ глаголаня противу правилом синтаксеос...» [20]. Определение *еллинизма* встречается и в грамматике Ивана Иконника (рукопись начала XVIII в., отрывки из которой опубликованы в «Исторической христоматии церковно-славянского и древне-русского языков» Ф. Буслаева): «О еллинисме. Что есть еллинисм? Еллинисм есть греческим обычаем в слове сочинения; отъятие средняго существителнаго от прилагателна имене, яко: друг верен, утешно есть и полезно. Зде бысть от прилагателна, еже рещи утешно, сие существително стяжание, отъятие» [21, стлб. 1296]. В подобном значении (т. е. как некоторый оборот речи, нарушающий правила церковнославянского синтаксиса в пользу норм греческого языка) понимал *еллинизм* и Феофан Прокопович: «Ветхое Славенского языка грамматическое учение весьма есть грубое, как в наречиях многих, так и в складе речей. Наречия обретаются обетшалыя... а склады бывають стропотные, наипаче еллинизмы, то есть наречия не природе славенскаго, но по природе еллинскаго языка сопрягаемыя, например: учуся грамоте, вместо грамоты, понеже еллинское σπούδα учуся сопрягается с дателным падежем; також и следующие: прииде, во еже освятити..., надеются быти прощению... и проч.» [22, прил. VIII, стлб. XXV—XXVI]. Таким образом, оба термина получили достаточно широкое распространение у русских авторов, каждый из терминов обозначал определенное языковое понятие. Представляется, однако, что *еллинизм* у Ф. Поликарпова употреблен не в общепринятом значении, поскольку в цитированном отрывке термины *еллинизм* и *славенщизна* используются как синонимы. Церковнославянскому языку был известен глагол *еллинствовати* (*елиньствовати*), восходящий к греч. ἐλληνίζειν 'писать, говорить на правильном греческом языке'. Ср.: «Къто вѣтиствомъ таковъ, еже огньмь... душеть, аште и не бѣаше правъ его акы вѣтиискъ? Къто грамматикию или языкъ еллиньствовати (γλωσσαι ἐξῆλληνίζειν) и повѣсти събирати, и мѣрами съставляеть, и за-

конь уставляеть творениемъ?» в рукописи XI в. [23, с. 33]. «Ἑλληνίζειν непосредственно связан с греч. ἑλληνισμός, одной из основных категорий греческой риторической мысли, выступающей обычно как характеристика языковой чистоты и правильности.

«Риторика» Аристотеля — одно из первых сочинений подобного рода — содержало в себе учение о достоинствах словесного выражения (λέξις). Он, собственно, и ввел сам термин «достоинство речи» (ἀρετὴ λέξις) и в качестве таких «достоинств» назвал ясность (σαφήνεια), уместность (πρέπον) и украшенность (κόσμος). «Достоинство (ἀρετὴ) речи состоит в том, чтобы быть ясной (σαφῆ)... и не быть ни низкой, ни слишком выспренной, а уместной (πρέπουσαν)... чтобы не быть низкой, но быть украшенной (κακοσημένην)» [24, III, § 2]. Он же ввел термин ἑλληνίζειν в смысле чистоты греческой речи: «Стиль основывается на умении говорить правильно по-гречески»; «Для каждого рода речи пригоден особый стиль, ибо не один и тот же стиль в речи письменной и в полемической (т. е. устной.— О. С.)... первый заключается в искусном владении греческим языком...» [24, III, § 5, 12]. У стоиков, по свидетельству Диогена Лаэртского (I—II вв. н. э.), учение о достоинствах речи приняло уже вид сложившегося канона хороших свойств, к которым были отнесены ясность, сжатость (συνομία), уместность, грамматическая правильность (ἑλληνισμός), обработанность (κατασκευή). «Ἑλληνισμός Диоген Лаэртский определял как φράσις ἀδιάπτωτος τῇ τεχνικῇ καὶ μὴ εἰκαία συνηθεία («безошибочный способ выражения согласно нормированному грамматическим <искусством>, а не произвольному обиходу»). На речь какого социального слоя ориентировался Диоген, видно из дефиниции варваризма как λέξις παρὰ τὸ ἔθος τῶν εὐδαίμονων ὄντων Ἑλλήνων («слова против обычая состоятельных эллинов») [25, с. 174].

Таким образом, эллинистическая эпоха создает искусственно культивируемую «эллинистическую речь» (ἑλληνισμός) Противопоставляемая не только диалектным формам речи, но и обыденному языку греков (κοινή) [26; 27, с. 72 и далее], эта «эллинистическая речь» является характеристикой исключительно литературного языка.

Заимствуя у греков идеи чистоты языка и грамматической правильности как одной из основных характеристик упорядоченной речи, римская грамматика и риторика выдвигает в качестве коррелята ἑλληνισμός термин Latinitas, который к началу I в. н. э. постепенно вытесняется термином Urbanitas, также выступающим для обозначения грамматической правильности литературного языка. Urbanitas (urbanus) в свою очередь противопоставлялся rusticitas (rusticus) — особенностям сельских говоров Рима — и peregrinitas (peregrinus) — диалектным особенностям других местностей (впервые у Цицерона — Brutus 46, 171. Подробнее см., например, [28, с. 184]). Впоследствии под rusticitas (rusticus) вообще начинают понимать внелитературную, необработанную речь.

Таким образом, эллинистическая и позднеантичная риторика и грамматика создают определенную номенклатуру характеристик языковой чистоты и правильности, с одной стороны, и противопоставленных им характеристик необработанной, некодифицированной речи; в конечном счете — систему противопоставленных наименований литературного языка и разговорной речи: ἑλληνισμός — κοινή, ἀπλῆ, Latinitas—?, Urbanitas (urbanus) — rusticitas (rusticus)⁵.

Комплекс идей эллинистической и позднеантичной риторики и грамматики, получив свое развитие в византийской риторической традиции (подробнее см. [29; 30; 31; 32]), обнаруживается в грамматических и риторических трудах, возникших на русской почве в XVII—XVIII вв. Вообще для этого времени характерна большая распространенность на территории России текстов подобного содержания [33; 34; 35]. Такой большой интерес к риторике был связан с глубокими — идеологическими и культурными — преобразованиями в русском обществе кануна петровских реформ, с восприятием на русской почве литературного барокко, которое

⁵ Уже отмечалось, что «выражение *prosa moxa* восходит к лат. *lingua rustica* (вместе с тем, оно может сближаться и с соответствующими греческими наименованиями), иначе говоря, это книжное по своему происхождению выражение» [1, с. 66].

активизировало весь арсенал риторических средств и жанров, а также с изменениями в функционировании церковнославянского языка Московской Руси этого времени, что выразилось в нарушении монолитности, оформленности этого языка, появлении стилистической дробности⁶.

Одним из источников распространения интереса русских книжников к риторике явилась большая группа текстов риторического содержания, привезенных из Афона Арсением Сухановым [6, с. 420—421; 7, с. 107], равно как и текстов западноевропейского происхождения по аналогичной тематике [35]; другим — учителя из греков, большое число которых побывало в России во второй половине XVII в. (Так, в частности, заметим, что Арсений Грек первоначально выступал в качестве учителя риторики [37, с. 41—43; 38, с. 18—20; 7, с. 119—121].)

В риторике Софрония Лихуда (учеником которого, как известно, был Федор Поликарпов), переведенной на церковнославянский язык в 1698 г. иеродиаконом Козьмоу, обнаруживаем следующее: «Ветивство... есть пристоианость приличных глаголов ко обретенным вещам. Разделяется на благолепие, достоинство и слог. Благолепие есть тое, еже творит, яко да видится всякая вещь глаголатися явно и отверзтно. Сие благолепие разделяется на *латинство*, или на *славенство*, и изъяснение. *Латинство* же, или *славенство*, чисто хранит глаголанье свене соликизма и варварисма, яже сия взыскуются от грамматического делателища. Изъяснение же отдаёт отверсто и явно слово, сиречь чрез употребительная и свойственная речения. Употребительная суть, яже употребительна во глаголаньи и повсядневном обычаи. Свойственная тая, яже суть речения оныя вещи, или яже могут быти о оных вещех, яже глаголем» (ГПБ, Ф. Q XV. 12, л. 39 об.; ср. [35, с. 289, прим. 60; 34, с. 34]).

Цитированный отрывок представляется крайне интересным в свете рассмотренных выше проблем и, на наш взгляд, может быть адекватно понят и объяснен только в контексте эллинистических и позднеантичных риторических канонов.

По Софронию Лихуду, риторически организованная речь (благолепие) предполагает, прежде всего, грамматическую правильность, чистоту речи (*латинство* = *славенство*), причем *латинство* представляет собой точную кальку термина *Latinitas*, а *славенство* — его вторичную семантическую кальку. Правильность и чистота речи достигаются благодаря строгому следованию нормам используемого литературного языка, как в грамматической области, так и в части синтаксиса. В этом вопросе Софроний Лихуд следует традициям стоической грамматики, которая все отклонения от норм литературного языка классифицировала дихотомически как «варваризмы» и «солекизмы (солецизмы)», т. е. как отклонения в отдельном слове или в структуре предложения [25, с. 44]. Ср. также определение грамматики, данное Николаем Спафарием, который, подобно Софронию Лихуду, во многом был ориентирован на позднеантичную традицию: «Конец же грамматики есть не погрешати ниже во едином речении, ниже во многих. Погрешение же во едином речении варварием нарицается, во многих же соликием» [39, с. 29]. *Изъяснение* — второй по отношению к *латинству (славенству)* этап — предполагает точность в отборе речевых средств, т. е. в конечном счете, апеллирует к лексике. Правильно построенная речь требует использования *употребительных и свойственных речений* — общепонятных слов литературного языка, а также различных лексико-стилистических приемов и средств⁷.

⁶ Уже к концу XVII в. в церковнославянском языке можно выделить несколько стилей: церковнославянский язык пассивной рецепции (язык Священного Писания), церковнославянский язык активной рецепции, в котором, в свою очередь, можно выделить церковнославянский язык латинской ориентации, церковнославянский язык греческой ориентации, церковнославянский язык с югозападноруссизмами, церковнославянский упрощенный язык и др. Подробнее об этом см. [36, с. 13].

⁷ Ср. близкие этому рассуждения Георгия Данииловского в его «Риторике», изданной в Петербурге не позднее 1720 г. Георгий Данииловский учился в Славяно-Греко-Латинской Академии, и если не являлся учеником самих Лихудов, то мог быть учеником их учеников. Описание и анализ риторики Георгия Данииловского см. [40, с. 230; 41, с. 231—237].

Таким образом, в Риторике Софрония Лихуда появляется неологизм *славенство*, в который вложена идея языковой чистоты и грамматической правильности. Неологизм создается по модели известного термина риторики *Latinitas*, который, в свою очередь, является калькой греч. ἑλληνισμός. Иными словами, происходит процесс перенесения на церковнославянскую почву языкового понятия другой культурной традиции. Факт подобного рода сам по себе не является исключительным. Таким же образом на великорусскую территорию переносятся греческие понятия «простой язык» (ἀπλή), «общий язык» (κοινή). В этом контексте факт отождествления Ф. Поликарповым термина *славеницизна* с греч. ἑλληνισμός (*еллинизм*) вполне вероятен. Наша мысль о возможности такого отождествления может быть отчасти подтверждена следующим примером: в статье В. К. Третьяковского о правописании прилагательных, в латинской и русской ее версиях, фигурируют два эквивалентных термина — *slavonismus* и *славеницизна*, — т. е. *slavonismus* выступает здесь как латинский эквивалент по отношению к рус. *славеницизна* [42, IV, примечания, с. 18, 19]. Этот же термин (*slavonismus* встречается и раньше — в грамматическом очерке В. Е. Адогурова (1731), написанном на немецком языке. Подробнее об этом см. [19, с. 81, прим. 20]. *Slavonismus*, являясь латинским соответствием русского термина, образован, очевидно, по модели греч. ἑλληνισμός (в латинской огласовке).

Вероятно, можно говорить о том, что в конце XVII — начале XVIII в. на великорусской территории является новое языковое понятие — *славеницизна* (*славенство*) — в основе которого лежит идея чистоты и грамматической правильности литературного языка — церковнославянского. *Славеницизна*, таким образом, противопоставлена «простому», «общему» языку, «просторечию» не как литературный язык — не литературному, разговорному, а как «чистый», «беспримесный» язык гетерогенному «гибридному» типу церковнославянского языка. Возвращаясь к словам Федора Поликарпова относительно переводов Епифания Славинецкого («Книга... переведена необыкновенною славеницизною, паче же рещи еллинизмом, и за тем о ней мнози недоумевают и отбегают»), можно полагать, что непонятность этого текста заключена не в языковых погрешностях перевода, а в самом использовании «чистого» церковнославянского языка, соответствующего нормам и рекомендациям церковнославянских грамматик. Федор Поликарпов, следовательно, отказывается от языкового пуризма, лежавшего в основе лингвистических воззрений книжников-грекофилов. Его предложение исправить перевод Епифания Славинецкого, содержащееся в том же Доношении («...а можно оную <книгу> вновь перевести удобнее и неудобопроходныя стези в пути гладки устроить») следует понимать как стремление упростить язык перевода, перевести книгу на «упрощенный церковнославянский язык».

О необходимости упростить язык церковных книг последовательно говорит в это время и Феофан Прокопович. Так, в частности, в «Духовном регламенте» (1718—1720) он говорит о необходимости иметь катехизис, написанный «просторечно» и доступный «простым человеком» [43, отд. 1, с. 37], что частично было реализовано им в том же 1720 г. в букваре «Первое учение отроком». В 1722 г. Георгий Данииловский выпускает книгу «Христовы о блаженствах проповеди толкование», в предисловии к которой пишет о необходимости специального разъяснения к церковнославянским книгам, причем это разъяснение должно быть сделано «просторечно» [44, с. 551]⁸. В том же «Духовном регламенте» Феофан Прокопович указывает на постепенное забывание церковнославянского языка в широких слоях русского общества: «...Перевод их <святоотеческих писаний> славенский стал темен, и с трудностью разумеется от человек и обученных, а простым невежам отнюдь непостижимый есть» [43, отд. 1, с. 37]. Ср. с этим слова В. К. Третьяковского: «...язык славенской в ны-

⁸ Поводом к изданию книги Георгия Данииловского послужило распоряжение Петра I и Синода дать к букварю Феофана Прокоповича «Первое учение отроком» специальное приложение с толкованием конфессиональных текстов.

нешнем веке у нас очюнь темен, и многия его наши читая неразумюют» [18, с. 650].

Таким образом, можно заключить, что создание нового литературного языка воспринималось русскими писателями как социальный заказ. Развитие этого нового языка идет от создания литературного «просторечия» («упрощенного» или «гибридного» варианта церковнославянского языка — посредством упрощения синтаксиса, введения в язык нецерковнославянских элементов — русизмов), т. е. от создания гетерогенного языкового явления к утверждению в качестве литературного русского разговорного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. Доклад на IX Международном съезде славистов. М., 1983.
2. Мечковская Н. Б. Ранние восточнославянские грамматики. Минск, 1984.
3. Успенский Б. А. Эволюция понятия «просторечия» («простого» языка) в истории русского литературного языка. — В кн.: Сопоставления по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов и сообщений. М., 1973.
4. Востоков Александр. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842.
5. Никольский К. Материалы для истории исправления богослужебных книг. Об исправлении Устава церковного в 1682 году и месячных миней в 1689—1691 гг. СПб., 1896.
6. Белокуров С. А. Арсений Суханов, ч. I. М., 1891.
7. Фонкич Б. Л. Греко-русские культурные связи в XV—XVII вв. (Греческие рукописи в России). М., 1977.
8. Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVIII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903.
9. Скуфос Франсискос <Филарет Скуфа>. Златослов или открытие риторическия науки... СПб., 1798.
10. Тарковский Р. Б. О системе пословного перевода в России XVII в.— ТОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974.
11. Брайловский С. Н. Очерки из истории просвещения в Московской Руси в XVII веке. Чудовский инок Евфимий как справщик.— Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., 1890, № 3, 9.
12. Письма и бумаги имп. Петра Великого. Т. IX. М.— Л., 1950.
13. Матлауэрова С. Древнерусские теории искусства слова. 1976.
14. <Варений Б.> География Генеральная... (Перевод Ф. Поликарпова). М., 1718.
15. Гезен А. М. Очерки и заметки из области филологии, истории и философии, вып. 1. История славянского перевода Символа Веры. Критико-палеографические заметки. СПб., 1884.
16. Страхова О. Б. К вопросу об отношении к греческому языку в славянской письменности (XI—XVII вв.).— В кн.: Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М., 1985.
17. Брайловский С. Н. Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов, директор Московской типографии.— ЖМНП, 1894, № 9—11.
18. Тредиаковский В. К. Сочинения. Т. III. СПб., 1849.
19. Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века: Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985.
20. <Мелетий Смотрицкий>. Грамматики славенския правилное синтаagma. Еъве, 1619.
21. Буслев Ф. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древне-русского языков. М., 1861.
22. Описание документов и дел, хранящихся в Архиве святейшего правительствующего Синода, Т. III. СПб., 1878.
23. Будилович А. XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи имп. Публичной библиотеки XI в. СПб., 1875.
24. Аристотель. Риторика.— В кн.: Античные риторика. М., 1978.
25. Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973.
26. Frösén J. Prolegomena to a Study of the Greek Language in the First Centuries A. D. The Problem of Koiné and Atticism. Helsinki, 1974.
27. Гринбаум Н. С. Ранние формы литературного языка (древнегреческий). Л., 1984.
28. Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М.— Л., 1953.
29. Любарский Я. Н. Литературно-эстетические взгляды Михаила Псела.— В кн.: Античность и Византия. М., 1975.
30. Миллер Т. А. Михаил Псел и Дионисий Галикарнасский.— В кн.: Античность и Византия. М., 1975.
31. Hunger H. The Classical Tradition in Byzantine Literature: the Importance of Rhetoric.— In: Byzantium and the Classical Tradition. Birmingham, 1981.
32. Курбатов Г. Л. Риторика.— В кн.: Культура Византии. IV — первая половина VII в. М., 1984.

33. *Бабкин Д. С.* Русская риторика начала XVII века.— ТОДРЛ, т. VIII. М.— Л., 1951.
34. *Вомперский В. П.* Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970.
35. *Зубов В. П.* К истории русского ораторского искусства конца XVII — первой половины XVIII в. (Русская люллианская литература и ее назначение).— ТОДРЛ, т. XVI. М.— Л., 1960.
36. *Виноградов В. В.* Очерки из истории литературного языка XVII—XIX вв. М., 1982.
37. *Белокуров С. А.* Адам Олеарий о греко-латинской школе Арсения Грека. М., 1888.
38. *Каптерев Н. Ф.* О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-Греко-Латинской Академии.— В кн.: Творения святых отцов в русском переводе, т. 56, кн. 4. М., 1889.
39. *Николай Спафарий.* Эстетические трактаты. Подготовка текстов и вступительная статья О. А. Белобровой. Л., 1978.
40. *Родосский А.* Описание 432-х рукописей, принадлежащих Санкт-петербургской духовной академии и составляющих ее первое по времени собрание. СПб., 1894.
41. *Вомперский В. П.* Первая петербургская риторика начала XVIII в.— В кн.: Восточные славяне: Языки. История. Культура. М., 1985.
42. Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями М. И. Сухомлинова. Т. I—V. СПб., 1891—1902.
43. *Верховской П. В.* Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. Т. II. Ростов-на-Дону, 1916.
44. *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. II. СПб., 1862.

ОПЫТ ОПИСАНИЯ СТРУКТУРЫ И СЕМАНТИКИ ЗАГАДОК ОДНОГО ТЕМАТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

Данная статья посвящена рассмотрению способа видения предметов окружающего мира на основании текстов загадок, т. е. общей теме «мир через текст». Объектом загадывания большинства народных загадок является конкретный денотат (вещь, одушевленное существо), хорошо известный в социуме, в котором происходило загадывание загадок, так или иначе участвующий в повседневной жизни человека, сопровождающий его на жизненном пути. Поэтому способ представления денотата в загадках может много сказать о том, как воспринимались в соответствующих этнических социумах предметы окружающего мира, какие атрибуты считались им свойственными и релевантными для их опознавания, с какими другими объектами их ассоциировали, какие части (сегменты) выделяли и в какие пространственные и временные координаты их помещали.

Ниже предлагается описание структуры и семантики загадок нескольких регионов, посвященных одному конкретному денотату, а именно иголке. Мы проанализировали способ его образного представления в русских, украинских, белорусских, польских и болгарских загадках, для сопоставления были привлечены литовские, а также румынские и арумынские загадки¹. При описании способов образного представления скрытого, загадываемого денотата мы фиксировали внимание на комплексе приписываемых атрибутов, выборе заместительной номинации (явного термина), вычленения релевантной для опознавания части или назывании объектов обладания, а также указании предиката, определяющего строение текста загадки. Статья ставит целью не только описание способов и приемов загадывания данного денотата в сети предметных и признаковых ассоциаций, но и получение данных, могущих быть полезными для построения словарной статьи семантического словаря загадок.

Текст загадки складывается из термов (заместительных, метафорических обозначений загаданного денотата и/или его частей, а также его объектов обладания), атрибутов (указаний признаков и свойств скрытого и явного денотатов) и предикатов (указаний функций, действий, состояний, свойственных загаданному и явному денотату, сюда же входит и называние действий, которые производятся над загаданным денотатом).

Первая часть статьи будет посвящена рассмотрению типов заместительных номинаций, характеру ассоциаций, возникающих между скрытым и явным денотатами, а также анализу набора признаков, с которыми связывается представление о загаданном денотате.

Каждый из вербальных компонентов загадки участвует одновременно в двух ситуациях: в явной, которая представлена в образной части

¹ Источники: [1] (рус.), [2] (укр.), [3] (бел.), [4] (пол.), [5] (болг.), [6] (лит.), [7] (рум., арумын.). Примеры загадок на некоторых других языках взяты из сборника [7]. Загадки приведены в той форме, в какой они зафиксированы в соответствующем сборнике, после текста загадки в ряде случаев указывается ее номер в источнике.

загадки и в которой могут возникать нонсенсы, противоречия в представлениях об атрибуции свойств и функций термов, и в скрытой, в которой эти противоречия снимаются.

Заместительная номинация, выступая в качестве субъекта образной части загадки, вызывает ассоциации со скрытым, загаданным денотатом, в обозначаемом ею денотате актуализируются те признаки (свойства, функции), которые свойственны скрытому денотату, являющемуся истинным предметом речи данной загадки. В большинстве случаев имеет место анимизация, называние неодушевленного объекта (иголка) именами одушевленных существ (животных и людей) и, соответственно, приписывание этому загаданному объекту признаков, свойств и функций одушевленных существ. Если загаданный денотат — иголка — обозначен в образной части загадки названием одушевленного существа, то связанный с ним отношением принадлежности второй денотат — нитка — обозначен названием части тела этого существа (хвост, рога, кишки и т.п.), причем может нарушаться прагматическая пресуппозиция о существующих отношениях принадлежности, как в болгарской загадке *Една невестица със опашчица* (2333).

Ниже перечислены наборы заместительных номинаций скрытого денотата — иголки, а также объектов обладания и объектов неотчуждаемой принадлежности денотата. Названия заместительных денотатов даны по-русски в марровских кавычках. Далее при них приводятся конкретные реализации этих названий на языке оригинала (как они зафиксированы в соответствующем сборнике загадок), при них указываются характеристики, относящиеся одновременно как к явному денотату, так и к скрытому. Характеристики приводятся в следующей последовательности: а) чем назван предмет (характеристика выражена именем существительным), б) какой скрытый и явный денотат (характеристика выражена качественным прилагательным), в) из чего сделан денотат (характеристика выражена отыменным прилагательным), г) что он имеет, какие части в нем вычлняются, д) что делает, какие действия может совершать, какие функции выполняет (характеристика выражена личной формой глагола), е) каким действиям со стороны других объектов может подвергаться, ж) какое отношение вызывает. Порядок перечисления характеристик может не соответствовать реальному порядку слов в загадке, тем не менее на первом месте указывается заместительная номинация, а затем характеризующий ее атрибут.

А. Заместительные номинации скрытого денотата *иголка*.

‘Конь’: рус. *конь стальной, хвост льняной* (4681); укр., *кінь стальний, хвіст конопляний* (1984); болг. *железен кон, кълчишна опашка* (2446); пол. *kupiń konia bez ogóna, przuprawił mu ogón* (632); ‘лошадь’: рус. *лошадка стальная, хвостик нитяный; замелькает птицей по дороге ситцевой* (4700); ‘корова’: болг. *крава бодлива, роговете и отвиетре, а опашката отванка* (2438); *през плет минава* (2437); ‘бык’: рус. *бык железный, хвост кудельный* (4683); болг. *сиво биче, въже влече* (2444); ‘боров’: лит. *geležines meitelis, kanarine uodega* ‘железный боров, конопляный хвост’ (7128); ‘кобыла’: укр. *кобила залізна, мотузяний хвіст*; болг. *кобилата сива, опашката ѝ бела* (2445); пол. *kobyłka siwa/chuda; ciągnie rółtora drzewka, a czasemidwa* (87); лит. *geležine kumelaitė, kanarinė/linu uodegaitėj* (7125) ‘железная кобыла, конопляный хвост’; ‘теленок’: укр. *теля железне, голе, клочаний хвіст* (1982); ‘поросенок’: укр. *поросятко залізне, портяний хвостик, хоч яке море перепливе* (1980); ‘свинья’: рус. *бежит свинка золотая спинка, носочек стальной, хвосточек льняной* (4682); укр. *свинка маленька, олив'яна (золота срібна) спинка; залізний/ляний/конопляний хвостик; золота щетинка* (1976); *біжить кризь тин кишечки тягне* (1989); бел. *бегла свінка, залатая спінка, аляны хвосцік* (1868)/*хвост канапляны* (1819); пол. *żelazna świneczka, konopiany ogon* (128), *za świnią kiszki się włoka* (127); *ryje materyje* (127); лит. *geležine kiaulė, uodega pakulinė* ‘железная свинья, пакляной хвост’ (7130); ‘буйвол’: болг. *сиво даначе, въжето си влече* (2442); ‘телка’: болг. *сива юница ортума влачи* (2443); ‘волк’: рус. *волк железный, хвост конопля-*

ный; укр. *вовк ситий* (1990), *залізний, хвіст конопляний* (1978), *пробиває тин* (1986); бел. *воук железны, хвост партны* (1869); ‘заяц’: бел. *бляжыць зайчык, ушчаміў хвосцік у плоцік* (1873); ‘зверь’: рус. *зверек с вершок, хвост с локоток* (4690); ‘птица’: пол. *leciał ptaszek, a kiszka się za nim wlekała* (156); ‘утка’: рус. *утка нырjala, хвост потеряла* (4697); ‘гусыня’: укр. *гуска плавала, загубила хвіст* (1992); ‘барыня’: рус. *маленькая барынька всех одевает* (4673), *барыня весь мир нарядила, сама нагая ходила* (4676); ‘княгиня’: рус. *княгиня весь мир нарядила, сама нагая ходила* (4676); ‘бабушка’: укр. *маленька бабуся весь світ одягає* (1959), *бабуня, одинока, узори вишиває* (1958); бел. *маленька бабушка увесь свет адзявае* (1858), пол. *babka mała cały świat odziała* (426), лит. *viėna bobelė visa sieta arsiuva* (7120); ‘женщина’: болг. *крана женица, дъга кърпица* (2449); ‘пани’: пол. *stoi panna w oknie, warkoczyk na niej moknie* (523); ‘невеста’: болг. *каса невяста, с дълга опашка* (2450); ‘сестра’: болг. *една сестрица нив плет се провира, чревата ѝ се влечат* (2452); ‘барышня’: лит. *švėsi panelė visą sieta gėdo* (7123); ‘ребенок’: болг. *детенце, чревото му се влечкаше* (2453); ‘старик’: лит. *senio seneliuko, plieno kailiniukai, lipc uodega* (7124) ‘Игнат’: укр. *лежить Ігнат, при землі не знать* (1954); ‘Арина’: укр. *Орина... де впала, там і пропала* (1966); ‘звезда’: укр. *зоря... впала в лободу — їй-богу не найду* (1969); ‘дуб’: укр. *дуб дуплуватий, як упаде — то ї не знайти де* (1967); ‘гвоздь’: укр. *железний гвізд, сірий хвіст* (1983); ‘то, что сивое’: болг. *сивче напред, белче по него* (2447); ‘то, что черное’: болг. *черанко го води, бялко го следи* (2448); ‘то, что синее’: рус. *синичка синяя, весь свет одела* (4668); бел. *сінява сіняя, ўвесь свет адзявае* (1853); ‘то, что тонкое’: болг. *тънка тънкуша, уши има, а не слуша, уста няма, а кръв пие* (2433);² рус. *беленькая/светленькая/синенькая, тонка, остра, длинна, маленькая, кругленькая, кусает больненько* (4679), *весь мир одевает* (4667), *всему миру красна* (4666); укр. *біленьке/синеньке/ясеньке/сивеньке, маленьке, тоненьке, всім потрібненьке* (1956), *увесь світ одіває* (1964); бел. *сіненъкая/ясненъкая/залаценъкая/бяленъкая, маленькая, тоненькая, маленька, як мязінчык* (1852), *кругленька, да ученька* (1850), *увесь свет адзявае* (1848); болг. *мъничко, голичко* (2425), *слабичко, тънко, дълго* (2421), *в тялото кости няма, къща храни* (2427), *с носа бode с опашката влачи* (2428), *цял свят облица* (2425), *царя наружуєт* (2426), *оди гола-голищата* (2423); пол. *nago, nago* (1072) *cieniusienskie, malusienskie, dziurkę w nosie na* (897), *prościutkie malutką pituleczkę ma* (923), *żelazną dziurkę ma* (1072), *pyskiem guje, a dupą korzei ciągnie* (241); *ni mō ręków, a szęje* (336), *mō uchō, a nie słuchō* (340).

Б. Заместительные номинации объектов обладания и объектов неотчуждаемой принадлежности скрытого денотата иголка.

Б.1. *Нитка*. ‘Хвост’: рус. *хвост льняной/кудельный/портяной/конопляный/нитяной, длинный/с локоток*; укр. *хвіст льняний/полотняний/прядівний/конопляний/портяний/мотузяний/клочаний, залізний, сірий*; бел. *хвост ільняны/парцяны/партны/канапляны*; болг. *опашка бела* (2444), *кълчишна* (2446), *дълга* (2450); пол. *konopiany* (128); ‘кишки’: рус. *кишки сквозь тин тянет* (4699); укр. *крізь тин кишечки тягне* (1988); болг. *чревото му се влечкаше* (2453); пол. *kiszka się wlekała* (156); ‘корни’: укр. *гузицьюю коріння тягне* (1987); пол. *korzei ciągnie* (241); ‘веревка’: болг. *въжето си влаче* (2442); ‘полотенце’: болг. *ортума влачи* (2443); ‘коса’: пол. *warkoczyk moknie* (523); ‘дерево’: пол. *ciągnie półtora drzewka, a czasem i dwa* (87)

Б.2. *Острие иглы*. ‘Носик’: рус. *носик стальной, острый, куда нос, туда и хвост* (4698); укр. *носик стальний*; бел. *носик сталевы*; ‘морда’: укр. *писком рие* (1987); болг. *с пърлица ройе* (2430), *с носа бode* (2428), *сос носо рице* (2429) пол. *pyskiem guje* (241); ‘рога: болг. *роговате и ответнестре* (2438).

² Здесь отмечен случай отсутствия заместительной номинации в образной части загадки.

Б. 3. *Средняя часть иглы*. 'Спинка': рус. *спинка железная, золотая*; укр. *спінка золота, срібна, олив'яна*; бел. *спинка залатая, стальная, шэранька*; 'голова': бел. *галава жалезная*.

Б.4. *Задняя часть иглы*. 'Зад, задница': укр. *гузицьою коріння тягне* (1987); болг. *с дупе корен вади* (2430); *сос гъзо тегли* (2429); пол. *dupą korzeń ciągnie* (241).

Б.4.а) *Ушко иглы*. 'Глаз': укр. *з одним оком* (1955); пол. *wyszczrzyła oczenie* (1130); 'ухо': рус. *одноуха* (4666); 'дырка': пол. *zelazną dziurkę ma* (1072).

Все заместительные номинации скрытого денотата 'иголка' подразделяются на следующие семантические группировки; а) названия животных, б) названия лиц (по возрасту, полу, социальному и семейному положению, а также термины родства), в) собственные имена, г) производные имена со значением конкретного признака типа бел. *сінява*, д) названия предметов.

Когда в качестве заместителей номинации выступает название вида животных (а обычно это имеет место, когда загаданы вместе иголка и нитка), то выбор этой номинации производится а) по ассоциации функций и действий явного и скрытого денотатов (таковы: быстро бегает, проходит сквозь, кусает, бодает и т. п.) и б) по наличию сходного по внешнему виду объекта обладания (например, хвост — нитка). В некоторых загадках обыгрывается процесс утраты этого объекта обладания, образно передающий процесс шитья, — в каталанской загадке: *Кто тот маленький зверь, который на каждом шагу оставляет кусочек своего хвоста*, и в английской *У тетушки Твитчел был только один глаз и длинный хвост, которым она все помахивала и каждый раз, когда она проходила сквозь отверстие, она оставляла кусочек своего хвоста в капкане* (цит. по [7, № 23]) и в русской: *Утка ныряла, ныряла и хвост потеряла* (4690).

Наряду с этим имеются загадки, в которых иголка характеризуется не способностью терять хвост (нитку), а способностью приобретать его; в них иголка сначала обозначается названием животного с указанием, что оно без хвоста, что противоречит представлению об этом животном, а потом хвост у него появляется, так, в украинском: *Іхав Марек на ярмарок, купив коня без хвоста, а прийшов до дому — причепив ему хвоста* (1971) и в польском; *Poszedł Jacek na jarmaczek, kupił kónia bez ogóna, przyszedł do dom przurpawił mu ogón* (632).

Атрибутами при заместительных номинациях в названиях животных выступает в большинстве случаев отыменные прилагательные со значением материала, причем они в своем прямом неметафорическом значении относятся к скрытым денотатам, а в переносном, метафорическом — к явным, ср. рус. *бык железный, хвост кудельный* (4683). Употребление качественных прилагательных при названиях животных и частей их тела относительно редко и свойственно главным образом болгарским загадкам: *сива кобила, бела опашка* (2444). В болгарских загадках в отличие от загадок других регионов вообще не отмечено использование отыменных прилагательных со значением материала при образном описании иголки и нитки как загаданных денотатов. Характеристики в образном описании рассматриваемых загаданных денотатов могут выражаться качественными параметрическими прилагательными и противопоставляться по признаку длины, ср. рус. *Сама короткая, а хвост длинен* (4691) и болг. *Каса невяста с дълга опашка* (2450). Интересно в этой связи отметить одну украинскую загадку, всю построенную на противопоставлении антонимических характеристик хвоста (нитки): *Ой, на світі вовк буває, пробиває тин, хвіст же в нього виростає так, як хочеш ти: то великий, то маленький, білий або чорний, він товстий або тоненький, жазвий та моторний* (1986 Б).

Когда в функции заместительной номинации выступает название лица (что чаще имеет место в загадках с одним только скрытым денотатом *иголка*), то указываются такие функции, свойственные как скрытому, так и явному денотатам, как *весь мир одевает, всех красит, всех обшивает*

и т. п. Атрибутами при названиях лиц чаще всего бывают параметрические прилагательные со значением малости, незначительности, это значение усиливается деминутивной формой прилагательного, а часто и определяемого существительного, ср. укр. *Маленька бабуся весь світ одягає* (1959).

Названия неодушевленных предметов используются в функции заместительной номинации крайне редко. Выбор заместительного денотата может обуславливаться внешним подобием (тонкой, удлиненной формой), ср. укр. *железний гвізд, а сірий хвіст* (1983); здесь отыменное прилагательное относится как к скрытой, так и к явной номинации в прямом, немаетафорическом значении, а указание на наличие у гвоздя хвоста создает нонсенс, свидетельствующий, что речь идет не о явно названном объекте, а о некоем другом, который и является истинным предметом речи в загадке. Скрытый и явный денотаты могут объединяться свойством пропадать, теряться при падении; на этом свойстве основана замена *иголка — звезда*, как в укр. *Летіла зоря з панського двора, впала в лободу — їй-богу не найду* (1969).

Большое количество загадок об иголке не содержат заместительной номинации, ее функцию выполняют атрибуты, называя скрытый денотат по его признакам. В пределах текста одной загадки обычно называется несколько признаков скрытого денотата (размер, форма, цвет и т. п. в разных сочетаниях), ср. рус. *Тонка, длинна, одноуха, остра, всему миру красна* (4666); *Синенько, маленько и беленько... весь мир красит* (4669). Употребление в пределах текста одной загадки двух различных цветовых характеристик показывает, что у создателей загадки значение конкретного цвета нейтрализовалось, а было желание вызвать ассоциации с чем-то светлым, ср. загадку: *Маленька, светленька, всему миру миленька* (4668). Несколько неожиданно употребление применительно к иголке прилагательного *кругленький* в рус. *Кругленько, маленько, а кусает больненько* (4679), бел. *Кругленька, маленька увесь свет адзяе* (1850). Видимо в сочетании с прилагательным *маленький* и в деминутивной форме признак конкретной формы нейтрализуется, а актуализируется все тот же параметрический признак малости.

Объекты обладания и части (сегменты) загаданного денотата, такие как *нитка, острие*, средняя часть характеризуются атрибутами, обозначающими материал, а когда *нитка* обозначается такими заместительными номинациями как *кшишки, веревка*, то называется их свойство быть влекомым, тащиться, тянуться за чем-либо.

Во второй части статьи рассматривается структура текстов загадок об иголке и проводится классификация по типам предикатов.

Первый тип составляют загадки, содержащие бытийный предикат. Этот тип характеризуется наличием следующих компонентов: а) заместительной номинации и/или атрибута заместительной номинации, б) указанием объекта обладания заместительного и/или загаданного денотата и атрибута к нему. Факультативным компонентом является темпоральный или пространственный определитель. Каждый из обязательных компонентов может подвергаться редупликации, т. е. может быть увеличено количество изофункциональных компонентов (в образной части загадки могут быть две или более заместительных номинации, указаны несколько атрибутов одного денотата и несколько объектов обладания у одного посессора). Этот тип широко представлен во всех рассматриваемых регионах и имеет ряд подтипов. Подтип (а) представляют загадки рус. *Конь стальной, хвост льняной* (4681), укр. *Залізний вовк, конопляний хвіст* (1978), бел. *Воўк жалезны, а хвост льняны* (1861), болг. *Сива кобила, бела опашка* (2444), пол. *Żelazna świnieczka — koporiany ogon* (128), лит. *Geležine kumelaite, kanapinė uodegatė* (7125). Этот подтип построения загадок характерен для всех рассматриваемых регионов и представлен 6 русскими, 12 украинскими, 6 белорусскими, 10 болгарскими, 1 польской, 8 литовскими и 2 латышскими загадками.

Подтип (б) этого типа составляют загадки с отсутствием заместительной номинации и атрибута, относящегося ко всему загаданному денотату, но с указанием нескольких объектов обладания загаданного денотата

с атрибутом при каждом: рус. *Спинка железна, а хвостик льняной* (4684), укр. *Носик стальний, хвостик полотняний* (1977), бел. *Жалезная галава, а парцьяны хвост* (1865). Подтип (б) характерен только для восточнославянских языков и представлен 3 русскими, 2 украинскими и 3 белорусскими загадками.

Подтип (в) отличается от предыдущего наличием заместительной номинации загаданного денотата: рус. *Бежит свинка, золотая спинка, носочек стальной, а хвосточек льняной* (4682), укр. *Бігла свинка, олив'яна спинка, залізний хвостик* (1976), бел. *Бегла свінка шэранька спінка, а хвосцік ільняны* (1870). Подтип (в) характерен для восточнославянского региона и представлен 2 русскими, 1 украинской и 1 белорусской загадками.

Подтип (г) этого типа составляют загадки с отсутствием атрибутов как при заместительной номинации, так и при ее объектах обладания: болг. *Една сестрица ... черевата ѝе се влечат* (2452). Он отмечен только среди болгарских загадок.

Подтип (д) характеризуется отсутствием заместительной номинации, функцию которой выполняет атрибут, и указанием объекта обладания загаданного денотата: укр. *Гоненьке, ясеньке, з одним оком* (1955), пол. *Cieniusięńkie, malusięńkie, dziurkę w nosie ma* (897), *Po wsi lato nago, nago, a żelazną dziurkę ma* (1072), *Siedzi na ścienie, wyszczerzyła oczenie* (1130). Указание объекта обладания может быть и негативным, т. е. подчеркивается значимое отсутствие объекта обладания: болг. *Мъничко, слабичко, в тялото кости няма* (2427). Подтип (д) отмечен в украинском (1 загадка), польском (3 загадки) и литовском (1 загадка).

Подтип (е) объединяет загадки, содержащие оппозицию локусов. Имеются две его разновидности. Первая характеризуется противопоставленностью местонахождения всего загаданного денотата местонахождению его объекта обладания: болг. *Кравата в градината, а опашка и вънка* (2439). Вторая разновидность подтипа (е) характеризуется противопоставленностью местонахождения двух различных объектов обладания (предметов неотчуждаемой принадлежности): болг. *Бодлива крава — роговете и отънетре, а опашката отванка* (2438). Подтип (е) отмечен в болгарском (2 загадки) и румынском (1 загадка).

Второй тип составляют загадки, содержащие предикат, обозначающий каузацию однонаправленного движения — глаголы *тянуть, тащить, волочить* и т. п. Этот тип содержит следующие компоненты: а) заместительную номинацию и/или атрибут к ней, б) объект, на который направлено действие каузации движения и который одновременно является объектом обладания загаданного денотата; по форме он является продолговатым, вытянутым в длину предметом (хвостом, кишками, палкой, жердью, деревом, веревкой и т. п.), ассоциируясь тем самым со скрытым денотатом — ниткой. Факультативными компонентами являются а) атрибут при объекте обладания и б) пространственные и временные локусы. Таковы загадки рус. *Синенько, маленько, штучка небольшая сквозь тын кишки тянет* (4699), укр. *Ситий вовк крізь ворота кишки тягне* (1990), болг. *Сиво биче въже влече* (2441), пол. *Leciał ptaszek... a kiszka się za nim wlekła* (156), *Chuda kobyłka ciągnie półtora drzewka* (87), лит. *Kiaulė liną velka 'Свинья тянет лен'* (7133), франц. *Qu'est-ce qui traîne ses boyaux derrière soi? 'Кто тащит свои кишки за собой?'* [7, № 23]. арумын. *Niic i el tradi grenda după el 'Нечто маленькое тянет за собой балку'* [7, № 25], сибирских бурятов *Бежит серая коза и тащит за собой веревку* [7, № 23]. Вариантом этого типа является загадка с отсутствием заместительной номинации и атрибута к ней, но с указанием двух объектов обладания загаданного денотата, причем таких, что движение одного из них каузирует движение второго: рус. *Куда нос, туда и хвост* (4698).

Второй тип отмечен во всех славянских регионах, кроме белорусского и представлен 2 русскими, 3 украинскими, 4 болгарскими, 2 польскими, 1 литовской и 4 румынскими загадками.

Вхождение в третий тип определяется предикатом *делать лучше*, он вербализуется такими глаголами как *наряжать, красить, одеть* и т. п. Обязательными компонентами этого типа загадок являются 1) заместитель-

ная номинация и/или атрибут к ней и 2) объект, на который направлено действие (весь мир, все село, царь, все люди и т. п.): рус. *Синья синичка весь белый свет одела* (4668), *Маленькая малютка всю смерть покрасит* (4672), укр. *Маленька бабуся весь світ одягає* (1959), бел. *Мала-малехонька ўсіх людзей адзяе* (1849), болг. *Малко съм пък цяло село обличам* (2424), пол. *Babka mała cały świat odziała* (426). Среди этого типа выделяются загадки, в которых загаданный (и соответственно заместительный) денотат имеет при себе атрибут *нагой* или *голый*, противопоставленный функции этого денотата (*одевать весь мир*): рус. *Весь свет обшила, сама нагая ходила* (4677), укр. *Усіх обшиваю, а сам голый ходжу* (1961), болг. *Мъничко, голичко цял свят облича* (2425), *цял свят облича, а тя оди гола-голишта* (2423). К этому же типу загадок относятся лич. *Maşa moterêlê vişa svieta ardengia* 'Маленькая матушка весь свет одела' (7119), рум. *Mic, mititel înfrumuseşesc lumea cu el* 'Маленький, крошечный, украшают им мир' (13), франц. *Ce qui est plus petit que la queue d'une souris, et qui fait le rois joli* 'Кто меньше мышиного хвоста, а делает красивым короля' [7, № 13]. Третий тип отмечен во всех рассматриваемых регионах и особенно характерен для белорусского и румынского. Он представлен 2 русскими, 6 украинскими, 11 белорусскими, 3 болгарскими, 2 польскими, 5 литовскими и 13 румынскими загадками.

Четвертый тип определяется наличием двух предикатов, связанных причинно-следственными отношениями, первый из которых (причина) означает движение или каузацию движения, а второй (следствие) означает потерю, пропажу как результат движения. Этот тип имеет два варианта, в первом пропадает, теряется сам загаданный денотат (иголка), во втором — объект обладания (нитка). Предикат *движение* реализуется такими глаголами, как *лететь, упасть, кинуть, плавать, нырять* и т. п., а предикат *утрата* — глаголами *пропасть, найти конец, потерять, погубить* и т. п. Таковы рус. *Сквозь полотно проходит, конец себе находит* (4701), *Утка ныряла, ныряла и хвост потеряла* (4697), укр. *Дуб-дуб дуплуватий, як упаде — то й не знайти де* (1967), *Летіла зоря з панського двора, впала в лободу — їй-богу не найду* (1969), *Гуска плавала, плавала і загубила хвіст* (1992). Сходный тип загадок находим в румынском: *Liucă trece pe cale şi-şi lafa maşele-pe vale* 'Илиуда выходит на дорогу и оставляет свои кишки в долине' (22). Потеря объекта обладания может быть не однократной (утратой всего сразу), а утратой по частям, образно обозначающей процесс шитья, во время которого нитка все уменьшается, пока не исчезнет. Такова французская загадка *Qu'est-ce que c'est qui à chaque pas laisse un peu de sa queue* 'Кто это такой, кто на каждом шагу оставляет кусочек своего хвоста' [7, № 23], каталанская *Quina es aquella bestioleta que á cada pas deixa un tros de cueta* 'Зверь, который на каждом шагу оставляет кусочек своего хвоста' [7, № 23]. Четвертый тип отмечен в русском (2 загадки), украинском (4) и румынском (3).

Пятый тип определяется предикатом *переходить через, преодолевать расстояние*. Обязательными компонентами этого типа являются 1) заместительная номинация и/или атрибут и 2) указание локуса. К этому типу принадлежат такие загадки, как рус. *Носик стальной, хвостик льняной сквозь полотно проходит, конец себе находит* (4701), укр. *Синеньке, маленьке усе поле перебрело* (1957), болг. *Сива юница през плат минава* (2334). Пятый тип отмечен в русском (1 загадка), украинском (2) и болгарском (1).

Шестой тип определяется предикатом деструкции, который реализуется глаголами *кусать, ломать* и т. п.: рус. *Кругленько, маленько, а кусает больненько* (4680), бел. *По полю ходзиць и дзіры робіць* (1860), *Бег кот, праламаў плот* (1859). Шестой тип отмечен в русском (1 загадка) и белорусском (2).

Седьмой тип определяется предикатом *дом хранит*, т. е. подчеркивается важность, существенность этого загаданного денотата в доме, семейном очаге. Эта существенная роль часто противопоставляется *малости, слабости* как атрибутам предмета: болг. *Мъничко, слабичко ... къща храни* (2427). Седьмой тип отмечен только среди болгарских загадок.

Номер типа	Символическая запись структуры загадки	рус.	укр.	бел.	болг.	пол.	лит.	рум.
1	$R_{\text{быт}} +$ а) $(A^1 + K) + (A^2 + \text{ОбОбл})$ б) $(A^1 + \text{ОбОбл}^1) + (A^2 + \text{ОбОбл}^2)$ в) $K + (A^1 + \text{ОбОбл}^1) + (A^2 + \text{ОбОбл}^2)$ г) $K + \text{ОбОбл}$ д) $A^1 + A^2 + \text{ОбОбл}$ е) Оп (К, Лок ¹ — ОбОбл, Лок ²) Оп (ОбОбл ¹ , Лок ¹ — ОбОбл ² , Лок ²)	+	+	+	+	+	+	+
2	$R_{\text{кауз движ}} ((A + K) + \text{ОбОбл})$	+	+	—	+	+	+	+
3	$R_{\text{кауз лучше}} ((A + K) + \text{Об})$	+	+	+	+	+	+	+
4	$R_{\text{кауз движ}} \rightarrow R^2_{\text{утрата ОбОбл}}$	+	+	—	—	—	—	+
5	$R_{\text{преодоление расстояния}}$	+	+	—	+	—	—	—
6	$R_{\text{деструкция}}$	+	—	+	—	—	—	—
7	$R_{\text{дом хранит}}$	—	—	—	+	—	—	—
8	$R_{\text{положительная коннотация}}$	+	+	—	—	—	—	—
9	$R^1 (\text{ОбОбл}^1) + R^2 (\text{ОбОбл}^2)$	—	—	—	+	+	—	+
10	$R_{\text{быт}} (\text{ОбОбл}) + \text{Нег. } P (\text{ОбОбл})$	—	—	—	+	+	—	—
11	Нег. $R_{\text{тожд}} (K, X)$	+	—	—	—	—	—	—

Восьмой тип определяется предикатом положительной коннотации, положительного отношения к загаданному денотату: рус. *Тонка, длинна, одноуха, всему миру красна* (4686), *Синенько, маленько, штучка небольшая, без нее жить нельзя* (4664), укр. *Маленьке, гостреньке, а всім потрібненьке* (1956). Восьмой тип отмечен в русском (3 загадки) и украинском (1); в белорусском, болгарском и польском ареалах загадок этого типа не отмечено.

Девятый тип характеризуется двумя предикатами, действия по которым совершаются соответственно двумя объектами обладания загаданного денотата, названными в образной части загадки двумя частями тела животного и находящимися в оппозиции спереди/сзади. Таковы укр. *Писком рие, а гузицею коріння тянге* (1987), болг. *Сос носо рийе, а сос гъзе тегли* (2429), пол. *Pyskiem ryje, a dupa korzei ciagnie* (241). Загадки этого типа распространены в румынском: *Ce sapă cu capul și duce cu coada? 'Что копает головой, а тянет хвостом?' (18), Am un bou: cu coarnele sparge și cu botul drege 'Есть у меня бык, рогами копает, мордой поправляет' (21), Am un vițel mititel sparge cu capul și drege cu c 'Есть у меня маленький теленок: ломает головой, поправляет задницей' (19). Девятый тип отмечен среди болгарских (2), польских (1) и румынских (6) загадок.*

Десятый тип определяется сочетанием посессивного предиката с отрицанием либо а) совершения объектом обладания свойственного ему действия: болг. *Уши има, а не чуе* (2315), *уши има, а не слуша* (2433), укр. *Ухо має, а не чує* (1952), либо б) наличия самого объекта обладания при указании на совершение действия, свойственного этому объекту: укр. *...без очей і без ніг, а ходить і за собою водить* (1952 А), *Не має ног, а ходить* (1952 Б), пол. *Ni mō reków, a szēje* (336), *Mō uchō, a nie słuchō* (340), болг. *Уста нема, а крѣв пие* (2433). Десятый тип отмечен среди болгарских (4) и польских (2) загадок.

Одиннадцатый тип характеризуется отрицанием тождества названного объекта с загаданным: рус. *Ни хогол, ни мохор, ни змея с хвостом* (4692) (единственный пример этого типа).

В приводимой выше таблице в первом вертикальном столбце перечислены в символической записи (в абстракции от лексического наполнения) все рассмотренные типы, а в горизонтальных графах отмечено их наличие или отсутствие в сопоставляемых ареалах. Принята следующая система символических обозначений: К — заместительная (кодовая) номинация загаданного денотата; Х — загаданный денотат; А — атрибут, выражен-

ный прилагательным и характеризующийся при наличии заместительной номинации двойной отнесенностью к загаданному и явному денотату; ОбОбл — объект обладания, а также часть или сегмент загаданного и/или скрытого денотата; Об — объект, на который направлено действие; Р — предикат, функция, действие загаданного и/или скрытого денотата; Р_{быт}, Р_{наука} и т. п. — обозначения различных видов предиката, определяющих тип построения текста загадки; Р_{ОбОбл} означает, что совершается действие, свойственное данному объекту обладания, когда название объекта обладания предсказывает, какое действие будет совершено; Т — временной определитель, указатель времени совершения действия; Лок — пространственный определитель, указатель местопребывания или места совершения действия; ¹, ² — знаки тождества либо различия лексического наполнения изофункциональных компонентов в пределах текста одной загадки; Оп — оппозиция, Оп (Лок¹ — Лок²) — пространственная оппозиция; Нег — негация, отрицание наличия или совершения действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Митрофанова В. В. Русские народные загадки. Л., 1968.
2. Загадки. Українська народна творчість. Сост. И. П. Березовский. Київ, 1962.
3. Загадки. Беларуская народная творчасць. Сост. М. Я. Грынблат, А. І. Гурскі. Мінск, 1972.
4. Fol'asiński S. Polskie zagadki ludowe. Warszawa, 1975.
5. Стойкова С. Български народни гатанки. София, 1984.
6. Lietuvių tautosaka. Mislės-minklės. Penki tomai, «Minties» Leidykla. Vilnius, 1968.
7. Gorovei A. Cimiliturile românilor. București, 1972.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

КИШКИН Л. С.

ХУДОЖНИК ЯН РОМБАУЭР (русский период творчества)

Почти двадцать лет провел в России известный живописец, уроженец Словакии Ян Ромбауэр. Это были годы расцвета его художественной деятельности, когда он создал большую часть лучших своих произведений. В то же время русский период жизни и творчества этого художника — одна из первых страниц в истории связей искусства Словакии и России.

Ян Ромбауэр родился в словацком городе Левоча 28 мая 1782 г. в семье столяра и резчика по дереву, предки которого принадлежали к числу немецких ремесленников, поселившихся в этом городе еще в XVII в. Жители города Левоча, расположенного на исторической территории Спиша, как всей северо-восточной Словакии, во времена Ромбауэра нередко пользовались тремя языками — словацким, немецким и венгерским. В этом районе венгерской части Австрии соприкасались друг с другом и порою смешивались разные культурные традиции. Так, например, семья Ромбауэра, как отмечает словацкая исследовательница А. Петрова-Плескотова, была связана с рядом венгерских семей, причастных к художественной жизни [1, с. 80].

Систематического художественного образования у Ромбауэра не было. Правомерно, однако, полагать, что его интерес к искусству и первоначальные эстетические воззрения формировались под воздействием впечатлений от многочисленных архитектурных и скульптурных средневековых памятников, готической живописи и других художественных произведений, которыми так богат его родной город (на его облике наряду с готикой сказались также и ренессансные признаки и черты барокко). Говоря об уходящих в глубь веков художественных традициях Левочки, заметим, что именно там в начале XVI в. жил и работал знаменитый мастер резьбы, создатель деревянных скульптур Павел из Левочи.

Единственным, первым и последним учителем Ромбауэра был выходец из Дании художник Ян Якуб Штундер (1759—1811), окончивший Копенгагенскую академию и переселившийся на жительство в Левочу.

Ранний период творчества Ромбауэра охватывает 1802—1805 гг. О характере его произведений этого времени дают представление около пятнадцати относящихся к нему учтенных работ. Они позволяют говорить о связи творчества молодого художника с опытом его соотечественников, левочских живописцев, а также с современным ему венгерским искусством и венской художественной школой [1, с. 82—83]. Портреты Ромбауэра начала 1800-х годов, когда в средневропейском искусстве еще не была пройдена завершающая фаза классицизма, во многом неоднородны как по стилю, так и по уровню мастерства. В одних случаях их отличает предромантическая сентиментальность («Портрет мужчины в парике», 1804), в других — определенная устремленность к реалистическому изображению (портреты Яна Самуэля и Зузанны Штейнгубелей, 1804). При этом Ромбауэр не порывал и с классицистическими навыками, воспринятыми от

Штундера. К наиболее совершенным ранним произведениям Ромбауэра не без основания относят упомянутый портрет прешовского торговца Штейнгубеля. В нем можно увидеть не только реалистические элементы, но и показательный для художника прием введения в портрет какой-то характерной, имеющей отношение к портретируемому, символической детали (в данном случае — это коммерческие бумаги). К этому приему впоследствии Ромбауэр обращался не раз.

В 1806 г. на курорте в Бардеёве (Словакия) Ромбауэр познакомился с русским сенатором, влиятельным аристократом графом Ильинским, владельцем большого поместья на Волыни. По его приглашению художник тогда же отправился в Россию, где пробыл до 1824 г. О жизни и перемещениях Ромбауэра в России известно мало.

Исследованием произведений Яна Ромбауэра, созданных в России, до последнего времени специально никто не занимался¹. Первым к творчеству этого художника обратился советский искусствовед А. Н. Тихомиров, выявивший по разному рода источникам названия 43 произведений Ромбауэра, созданных им в 1806—1824 гг., т. е. в России (реально существующих и таких, судьба которых неизвестна, исчезнувших из поля зрения) [4]. В подавляющем большинстве это портреты. Сохранившихся работ Ромбауэра русского периода, находящихся в музеях и частных собраниях, в перечне А. Н. Тихомирова — 26, где находятся остальные — 17 неизвестно, хотя репродукции некоторых из них и существуют. К русскому периоду творчества Ромбауэра возник интерес и в Словакии, о чем свидетельствуют публикации А. Петровой-Плескотовой [1; 5; 6]. В них рассматриваются не только возникшие в России произведения Ромбауэра, но и их связь с творчеством таких русских художников, как Боровиковский, Венецианов, Кипренский, Тропинин и др.

Первые годы пребывания в России, по всей видимости, Ромбауэр жил на Волыни у Ильинских, а затем в конце 1800-х годов оказался в Петербурге, где познакомился с коллекциями Эрмитажа и произведениями русских художников.

Как справедливо отмечает А. Н. Тихомиров, созданные Ромбауэром в России произведения отличаются неровностью художественного уровня. Это проявляется в некоторой традиционной, восходящей к XVIII в. упрощенно-облегченной трактовке портретных изображений, в чрезмерной зачерненности фона и не всегда оправданном повышенном внимании к деталям, которые порою как бы теряют органическую связь со всей картиной. При всем том, наряду с менее удачными портретами, Ромбауэр создает в России целый ряд глубоких и совершенных произведений, которые отличаются не только внешним сходством с портретируемым, но и проникновением в его характер. Весь период пребывания художника в России в целом несомненно отмечен значительным ростом его мастерства.

В 1810—1820-х годах Ромбауэр был весьма популярен в высших кругах русского общества. В какой-то мере об этом свидетельствуют выполненные им в 1818 г. портреты Александра I, а также ряда сановных особ. Находясь в России, Ромбауэр участвовал в академических выставках². Особый интерес представляет созданная Ромбауэром серия портретов видных участников Отечественной войны 1812 г.

Одним из бесспорных показателей большого признания портретной живописи Ромбауэра в России явилось гравирование многих его портретов, в частности, М. И. Платова, В. В. Орлова-Денисова, А. И. Нелидова, Я. Л. Лазарева и др. Весьма существенно и то, что к гравированию выполненных Ромбауэром портретов часто обращались известные в России начала XIX в. граверы — профессор Академии художеств И. С. Клау-

¹ В русской дореволюционной литературе, если не считать двух-трех беглых упоминаний имени художника, как автора тех или иных портретов, почти никаких сведений о нем не было. Так, например, в «Отечественных записках» [2] Ромбауэр именуется просто иностранным художником, а в «Каталоге выставки в Таврическом дворце» [3] назван «портретистом времен Александра I».

² Скупые сведения об этом содержатся в «Северной почте» [7] и «Отечественных записках» [2].

бер, его ученики Н. Плахов, И. В. Ческий, а также А. А. Осипов, С. Кардели и др.

Особый, можно сказать удивительный успех выпал на долю портрета легендарного атамана донских казаков генерал-лейтенанта М. И. Платова (1751—1818), который был создан Ромбауэром в 1809 г., когда известный герой-полководец вернулся после участия в войне против турок, а до этого прославился успешными боевыми действиями в сражениях с наполеоновскими войсками (битвы у Прейсш-Эйлау и при Гейльсберге). Восхищались Платовым не только в России, но и во всей Европе, где он был, пожалуй, самым известным и почитаемым героем войны 1812 г., что, конечно, тоже сказалось на судьбе ромбауэровского изображения Платова и повышенном интересе к нему. Но насколько можно судить по гравюрам (местонахождение самого портрета неизвестно), эта работа

Я. Ромбауэр — С. Кардели. Портрет М. И. Платова (гравюра на меди).

художника принадлежит к лучшим его произведениям не только русского периода творчества, но и всего художественного наследия. Заметим, что портрет Платова кисти Ромбауэра гравировался 30 раз, причем не только в России, но и в Англии, Австрии, Италии³. Некоторые из гравюр были миниатюрны и предназначались для наклейки на модные в начале XIX в. табакерки. Такое множество воспроизведений одного портрета в истории гравирования встречается не часто. И дело здесь не только в личности Платова, но и в совершенстве его портрета. По воспоминаниям современников, Платов был высокого роста, смуглый, черноволосый, с «бесконечно добрым» выражением лица. Эту последнюю черту, как думается, Ромбауэр удачно передал на своем портрете. Сохранили ее и многие граверы, в частности С. Кардели.

Еще одним казачьим генералом, которого портретировал Ромбауэр, но уже в 1811 г., был В. В. Орлов-Денисов (1780—1863), к тому времени известный русский военачальник, участник ряда предшествовавших 1812 г. войн. Он тоже был героем Отечественной войны. Во время Бородинского сражения, когда Наполеон, намереваясь сломить русскую армию, двинул свою гвардию в центр, казаки Орлова-Денисова, перейдя реку Колоць, атаковали наполеоновскую гвардию и остановили ее продвижение. Об этом человеке напоминает нам теперь его портрет кисти Ромбауэра (он входит в коллекцию западной живописи, собранную И. С. Зильберштейном). Существует предположение, что с Орловым-Денисовым в какой-то мере связан собирательный образ Василия Денисова из «Войны и мира» Толстого, если не по роли и характеру (в этом он безусловно ближе другому герою войны 1812 г. — Денису Давыдову), то по избранному имени, приближенному, как и в других случаях, Толстым к именам реальным. Портрет В. В. Орлова-Денисова так же, как и портрет Платова, неоднократно гравировался (8 раз) [8, т. II, стлб. 1411—1412]. Среди исполнителей гравюр были С. Кардели и С. Баскаков. Некоторые из гравюр исполнялись в малых размерах и предназначались для украшения табакерок.

Наряду с портретами Платова и Орлова-Денисова к числу наиболее значительных «русских» произведений Ромбауэра могут быть отнесены также портреты Я. Л. Лазарева (1820), одного из основателей Лазарев-

³ Полный перечень и описания всех гравюр с изображением М. И. Платова с портрета, написанного Ромбауэром, содержится в «Подробном словаре русских гравированных портретов» Д. А. Ровинского [8, т. III, стлб. 1783—1788].

Я. Ромбауэр. Портрет В. В. Орлова-Денисова (масло, 1811).

Но, вероятно, к наиболее совершенным работам Ромбауэра следует отнести его автопортрет (1813), хранящийся в музее-усадьбе «Архангельское»⁴. Он, пожалуй, особенно отчетливо говорит о тех творческих импульсах, которые были получены Ромбауэром от русского искусства, в частности от Кипренского. Автопортрет явился неожиданным и своеобразным шагом в творчестве Ромбауэра, не имеющим аналогов в других его работах. И дело здесь не только в освобождении от элементов сентиментальности, порою свойственных художнику ранее, не только в неприятельной простоте и правдивости выразительной характеристики личности на автопортрете, но и в чисто художественных особенностях произведения. Еще юношескому облику художника, хотя ему и был уже 31 год, придан несколько романтический характер (выющиеся пышные волосы, высокий свободно распахнутый белый воротник рубашки, небрежно накинутый через левое плечо плащ). При этом все внимание художника сосредоточено на лице, открытом, любознательном, доверчивом. Молодой человек полон сил, веры в себя и как бы вглядывается во все, его окружающее. Необычно, сбоку и сзади, падает на него свет, блики которого видны на складках плаща, шее, воротнике, шее и лице, благодаря чему они выделяются на темном фоне, контрастируют с условным, нечетко обозначенным темным костюмом. Автопортрет Ромбауэра отличает удивительная живизненность и одухотворенность. Примечательно, что в нем нет тщательно выписанных деталей костюма, украшений, мебели. Все предельно просто, ничто не отвлекает зрителя от главного — привлекательного юного лица художника. Автопортрет Ромбауэра — одна из тех работ, которая особенно близка русской портретной живописи начала XIX в. Это произведение попало в Архангельскую коллекцию Н. Б. Юсупова в 1827 г. и с тех пор значится во всех описях как «Автопортрет» Ромбауэра, что отмечено и в надписи, имеющейся в левом нижнем углу картины: «Joh Rombauer se ipsum pinxit. An. 1813». Мы обращаем на это внимание, так как в литературе высказывается сомнение по поводу того, что находящаяся в музее-усадьбе «Архангельское» работа Ромбауэра действительно его автопортрет.

Примечательно, что, живя в России, художник из Словакии запечатлел целый ряд знакомых Пушкина. Помимо упоминавшегося уже А. Н. Нелидова, с которым поэт встречался в начале 30-х годов будучи совместно

ского института в Москве, и курского губернатора А. И. Нелидова (1821, местонахождение неизвестно, сохранилась лишь гравюра, выполненная по оригиналу Ромбауэра А. Г. Ухтомским). Значительная часть созданных в России Ромбауэром портретов имела парадный характер. Но были среди его работ и интимные портреты, к лучшим из которых относится портрет графини Кутайсовой (1821, находится в Днепропетровском музее). Молодая женщина, задумавшаяся после прочтения письма, лежащего рядом на столе, изображена в домашней салонной обстановке.

Сам Ромбауэр считал лучшей своей работой русского периода портрет И. А. Фесслера (1821), суперинтенданта евангелической церкви в Петербурге. Этот портрет он взял с собой, уезжая на родину. Сейчас он находится в Будапеште (свойственность Венгерской Академии наук).

⁴ Вариант или авторскую копию этого портрета имеет Московский Государственный исторический музей.

с ним попечителем осиротевшей дочери поэта А. А. Шишкова (племянника адмирала А. С. Шишкова) Софьи, это — родственник А. И. и Н. И. Тургеневых — вице-адмирал А. Ф. Клокачев, в петербургском доме которого (в Коломне) Пушкин жил с родителями в 1817—1820 гг., а также граф А. А. Бобринский, дом которого в Петербурге на Галерной улице поэт часто посещал, с которым встречался в Английском клубе и у Михаила Виельгорского.

Особо следует отметить портреты А. Н. Пещурова и его жены Елизаветы Христофоровны. Они были написаны Ромбауэром в 1808 г. и в художественном отношении уступают более поздним его «русским» работам. Однако благодаря Ромбауэру мы видим на них людей, с которыми судьба Пушкина соприкасалась не раз. Первое знакомство Пушкина с А. Н. Пещуровым, дядей А. М. Горчакова, состоялось, как полагают, еще в лицейские годы. Село Лямоново, имение Пещуровых, находилось в том же Опочечком уезде, что и Михайловское Пушкиных. Поэт посещал Лямоново в годы михайловской ссылки, где встречался с А. Н. Пещуровым и его женой. В то время на Пещурова как предводителя уездного дворянства был возложен надзор за опальным Пушкиным, однако он не осложнял его жизнь. В 1837 г., уже будучи псковским губернатором, А. Н. Пещуров принимал участие в устройстве похорон поэта в Святогорском монастыре.

Не исключено, что на одном из лучших интимно-камерных портретов Ромбауэра с изображением графини Кутайсовой (ее имя не установлено) запечатлена еще одна знакомая Пушкина — жена графа П. И. Кутайсова, председателя Общества поощрения художеств, — Прасковья Петровна, урожденная Лопухина (1784—1870).

Кроме этих живописных изображений, имеющих безусловное или предположительное отношение непосредственно к окружению Пушкина, Ромбауэром был написан ряд других работ, косвенно относящихся к нему. Это, например, портрет графа К. Браницкого (1818), отца Е. К. Воронцовой, которой поэт был увлечен в Одессе, портрет графа Д. А. Гурьева (1818), по-видимому, отца А. Д. Гурьева, одесского градоначальника, с которым Пушкин общался не только в Одессе, но и раньше, в последние годы в Петербурге.

В какой-то мере Ромбауэр был, как видим, живописцем-портретистом не только героев Отечественной войны 1812 г., но и людей пушкинской эпохи. И в этом смысле сделанный им вклад в русскую культуру был довольно значительным. Читал ли Ромбауэр что-либо из Пушкина, слышал ли о нем, — мы не знаем. Однако есть любопытное известие о том, что в 1831 г. уже после отъезда из России им был создан портрет русского поэта [9]. Судьба этого портрета неизвестна. Был ли он сделан в России, если Ромбауэр на какое-то время возвращался в Петербург, или создан уже в Прешове по воспроизведениям портретов Пушкина, — об этом теперь можно только гадать. Однако сам факт обращения Ромбауэра к воссозданию образа поэта, если он достоверен, говорит о многом, в частности, о соприкосновении художника не только с русской живописью, но и литературой.

Приехав в 1824 г. Россию, Ромбауэр вернулся на родину известным портретистом и поселился в г. Прешове (Восточная Словакия), где и умер 12 февраля 1849 г., незадолго до этого потеряв жену и одну из дочерей.

Я. Ромбауэр. Автопортрет (масло, 1813).

Я. Ромбауэр. Портрет А. Н. Пешурова (масло, 1808).

Я. Ромбауэр. Портрет Е. Х. Пешуровой (масло, 1808).

За 25 лет жизни в Прешове художник создал еще немало портретов, однако их уровень сравнительно редко поднимался до той высоты, которой ему удавалось достигать в России, что определялось и вкусом заказчиков, и началом распространения в Центральной Европе художественного направления бидермейер, отразившего не только демократизм, но и обывательскую узость интересов бюргерства, идейную ограниченность кругозора мелкой и средней буржуазии. Свою роль играла и определенная удаленность Прешова от центров художественной жизни, не помогавшая развитию мастерства художника.

Сколько и каких именно портретов создал Ромбауэр, живя в Прешове, точно не знает никто. Многие из них делались по заказу дворян, состоятельных горожан, представителей интеллигенции и оседали в частных домах. Можно лишь предположить, что их было примерно столько же, сколько и работ русского периода. В настоящее время уцелевшие из них находятся в музеях Братиславы, Кошице, Прешова, Бардеёва, а также Будапешта и Дебрецена, в частных собраниях.

Долгое время творчество Ромбауэра мало кого интересовало. Библиография посвященных ему в Австро-Венгрии работ скудна⁵. Пристальный интерес исследователей к наследию художника в СССР, Словакии и Венгрии, как уже отмечалось, возник лишь в 1950—1960-е годы. И это можно понять, ибо при известной неровности своего творчества, Ромбауэр — автор ряда первоклассных портретов и забыт был явно несправедливо.

В связи с 180-летием со дня рождения художника в декабре 1963 — январе 1964 г. в Галерее изобразительного искусства в Прешове была организована выставка «Ян Ромбауэр (1782—1849) и его прешовские современники». На этой едва ли не единственной выставке Ромбауэра было экспонировано 39 его работ и несколько репродукций. Среди работ прешовского периода привлекают «Портрет молодого человека с усами» (1826, Словацкая национальная галерея в Братиславе) и «Портрет молодой женщины» (1826, там же), в которых еще можно усмотреть следы воздействия Кипренского. В какой-то мере сопоставимы с русской портретной школой начала XIX в. и некоторые другие произведения Ромбауэра, представленные на выставке в Прешове. Таковы, например, портреты прешовского судьи Ладислава Стербинского и его жены Розины (1843), отличающиеся объективной передачей реальной внешности портретируемых. То же можно сказать о портрете прешовского торговца Балтазара Лиллиа (1839),

⁵ Наиболее значительные из них по фактографии и биографическому материалу принадлежат Корнелю Дивальду [10, 11].

изображенного в непринужденной естественной позе с очками в одной руке и коммерческими бумагами в другой (любимый прием Ромбауэра). Любопытно, что на выставке в Прешове экспонировался портрет композитора Мендельсона (1846) — одна из последних работ Ромбауэра. Произведений, датированных позже 1846 г., на выставке не было.

Как и раньше, после 1824 г. Ромбауэр редко проявлял себя вне портретной живописи. Одним из таких исключений является картина «Вид на Прешов» (ок. 1830 г.). На ней он запечатлел город, в котором навсегда поселился, вернувшись из России. Если в области портрета художник обнаруживал тяготение к объективному реальному изображению, то как пейзажист он в большей мере следовал романтической традиции. Романтическим духом овеян и его «Вид на Прешов», который также был показан на выставке.

Мы рассказали, разумеется, в самых общих чертах о творческом пути Яна Ромбауэра, обратив особое внимание на русский период его деятельности. Представляется целесообразным коротко остановиться еще на том, к какой национальной культуре относится его художественное наследие. Этот вопрос возник в ходе современного изучения его творчества и решается не однозначно. Так, в книге А. Н. Тихомирова «Искусство Венгрии» можно прочитать: «Вопрос о национальной принадлежности Ромбауэра еще является предметом споров, поскольку в свою национальную школу его зачисляют и венгры и словаки (в литературе есть утверждения, считающие его и немецким художником)». И далее: «...творчество Ромбауэра, даже несмотря на то, что его значение для становления венгерской национальной школы очень ограничено, должно быть отнесено к венгерской культуре...» [12, с. 58]. Такое заключение мотивируется принадлежностью Ромбауэра к кругу художников, связанных с венгерским писателем, просветителем и общественным деятелем Ференцем Казинци (1759—1831). Думается, этого недостаточно для прояснения затронутого А. Н. Тихомировым вопроса. И не только потому, что Казинци все-таки не был художником, что для прямой или опосредованной связи с ним у Ромбауэра было не так уж много времени: два-три года до отъезда в Россию и несколько лет по возвращении из нее. Дело в том, что многие деятели словацкой культуры находились в контактах с представителями венгерской культуры так же, как и венгерские — со словацкими. Более того, история знает случаи, когда один и тот же литературный памятник (например, стихотворный роман «О Силлади и Хадмази», XVI в.) существовал одновременно на словацком, венгерском и сербском языках, принадлежа, таким образом, трем культурам; когда венгерский поэт Балинт Балашши создавал свои стихи как на венгерском, так и на словацком языках. Двум литературам, словацкой и венгерской, принадлежат произведения писавшего по-словацки и по-венгерски поэта Петера Беницкого. Таких взаимосвязей и взаимопроникновений в истории словацкой и венгерской культур немало. Они определялись реальными историческими условиями их становления и развития, тем положением, в котором находились словацкий и венгерский народы. Соприкосновение словацкой и венгерской культур показательно и для XIX в. Мы говорим обо всем этом лишь затем, чтобы яснее можно было представить ту культурную обстановку и среду, в которой Ромбауэр находился в начале своего творческого пути и после возвращения из России.

А. Петрова-Плескотова в Каталоге прешовской выставки работ Ромбауэра пишет о нем следующее: «Творчество Ромбауэра является не только художественным, но и общественным, историческим свидетельством своего времени. В своей части, связанной со Словакией, оно верно отражает жизнь восточно-словацкой мещанско-городской и дворянской общественной среды от самого начала XIX в. и до второй его половины» [5]. С этим трудно не согласиться, так же, как и с определением Словацкой энциклопедии, где Ромбауэр характеризуется, как «один из основоположников традиции портретного искусства нового времени в Словакии» [13]. Ни в первом, ни во втором случае не исключается вклад родившегося и жившего в Словакии художника в развитие искусства других народов. За-

метим, что А. Петрова-Плескотова говорит лишь о части творчества Ромбауэра, связанной со Словакией.

Приведем еще одно высказывание А. Петровой-Плескотовой из ее статьи «Развитие творчества Яна Ромбауэра и русская портретная школа живописи»: «Творчество Яна Ромбауэра занимает особое место в ряду словацких живописцев прежде всего потому, что он — единственный, кто всеми главными особенностями своего творчества оказался связанным не с Западной Европой, а с Россией» [1, с. 80]. Автор цитируемой статьи отмечает также связи художника с венгерской культурой, в частности говорит о том, что «Ромбауэр имел возможность развивать и совершенствовать свои способности и художественный талант с одной стороны — непосредственно в своем родном краю, с другой... — в Пеште...» [1, с. 82]. Представляется, что такой подход к определению истоков и культурной принадлежности Ромбауэра и более диалектичен и более историчен, а потому и обоснован. Он — художник, родившийся, живший и творивший на словацкой земле, несомненно впитал в себя словацкие культурные и художественные традиции в той мере, в какой они в начале XIX в. осознавались и проявлялись, ведь выявление национального характера в искусстве тогда лишь начиналось. Но самое основное, что позволяет видеть в Ромбауэре словацкого художника — отраженная в его творчестве словацкая жизнь, пусть главным образом в жанре портрета. Однако это нисколько не мешает изучать и рассматривать его вклад в венгерское и русское искусство и даже причислять к ним в той степени, в какой это подтверждается объективными данными.

В истории мировой культуры случаи, когда произведения тех или иных писателей и художников становились достоянием не одной, а нескольких культур не столь редки. Но дело не в числе таких случаев, а в их реальном существовании, в специфике их культурно-исторического характера, в том, что творческая деятельность одного человека может принадлежать не одной культуре, а нескольким. Решение вопроса об отнесении того или иного художественного деятеля к определенной культуре, или даже культурам, не самоцель. Оно должно учитывать все многообразие жизненных и творческих особенностей художника, не исключая при этом его причастности к развитию разных национальных культур, соприкосновения с ними. Именно с таким феноменом, как нам кажется, мы и имеем дело в случае с Яном Ромбауэром.

А теперь, после размышлений о природе и характере творческого наследия Ромбауэра, расскажем, что удалось узнать о нем нового. При этом как отправной момент используем уже упоминавшийся перечень «русских» произведений Ромбауэра, выявленных А. Н. Тихомировым [4, с. 30—38], который, говоря о более чем 40 учтенных им работах художника (из них сохранилось лишь около половины), справедливо заметил: «...нет сомнения в том, что в действительности их было написано значительно больше» [12, с. 53]. Это на самом деле так. Список А. Н. Тихомирова может быть несколько уточнен и дополнен.

В упомянутом перечне работ Ромбауэра под номером одиннадцатым значится: «Мать Аракчеева», в графе «Дата» указан 1809 г., в графе размеры — прочерк, в графе «Место хранения» написано — «неизвестно». В настоящее время и местонахождение и размеры картины стали известны. Она принадлежит Краеведческому музею г. Устюжны. По данным Отдела реставрации масляной живописи Научно-реставрационного центра им. И. Э. Грабаря, где она была атрибутирована, размер ее 88×70,5 см.

Под номером двадцать восьмым в публикации А. Н. Тихомирова значится портрет Якима Лазаревича Лазарева, 1820 г., судьба которого к моменту составления перечня также не была известна. Отыскалась и эта работа. В 1936 г. она была передана в Казахскую Государственную художественную галерею им. Т. Г. Шевченко (Алма-Ата), где находится и теперь. Согласно Каталогу галереи размер портрета — 72 × 61 см, а дата исполнения не 1820 г., а 1816 г. (последнее подтверждает авторская подпись справа внизу: «J. Rombauer pinx Ani. 1816») [14].

Я. Ромбауэр. Портрет Ф. В. Дризена (масло, 1814).

Я. Ромбауэр. Портрет молодой женщины у рояля (масло, 1815).

Помимо местонахождения этих двух работ Ромбауэра, известных, но считавшихся несохранившимися, удалось обнаружить еще два выполненных им в России портрета, не учтенных А. Н. Тихомировым. Это портрет одного из героев Бородинского сражения Ф. В. Дризена (1789—1851) и «Портрет молодой женщины у рояля». Оба они были отреставрированы в Научно-реставрационном центре им. И. Э. Грабаря, откуда и получены их репродукции⁶.

Первый портрет принадлежит Государственному музею Л. Н. Толстого в Москве, куда он поступил из Грузии в 1930-е годы в плохом состоянии (потертости, гвоздевые проколы, кракелюр с приподнятыми краями). Он был передан на реставрацию в 1964 г. как портрет С. Г. Волконского. Основанием для этого послужили надписи на верхней планке подрамника «Граф Павел Александрович Строгановъ 1774—1817? Сⁿ Orlov-Denisov par Rombauer Wolkonsky (Dekabrist)». Кем и когда были сделаны эти надписи, неизвестно. Судя по наличию буквы «ѣ», можно думать, что они появились еще до революции. Видимо, уже тогда владельцам не было ясно, кто изображен на портрете. Согласно записям реставрационного паспорта размер портрета 65,3 × 51,7 см, на обороте холста сохранилась надпись на немецком языке: Gemacht auf den Natür. Joh Rombauer. St. Peterburg, 1814. Это едва ли не единственная надпись Ромбауэра, если это его автограф, на немецком языке, обычно он пользовался в таких случаях латынью. В 1966 г. портрет был отреставрирован С. И. Глобачевой, после чего вернулся в музей, где был обстоятельно изучен и вторично атрибутирован по числу и видам наград на груди изображенного на нем военного. Одним из дополнительных, правда косвенных, доводов в пользу того, что на портрете действительно Ф. В. Дризен, на наш взгляд, может служить еще и то, что в коллекции Д. А. Ровинского была гравюра с изображением Дризена, описание которой во многом совпадает с портретом Ромбауэра [8, т. I, стлб. 732—733]. Если предположение верно, то это еще одна гравюра с его портрета.

⁶ Автор приносит свою благодарность сотрудникам Научно-реставрационного центра им. И. Э. Грабаря за любезно предоставленные фотографии портретов.

Парадный портрет Дризена заметно отличается от созданного художником за три года до этого репрезентативно-парадного портрета В. В. Орлова-Денисова. Изображение Дризена как бы слегка романтизировано, что не лишает его жизненности. Для романтизации было достаточно оснований: Дризен был неоднократно ранен в сражениях, потерял ногу после Бородинской битвы, в которой его отрядом были отбиты у французов Багратионовы флешы. Портретируя героя Бородинского сражения, тридцатилетнего генерала, Ромбауэр несколько просветлил фон, отказался от перегруженности картины разного рода военными аксессуарами, хотя художника, может быть, и можно упрекнуть за чрезмерно тщательно выписанное золотое шитье воротника. В целом портрет написан мягче, теплее, воспроизведенные на нем детали одежды не отвлекают от лица изображенного.

Созданию портрета Дризена предшествовали две работы Ромбауэра, которые появились в 1813 г. — «Автопортрет», о котором уже шла речь, и «Портрет молодого человека» (в настоящее время находится в Национальной галерее в Будапеште). Эти две работы были этапными и занимают особое место в художественном развитии Ромбауэра, так как отмечены новыми для него чертами, явственно сближающими его с русским портретным мастерством, в частности, Кипренского и Тропинина. Проявившиеся в портретах 1813 г. творческое освоение и осмысление опыта русских художников-портретистов не столь сильно, но все же коснулось и портрета Дризена, выполненного сразу вслед за ними. Портрет Дризена В. Ф. — несомненно одна из наиболее удачных работ Ромбауэра, созданных им в России.

Не менее интересен, но по-своему, и «Портрет молодой женщины у рояля». С потертостью и осыпью красочного слоя, царапинами и прорывами полотна он поступил в Научно-реставрационный центр им. И. Э. Грабаря из Московского областного историко-краеведческого музея (г. Истра), куда и вернулся в 1970 г. после реставрации, проведенной А. Гогуадзе и В. А. Лагутиной. По документам размер портрета 100 × 82 см, на обороте холста сохранилась подпись: «J. Rombauer Ao 1815». Это одна из самых крупных по размеру «русских» работ Ромбауэра, лишь немного уступающая в этом изображению графини Кутайсовой (109 × 88 см), которому предшествовала по времени и во многом близка по своему интимно-камерному характеру. Заметим еще, что на старых музейных карточках 20-х годов с данными о портрете молодой женщины у рояля кем-то было написано слово — Вырубова. Каких-либо других сведений о том, с кого он написан Ромбауэром, нет.

Картина с изображением молодой женщины, сидящей у рояля, была выполнена Ромбауэром после десятилетнего пребывания в России, в зените творческих сил, а художественное мастерство, в котором как бы сливался и трансформировался опыт европейского и русского портретного искусства, становилось зрелым, обретало индивидуальное своеобразие. Кроме того, это было время, когда художник уже прочно вошел в русскую художественную жизнь. Об этом позволяют говорить его работы 1813 г., о которых уже шла речь. Они, как и «Портрет молодой женщины у рояля», как и «Портрет Ф. В. Дризена» — свидетельство творческого совершенствования Ромбауэра, появления в его работах новых качеств, более свободного уверенного и глубокого изображения портретируемых.

Можно думать, что над поколенным портретом женщины у рояля Ромбауэр работал увлеченно и взволнованно. Ее моделировка лишена какой-либо искусственности, она сидит в непринужденной позе, в левой руке — полусвернутые ноты, правая опирается на резной подлокотник «александровского» кресла. В нижней правой четверти картины виден уголок открытого рояля с нотами. Все достоверно, гармонично, подчинено художественному замыслу передать не только внешность и характер русской великосветской дамы, но и окружающую ее обстановку. Молодое миловидное лицо, на которое падает боковой (как и на «Автопортрете») свет, открыто и спокойно. Женщина только что музицировала или готовится играть, ее мысли связаны с музыкой, образ чист и женст-

венен. Светлое платье нарядно, просто и в то же время изысканно. Художник очень умело передает на портрете фактуру шелковой ткани платья, тщательно выписывает гофрированный воротничек, кружева на рукавах. Но все это так же, как и излюбленные им детали-символы, не кажется лишним. И образ женщины, и окружающие ее немногие предметы предстают как запечатленное мгновение жизни. А. Петрова-Плескотова, относя «Портрет графини Кутайсовой» к типу элегантного ампирного портрета» видит в нем «лучший женский портрет Ромбауэра» [1, с. 92]. Думается, более ранний по времени «Портрет молодой женщины у рояля» не уступает ему, он тоже по праву должен быть отнесен к лучшим. Оба эти портрета, близкие, кстати, друг другу по композиции, были новаторским шагом в творчестве Ромбауэра. Единственно, что напоминает в них о предшествующих работах, это затемненный фон.

Итак, число известных и фактически существующих, возникших в России, портретов Ромбауэра теперь не 26, а 30. Возможно, их число в будущем возрастет. Существенно, что два новых портрета принадлежат к наиболее незаурядным и оригинальным его произведениям и представляют собою две линии портретного искусства художника. Они расширяют и обогащают наши представления об эволюции творчества Ромбауэра, о его художественном наследии в целом.

В заключение приведем еще одно принципиальное суждение А. Петровой-Плескотовой: «Для словацкой живописи, медленно и несмело вступающей во второй четверти XIX в. на путь национальной самостоятельности, творчество Ромбауэра... явилось совершенно особым вкладом, который ценен не только своеобразием таланта художника, но также и передачей им через посредство своих произведений опыта, и знаний, приобретенных при изучении работ лучших русских мастеров портрета. Поэтому в области развития словацкого изобразительного искусства он представляет собой замечательную традицию, которую отчасти, пусть косвенно, впитало из отечественной атмосферы и молодое поколение художников, сторонников национального возрождения, с тем, чтобы в творчески преломленной форме передать ее следующим поколениям» [1, с. 98]. Далее, размышляя о значении творчества Ромбауэра, А. Петрова-Плескотова пишет, что оно поддерживало «ту линию развития словацкого изобразительного искусства», которая впоследствии привела «к монументальному, национальному по духу творчеству художника Мартина Бенки» [1, с. 98]. С этим мнением хочется согласиться. Его подтверждает объективное рассмотрение характера творческого наследия Ромбауэра, одного из первых значительных художников Словакии. Можно надеяться, что дальнейший поиск неизвестных произведений художника в Словакии, Венгрии и СССР принесет новые плоды и внесет новые моменты в осмысление особенностей, значения и эстетической ценности его творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Петрова-Плескотова А.* Развитие творчества Яна Ромбауэра и русская портретная школа живописи.— В кн.: Пути развития и взаимосвязи русского и чехословацкого искусства. М., 1970.
2. Отечественные записки, 1820, ч. II, окт., № 6, с. 282.
3. Каталог выставки в Таврическом дворце. СПб., 1905, вып. 8, с. 58.
4. *Tihomirof A.* Rombauer en Russie.— Bulletin de la Galerie Nationale Hongroise, III. Budapest, 1961, s. 5—38.
5. *Petrová-Pleskotová A.* Jan Rombauer (1782—1849) a jeho prešovskí súčasníci. Prešov, 1964.
6. *Petrová-Pleskotová A.* Die Entwicklungsaspekte des Schaffens Johann Rombauers.— Ars, 1968, s. 31—66.
7. Северная почта, 1810, № 92.
8. *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. I—III. СПб., 1886—1888.
9. *Puškin arcképe.*— Vilagošag, 4 febr. 1921.
10. *Divald K.* Adatok Rombauer festő életéről.— Művészet, III, 1904, s. 133—139.
11. *Divald K.* Ujabb adatok Rombauer Janos fostéről.— Művészet, XIV, 1915, s. 414—418.
12. *Тихомиров А.* Искусство Венгрии. М., 1961.
13. Encyklopedia slovenska, V sv. Bratislava, 1981, s. 142.
14. Казахская Государственная галерея им. Т. Г. Шевченко. Русское искусство. Живопись, скульптура, графика. Каталог, вып. I. Алма-Ата, 1981, с. 47.

ЮРЧЕНКО Т. Г.

«СЛАВЯНСКАЯ ЭКЛОГА» ФЕДОРА ГЛИНКИ

«Славянская эклога» Ф. Н. Глинки (1786—1880), опубликованная в 1823 г. в журнале «Благонамеренный» [1, 1823, ч. 21, с. 140—145], так и осталась единственным изданием этого произведения. Между тем стихотворение представляет несомненный интерес и для выявления позиции Глинки в полемике, развернувшейся в начале 1820-х годов вокруг идиллии — жанра с весьма специфическим жанровым содержанием, и для истории идиллии в целом.

Показательна она и для характеристики литературного движения этого периода, отличительной чертой которого становится интерес к истокам русской культуры, обусловленный борьбой за ее национальную самобытность. Именно в русле этого интереса следует рассматривать и обращение к изучению славянской мифологии и «древнейших памятников» на заседаниях «ученой республики» — Вольного общества любителей российской словесности (председателем которого многие годы был Ф. Глинка), — где изучение отечественных древностей велось параллельно с изучением прошлого других славянских народов. На заседаниях общества слушались, например, сообщения о «Собрании песен разных славянских наречий» Ф. Челаковского и о «Древних песнях богемских» из «Краледворской рукописи»; читались сербские народные песни в переводах А. Востокова и пр. И это далеко не случайно: русская культура в лоне общеславянской культурной традиции включалась в общую систему сопоставления славянство — античность, ибо наряду с борьбой за ее национальную самобытность, русской культуре начала XIX в. было не в меньшей степени присуще стремление утвердить свое равноправие с другими культурами, и в первую очередь, с такой авторитетной, как античная. Такой подход к литературному наследию был характерен и для деятельности кружка А. Н. Оленина — президента Академии художеств, археолога, крупнейшего знатока древностей, с которым были знакомы многие литераторы и художники того времени. Обществу с Олениным, как известно, во многом был обязан Гнедич замыслом своей «русской идиллии» [2, с. 312 и сл.]; несомненное влияние кружка испытывал на себе и Ф. Глинка.

Рассмотрение «Славянской эклоги» целесообразно предварить некоторыми замечаниями, касающимися, во-первых, специфики самого жанра, а во-вторых, той литературной ситуации, которая предшествовала выходу произведения.

Своеобразную судьбу идиллии в русской литературе во многом определило то обстоятельство, что ни ода, ни послание, ни элегия, ни эпиграмма, т. е. те стихотворения «рода классического», «коих формы», по выражению Пушкина, «были известны грекам и римлянам», не были так обязаны своему историческому прошлому, как идиллия, жанровая «память» которой непременно ставила ее под знак античности. Этого требовал идиллический хронотоп: действие должно было протекать на лоне природы во времена отдаленные. (При этом хронологический аспект «золотого века» важен был

не сам по себе, но как период наиболее близкого контакта человека с природой. Человек «золотого века» мыслился как человек естественный и, следовательно, идеальный. В выдвигании на первый план человека, близкого к природе, заключалась, таким образом, потенциальная возможность дальнейшего развития жанра.)

Специфика идиллического хронотопа была хорошо осознана эстетикой начала XIX в. Так, определяя содержание идиллии как «внутреннее положение любящего сердца», А. Галич в «Опыте науки изящного» (1825) писал: «Идиллия не скрывает своего намерения — обратить любовь человека к простым удовольствиям природы, ... представить ему картины свободы, покоя и невинных забав. ... Идиллия как картина первоначальных, неисторченных движений инстинкта, относительно ко времени всего приличнее переселяет любящих в первобытное состояние, в золотой век человечества, относительно к месту, окружая их видами природы, ... а относительно к действиям, занимая их пением, играми и пляской» [3]. Именно поэтому, когда перед отечественной литературой встал вопрос о создании «русской идиллии», национальный материал так трудно совмещался с традиционной жанровой формой. По сравнению с во многом аналогичной балладной ситуацией, процесс «русификации» идиллии оказался более продолжительным и противоречивым.

Полемика об идиллии начинается с выходом в свет в 1820 г. сборника «Идиллии Владимира Панаева» [4], открывающегося предисловием, в котором автор, как бы предвидя будущие возражения, писал: «Иные, может быть, спросят, для чего стихотворцы не переселят идиллии в наше время? — Тогда она лишилась бы своего достоинства, даже правдоподобия... Известно, каковы нынешние пастухи и земледельцы: продолжительное рабство сделало их грубыми и лукавыми. Такими ли привыкли мы воображать счастливых обитателей Аркадии? И можно ли это согласовать с той невинностью и чистотою нравов, с теми нежными и благородными чувствованиями, в которых должна заключаться сущность идиллии?» [5, с. XIII—XIV]. Но герои Панаева — эти обитающие в лишенном исторической конкретности «золотом веке» «добродетельные, простосердечные, свободные, чуждые всех страстей и нужд» [5, с. V], Дафнисы, Меналки и Коридоны, безусловно, не могли встретить всеобщего одобрения в период пробуждающегося интереса к разнообразию типов национальных культур, обусловленных «климатом, образом правления, верой», которые «дают каждому народу особенную физиономию» [6]¹.

Основным оппонентом в споре с Панаевым становится Н. И. Гнедич. В 1822 г. в «Сыне отечества» он публикует свою идиллию «Рыбаки», сопроводив ее следующим примечанием: «Первый опыт Русской народной идиллии. Сочинитель осмелился испытать род сей без Хлой и Дафнисов; эти лица принадлежат земле чужой, требуют таких свойств, таких красок, которые хотя б они были выражены со всею истиною привлекут одно удивление, а не участие: ибо сердце наше не найдет в них ничего себе знакомого, ничего родного» [8]. Меналкам и Коридонам Панаева Гнедич противопоставляет героизированный образ современного ему русского крестьянина, соединяя простонародный сюжет с русским «гомеровским» стилем, стилем переведенной им «Илиады» [2, с. 305]. Однако древнегреческий колорит был все же оцумт в «русской идиллии», которая, по словам Белинского, оказалась «лишенной истины в основании»: «из-под рубища петербургских рыбаков виднеются складки греческого хитона, и русскими словами, русской речью прикрыты понятия и созерцания чисто древние» [9]. И уже один из первых критиков Гнедича, скрывшийся под псевдонимом И. Истов М-ск, в разборе идиллии «Рыбаки», опубликованном в том же году в «Бла-

¹ Любопытен, в частности, отклик на выступление поэта-идиллика такого «ученого» журнала, как «Вестник Европы», поместившего на своих страницах как бы конкретно-исторический комментарий к его идиллии: «Проспелаты, так назывались пастухи-невольники Аркадии... К ним-то относится пословица: Аркадское растение, которую употребляли, говоря о тупом и бесчувственном человеке... Муза, единственно Муза, набросив прелестный магический покров свой на печальную сущность, творит смеющиеся, роскошные сцены для наших Эклог и для Идиллий» [7].

гонамеренном», особое внимание уделяет предметам, которые, по его мнению, могли бы составить сюжет истинно национальной, русской идиллии: «Обычаи, обряды, празднества и само суеверие наших поселян сколько заключают в себе предметов разнообразных... Верят колдовству, наговорам, заламам во ржи и всяком хлебе, оборотням — и проч. По временам года деревенские наши девушки исполняют многие как некие священные, необходимые обряды... А притом, если перенестись во времена идолопоклонства наших предков, то обряды и мифология славянские представляются столь же почти богатыми, как и древние, но несравненно драгоценнейшими для нас рудниками красот сельской поэзии»².

Эклога Глинки становится как бы практической реализацией предложенного Истовым варианта национальной идиллии: изображение событий «времен идолопоклонства наших предков» (в эклоге действующими лицами являются Лада и Лели, упоминаются «Перуна грома») ³. «Славянская эклога» — не единственный опыт поэта в этом роде. Почти одновременно с ней выходит «славянская идиллия» «Болезнь Милавы» [11, 1823, ч. 21], а к более раннему периоду относятся его моралистические «народные рассказы» — «Бедность и труд», «Три брата — искатели счастья» (1818), «Суд божий» (1820).

Положение, которое занимает Глинка в литературе 1820-х годов, весьма своеобразно. Автор аллегорий и «опытов священной поэзии» — он так писал о себе в письме к В. Измайлову: «Я не классик и не романтик, а что-то сам не знаю, как назвать» [12]. Не без основания современный исследователь творчества Глинки видит в нем одного из первых «младших архаистов», сближая тем самым его позицию с позицией Катенина и Кюхельбекера [13, с. 382]. Действительно, интерес к фольклору и русской старине как источникам национального самосознания сочетается у Глинки с повышенным вниманием к проблеме поэтического языка; его теоретические выступления по этому вопросу во многом предвосхитили дальнейшую полемику «карамзинистов» и «шишковистов», а его «народные рассказы», как и «простонародные» баллады Катенина, явили собой пример «использования фольклорного материала в целях демократизации литературного языка» [13, с. 477]. Однако выступающее на первый план дидактическое задание его «народных рассказов» делает собственно идиллическую топику в них для Глинки не столь существенной. Отсюда и определение их жанра: народный рассказ, сказка. Совершенно иной тип идиллии на национальном материале представляет «Славянская эклога».

Глинка строит свою эклогу явно полемически по отношению к античному жанру, и это заявлено уже в названии: «эклога» — жанр античной литературы — названа «славянской». (О том, что такая полемичность хорошо осознавалась, говорит хотя бы тот факт, что и Гнедич, и Панаев свои «русские идиллии» оговаривают особо.) Показательно и то, что в разгар полемики о путях создания «русской» идиллии Глинка противопоставляет античности русскую культуру, включенную в общеславянскую культурную традицию, как бы желая тем самым придать ей перед лицом античности большую весомость. Не случайны поэтому в эклоге и персонажи славянской мифологии, тем более, что и идиллия древних еще тесно связана с мифологической образностью.

² Идеи Истова нельзя назвать совершенно оригинальными. Сходные мысли высказывает, например, в 1820—1821 гг. и сам Гнедич в предисловии к выполненному им переводу идиллии Феокрита «Сиракузянки», опубликованному, правда, значительно позднее — «Наши многообразные свадьбы, наши хороводы, разные игрища, праздники сельские, даже церковные суть живые идиллии народные, ожидающие своих поэтов» [10].

³ Интересно, что другой вариант национальной идиллии по рецепту того же Истова дает в 1822 г. и Панаев, помещающий в «Соревнователе» свой «опыт русской идиллии» — «Обманутая» — с комментариями, повторяющими в целом основные положения его предисловия к сборнику идиллий 1820 г.; продолжая считать, что нравы современных «поселян» не годятся для идиллии, Панаев обращается к «старинной народной песне», в которой, по его словам, «открывается нам мир пиитический; там находим живые, расположенные с выбором, отделанные с некоторым вкусом, картины нравов, понятий и чувствований нашего народа...». В его идиллии «соблюдены несколько стихов и самый размер песни» [11, 1822, ч. 20, с. 205—206].

Глинка, конечно, не первый обращается к подобному материалу. Интерес к славянской мифологии возникает еще во второй половине XVIII в. и знаменуется выходом в свет «Краткого мифологического лексикона» М. Чулкова и «Описанием древнего славянского языческого баснословия» М. Попова. И хотя на сомнительную достоверность подобных разысканий указывал уже в 1802 г. Н. М. Карамзин, образы Лады, Леля и других «славянских» божеств получили в литературе самое широкое распространение: это была заявка на национальную мифологию в период пробуждения национального самосознания. Это была идея «национальности», служившая «целям преодоления классицистической поэтики и, одновременно, целям борьбы с эстетизмом и слащавой сентиментальностью карамзинистов — за утверждение „самобытного“, „национального“ и „высокого“ литературного стиля. Славянская мифология играла при этом весьма крупную роль: подобно мифологии античной, она также служила средством „возвышения тона“» [14]. Показательны в этом смысле «повествовательные опыты» А. Востокова — «богатирская повесть» «Светлана и Мстислав» и «древняя повесть в пяти идиллиях» — «Певислад и Зора», представившие собой попытку создания русского национального эпоса и, безусловно, оказавшие влияние на Глинку⁴, «Славянская эклога» которого оказывается в русле именно этой традиции. Но если для Востокова сама идиллическая топика его «древней повести» не суть важна, то в произведении Глинки она обретает жанрообразующую функцию. Эту традиционную идиллическую топика Глинка сочетает с введением исторически конкретного материала (молодой пастух вспоминает свое участие в походах Владимира Святославича), что позволяет точно определить время описываемых событий — 80-е годы X в. (И тут нельзя не отметить по крайней мере двух характерных особенностей рассматриваемого произведения: явной христианизации языческого сознания и столь же явной ассоциации со «славянскими победами» 1812 г.)

И божества славянского Олимпа, и временная конкретизация происходящего служат у Глинки одной цели — создать на национальном материале жанр, равнодостоинный жанру античному. Легко заметить, однако, что «архаистические» интересы Глинки, тесная связь поэта с предшествующей литературной традицией в данном случае этому далеко не способствовали. Его попытка создать национальный жанр путем замены одних реалий другими была для 1820-х годов уже в прямом смысле архаична, и для истории жанра «Славянская эклога» интересна поэтому лишь как определенный этап на пути к решению проблемы, но отнюдь не само ее решение.

Вместе с тем, написанная как бы для театральной постановки — с режиссерскими ремарками и разбивкой действия на отдельные явления — эклога примечательна именно с этой своей стороны. И хотя вполне традиционно было деление одного, строго говоря, жанра на «повествовательную» идиллию и эклогу, которая «требует действия» [17], такого «театрального» варианта русская идиллия еще не знала. Глинка не нарушил законов жанра, это «заговорил» сам жанр, «помявший» свое былое — через мим — [18] родство с трагедией. И не случайно в 1829 г. в русской литературе вновь появится «сценический» вариант, правда совсем иной «русской идиллии» — «Отставной солдат» А. Дельвига.

Публикуемый ниже текст эклоги печатается в журнальной редакции.

⁴ От Востокова, по-видимому, идет у Глинки и употребление слова «гридня» в значении «дружина». Ср. примечание Востокова к «Светлане и Мстиславу»: «Гридни, правильнее: гридины или гридьба — так назывались придворные во времена первых князей. Гридня или гридняца — чертоги или зала дворцовая» [15]. Приведем здесь и толкование божествам славянского пантеона по Чулкову, на которого часто ссылается в своих комментариях Востоков: «Лада, славенская богиня браков, любви и веселия. Каждые сочетавшиеся приносили ей жертву, надеясь получить от нее счастье в супружестве... Лелию, сын Ладии, нежный бог любви и веселия, он почитался у славян воспламенения любовной страсти...» [16].

СЛАВЯНСКАЯ ЭКЛОГА
РАЗГОВОР СЛАВЯНСКИХ ПАСТУХОВ

*Театр представляет приятное местоположение:
луг, окруженный кустарником, рощицами и проч.*

ЯВЛЕНИЕ 1

Два пастуха

Старший

Что сделалось, пастух наш молодой!
Ты больше песен нам высоких не играешь?
Все одинок — друзей и стада убегаешь!..
Вчера нас Тихомир, наш праотец седой,
Созвал на радость в хороводы...
В спокойные, как он, Днепра святого воды
Гляделись с алою зарею небеса...
Он сладко пел богов незримых чудеса
И тайны дивные столь щедрой к нам природы.
А там до поздней темноты,
Как дети, мы ревелись! и плясали...
Но где же был, товарищ, ты?
А мы тебя с твоей свирелью так желали...

Младший

Товарищ добрый ранних лет!
Не скрою от тебя тоски моей жестокой.
Я весь не я!.. Уж мне не то, что вам сей свет!..
Ты знаешь, что я был, когда с войны далекой
Пришел я с памятью о жизни боевой!
Мне все мечтались славянские победы,
Когда нас вел (куда не хаживали деды)
Владимир-Солнце за собой!
За ним богатыри могучи
И гридня светлая неслась,
За ним мы реки вплавь, и сквозь леса дремучи —
И пыль в степи глухой за конными вилась.
Враги грозили нам войною без пощады,
Но сами сгибли от войны!..
Мы у хозар отбили грады;
У печенегов табуны...
С войны пришел я к вам: я пел вам нашу славу...
Но друг, на сих лугах увидел я Милаву!
Увидел — и погиб души моей покой!..
(Зачем я не пробит хозарскою стрелой?)
Я весь отдался ей, я только жил для милой,
И, ею лишь дыша, во всем ей угождал:
Ее овечек я цветами убирал...
И грусть моей души без слов передавал
Свирели песнею унылой...
И что ж? О сладкий миг! — хоть за него терплю —
Недавно, убедясь в любви моей тоскою,
С невинной ласкою, обняв меня рукою,
И вспыхнув, как заря, сказала мне: люблю!
Люблю — ее мне повторяли взоры! —
Люблю! — шептали мне и рощи, и леса! —
Люблю! — звучали эхом горы —
Люблю! — твердили мне земля и небеса —
Но было мне на миг очарованье!

Ее отец любовь мою узнал,
И началось мое ужасное страданье...
Пастух? Ты беден! — он сказал. —
Ничем жестокий не смягчался
И над' любовь мою посмеялся!..

С т а р ш и й

Товарищ! не грусти: наш мудрый Тихомир
Умеет возратить душе забытый мир;
Утешить и помочь — ему всегда отрада;
К нему ж благоволят любви царица Лада;
«А Лады (он нам пел) великим чудесам
Дивятся искони славенские народы:
Знакомая, земле, родная небесам,
Она — любовь, она есть связь и жизнь природы».
Так мудрый Тихомир еще вчера нам пел.
Товарищ! не грусти — и я терпел!
И я, как ты, пил грусть из той же чаши;
Теперь с Любавою мне жизнь зазывный пир!
Нам все (смотря на слезы наши)
У Лады вымолил смиренный Тихомир,
Но вот и он!.. в очах святое вдохновенье!
Он верно предузнал сюда богов явленье.
Так, Ладу жертвенным встречает он огнем;
Но вот и пастыри... товарищ, к ним пойдем.
(уходят)

ЯВЛЕНИЕ 2

Старец Тихомир ведет за собою несколько престарелых пастырей и молодых пастухов и пастушек и знаками дает чувствовать, что скоро появится богиня

Т и х о м и р

Я слышу веянье небес!
Светлей Днепра седого воды!
Раскрылись тайные сокровища Природы:
Благоухают дол и лес!
(с сильным движением, смотря на небо)

Я зрю: воздушные отверзались грады!
Он близок, близок час явленья дивной Лады!
(Между тем на воздухе пролетают один за другим Лели)

Т и х о м и р (к пастухам)

Скорее, пастыри! в согласный хор!
С молитвой жертву воскурите!
Уж видит дивный блеск мой восхищенный взор,
Воспойте песнь любви и Ладу восхвалите!..

Х о р ы:

1 Х о р (на земле)

Хвала тебе, богиня Лада!
Душа природы, жизнь души!
Возришь — и все цветет от взгляда!
Сойдешь — и бедны шалаши
Нам станут позлащены дома!..
Где ты — молчат Перуна грома!

Твой след — румяная заря!
Когда заглянешь ты в моря —
Смирятся бурные пучины
И грозны чуда пред тобой!..
Ты укрощаешь льва в пустыне
И всех ты радуешь собой...
Хвала тебе, богиня Лада!
Душа природы, жизнь души! и проч.

2 Х о р (незримый в воздухе)

Хвала тебе, богиня Лада!
Душа, согласие миров!
Ты смертных и богов услада!
Ты — чистая любовь!

3 Х о р о б щ и й (голоса свыше сливаются с нижними голосами)

Хвала тебе, богиня Лада!
Душа природы, жизнь души! и проч..

*За сим Лада выезжает на великолепной воздушной колеснице...
Действие оканчивается общею пантомимой, прилично предмету.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Благонамеренный. СПб.
2. *Кукуневич А. М.* Русская идиллия Гнедича «Рыбаки». — Уч. зап. ЛГУ, сер. филолог. наук, 1939, № 46, вып. 3.
3. Русские эстетические трактаты первой трети XIX в. Т. 2. М., 1974, с. 271.
4. *Вацуро В. Э.* Русская идиллия в эпоху романтизма. — В кн.: Русский романтизм. Л., 1978, с. 118 и сл.
5. Идиллии Владимира Панаева. СПб., 1820.
6. *Пушкин А. С.* Полное собр. соч. в 16-и т. Т. XI. М., 1937—1949, с. 40.
7. Вестник Европы. СПб, 1821, ч. 117, с. 99.
8. Сын отечества. СПб., 1822, ч. 76, с. 22.
9. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. в 13-и т. Т. VII. М., 1955, с. 256.
10. *Гнедич Н. И.* Стихотворения. Л., 1956, с. 184.
11. Соревнователь просвещения и благотворения. СПб.
12. Московское обозрение, 1877, № 16, с. 416.
13. *Базанов В.* Поэтическое наследие Федора Глинка (10—30-е годы XIX в.). — В кн.: Глинка Ф. Избранное. Петрозаводск, 1949.
14. *Орлов В.* Востоков. — В кн.: Востоков А. Стихотворения. Л., 1935, с. 73.
15. *Востоков А.* Стихотворения. СПб., 1821, с. 75.
16. *Чулков М.* Краткий мифологический лексикон. СПб., 1757, с. 57, 60.
17. *Остолопов Н.* Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821, ч. 2, с. 9.
18. *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. Л., 1978, с. 412.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ДОКУМЕНТЫ БОРЬБЫ ЗА МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ НАРОДОВ

Комиссия по изданию дипломатических документов при МИД СССР приступила к систематической публикации советских внешнеполитических документов под общим названием «За мир и безопасность народов». Вышедшие в свет три первых тома (за 1966, 1967 и 1968 гг. [1—3]) этого издания включают документы внешней политики СССР, начиная с XXIII съезда КПСС, имевшего важное значение в деле претворения в жизнь на международной арене миролюбивого курса нашей страны.

Именно это время явилось определяющим в рождении и развитии процессов межгосударственных отношений, в основе которых лежала разрядка международной напряженности. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза указывалось, что эти годы «были отмечены напряженной борьбой двух противоположных направлений на международной арене — миролюбивого и агрессивного» [4]. Издание включает в себя официальные документы и материалы, важнейшие постановления ЦК КПСС и Советского правительства по международным вопросам, а также речи и выступления советских руководителей по внешнеполитическим проблемам, документы о визитах партийных, правительственных и других делегаций в зарубежные страны и иностранных делегаций в СССР, заявления Советского правительства и МИД СССР, договорные акты, ноты, сообщения ТАСС, послания и приветствия различным зарубежным странам по случаю знаменательных событий и дат и другие материалы. Большинство этих документов было ранее опубликовано, однако, будучи сосредоточены в одном издании, они позволяют всесторонне и полно осветить внешнюю политику КПСС и Советского государства указанного периода. Ряд документов, в том числе из Архива внешней политики СССР и других советских архивов, публикуется впервые.

Особое значение Советский Союз придавал и придает упрочению единства, дружбы и всестороннего сотрудничества социалистических стран. На XXIII съезде КПСС, декабрьском (1966) Пленуме ЦК КПСС была вновь подтверждена неизменность политики партии и Советского государства в осуществлении принципа социалистического интернационализма.

Материалы рецензируемых томов свидетельствуют о дальнейшем углублении дружественных отношений СССР с братскими социалистическими странами. Среди них — документы Бухарестского совещания Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора (июль 1966 г.), материалы, относящиеся к визитам Генерального секретаря ЦК КПСС в Болгарию, Венгрию, Чехословакию, Югославию, а также к переговорам в Москве с партийно-правительственной делегацией Польши. Значительное место в издании занимают документы, освещающие активную роль КПСС и братских партий социалистических стран в Конференции европейских коммунистических и рабочих партий в Карловых Варах (апрель 1967 г.). В документах Конференции подчеркивалась настоятельная необходимость созыва общеевропейского совещания с целью выработки мер по обеспечению безопасности и налаживания сотрудничества в Европе.

Социалистическое содружество проявило себя на международной арене как самый последовательный поборник и инициатор практического осуществления политики разрядки, оздоровления международных отношений.

Документальные материалы издания раскрывают неустанные усилия КПСС и Советского правительства, направленные на дальнейшее упрочение единства, укрепление дружбы и развитие всестороннего сотрудничества социалистических государств. С наибольшей полнотой меж-

государственные отношения, присущие природе социализма, воплощены в социалистическом содружестве, для которого характерно тесное взаимодействие коммунистических и рабочих партий, прежде всего их центральных комитетов, правительств социалистических стран, как на двустороннем, так и на региональном уровнях. Для социалистического содружества характерно широкое сотрудничество во всех сферах политики, экономики, идеологии, науки и культуры, основанное на принципиальном подходе к решению общих задач, проведение скоординированной политики на международной арене.

Опубликованные документы убедительно подтверждают, что братский союз стран содружества находит свое воплощение в деятельности Организации Варшавского Договора, Совета Экономической Взаимопомощи, в системе двусторонних договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. В них отражена важная роль встреч и переговоров на высшем уровне в развитии и совершенствовании отношений дружбы и подлинно равноправного сотрудничества. В ходе этих переговоров стороны обмениваются мнениями и вырабатывают решения по важнейшим вопросам развития многостороннего и двустороннего сотрудничества социалистических стран, по кардинальным проблемам международного развития.

Обмен партийно-правительственными делегациями братских стран на высшем уровне, состоявшийся в 1967 г., способствовал дальнейшему росту взаимопонимания и доверия между социалистическими странами. Свидетельством их крепнущего единства и сплоченности явились заключенные в 1967 г. Советским Союзом договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с НРБ и ВНР. Основанные на принципах марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма, они являются надежной базой развития и укрепления всесторонних отношений между братскими народами, успешно служат делу строительства социализма и коммунизма в обеих странах. Реализация этих принципов на практике предполагает гармоническое сочетание интересов каждой страны с интересами всего социалистического содружества, развитие братской взаимопомощи и взаимной поддержки, укрепление товарищеского сотрудничества в политических, экономической и культурных областях, защиту социалистических завоеваний от империалистических посягательств. Эти до-

говory отразили прогрессивные социально-экономические изменения, а также новый этап в развитии взаимоотношений между братскими странами.

Важное значение для последовательного укрепления сотрудничества стран социалистического содружества имело совещание Политического Консультативного Комитета государств — участников Организации Варшавского Договора, состоявшееся 6—7 марта 1968 г. в Софии, а также принятая на нем Декларация об угрозе миру, создавшейся в результате расширения американской агрессии во Вьетнаме. В Декларации было заявлено о твердой поддержке позиции правительства Демократической Республики Вьетнам и Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, содержалось требование, чтобы США немедленно положили конец агрессии против вьетнамского народа.

В том за 1968 год включены материалы, отразившие совместные меры участников Организации Варшавского Договора по оказанию помощи братскому чехословацкому народу в защите его социалистических завоеваний от внутренней и внешней реакции.

Опубликованные в первых трех томах документы рельефно освещают всю многогранность и разнообразие форм сотрудничества социалистических государств, их народов, марксистско-ленинских партий с целью успешного решения внутренних задач строительства нового общества в каждой стране и обеспечения необходимых для этого благоприятных международных условий, главным из которых является сохранение и укрепление всеобщего мира на земле.

Новое издание внешнеполитических документов Советского Союза является серьезным подспорьем в работе специалистов-международников, историков, всех, кто интересуется историей внешней политики СССР и международных отношений современного периода.

Васнецов О. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. За мир и безопасность народов. Документы внешней политики СССР. 1966 год. В 2-х кн. М., 1933.
2. За мир и безопасность народов. Документы внешней политики СССР. 1967 год. В 2-х кн. М., 1984.
3. За мир и безопасность народов. Документы внешней политики СССР. 1968 год. В 2-х кн. М., 1985.
4. Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1933, с. 24.

В истории становления и развития болгарской национальной государственности факт провозглашения независимости страны (22 сентября (5 октября) 1908 г. в г. Велико Тырново) по праву занимает важное место. Несмотря на сугубо дипломатический, как отмечают исследователи, характер этого акта, он открывал путь к формально-юридическому закреплению успеха многолетней борьбы болгарского общества в рамках самостоятельного государства за полноправное существование молодой нации.

К 75-летию этого события болгарские ученые Р. Попов и Е. Стателова подготовили публикацию, раскрывающую целый ряд его аспектов. Составители сборника, на наш взгляд, избрали оптимальный, оправданный в научном отношении способ представления читателю исторических источников преимущественно мемуарного плана. Помещенным в книге отрывкам из хранящихся в болгарских архивах или из уже давно опубликованных воспоминаний, а также дневниковых записей болгарских дипломатов, общественных и политических деятелей, предпослано общее введение концепционного характера, а каждый отдельный материал предваряет историческая справка о его авторе.

Поскольку извлечения из мемуаров и дневников достаточно фрагментарны и, что вполне естественно, отличаются известным субъективизмом в освещении столь важного факта в национальной истории, целесообразно остановиться на введении, в котором Р. Попов и Е. Стателова на основе достижений исторической науки 80-х годов XX в. оценивают провозглашение независимости Болгарии и дальнейшую борьбу за ее международное признание. Здесь дано сжатое и в то же время насыщенное изложение истории вопроса, отражены как социально-экономические и политические предпосылки этого акта, так и дипломатический механизм его осуществления. Убедительно раскрываются объективные причины, сделавшие такую задачу в конце первого десятилетия XX в. остроактуальной для болгарского общества, которое вступило в период промышленного переворота, добилось значительных успехов в развитии национальной культуры, в известном утверждении престижа страны

в международных отношениях. Однако действие статей Берлинского договора (заключен в 1878 г. между великими державами и Османской империей), предусматривавших вассальную зависимость Княжества Болгарии от турецкого султана, выплату новым самостоятельным государством ежегодных денежных сумм в пользу империи, а также оплату части долгов последней, сохранение «режима капитуляций» и т. д., способствовало закреплению диспропорции в развитии основных отраслей болгарской экономики, пагубно сказывалось на состоянии производительных сил страны, ущемляло ее интересы в ведении международных дел¹.

По сути, события, освещаемые в сборнике, являются логическим продолжением событий сентября 1885 г., когда в Пловдиве (Филиппополе) было провозглашено объединение Восточной Румелии с Княжеством. Оба акта означали отрицание ряда положений Берлинского договора, против чего резко выступили ведущие державы европейского концерта, ни одной из которых, несмотря на значительные усилия, не удавалось добиться сколь-нибудь устойчивого преобладания на Балканах.

Из введения следует правомерный вывод об определяющем влиянии объективно-положительного фактора в решении проблемы международного признания независимости Болгарии. Хотя в напряженных ситуациях стрелка барометра в балканской политике великих держав колебалась между их экономическими и политическими целями, все более отклоняясь в сторону вторых, в данном случае чрезвычайную значимость приобретала солидная дипломатическая и финансовая помощь России, которая сыграла решающую роль в урегулировании вопроса о новом статусе Княжества Болгарии.

В своем стремлении дать объективную и, по возможности, исчерпывающую оцен-

¹ В данном случае речь идет прежде всего о неравноправных торговых договорах, заключенных великими державами с Болгарией в конце XIX в. и подтвержденных в начале XX в. Их действие мешало реализации протекционистской политики государства в отношении развивающейся промышленности и промышленного капитала.

ку факта провозглашения независимости страны Р. Попов и Е. Стателова отказались от свойственного исследованиям конца 50-х — начала 60-х годов чрезмерного акцентирования на том, что оно осуществлено именно национальной буржуазией со всей придававшейся этому преимущественно отрицательной нагрузкой. На наш взгляд, невозможно предложить подвешенную характеристику данного события, если рассматривать его под таким углом зрения — главным образом через призму его негативно-буржуазного содержания. Вряд ли здесь правомерна однозначная трактовка, если исходить из факта, что национальная буржуазия тогда еще не исчерпала себя в экономическом и политическом отношениях, т. е. в плане утверждения основ новой экономической формации и буржуазной государственности; и в то же время такого рода ее деятельность развертывалась уже в условиях выраженного классового антагонизма в болгарском обществе. Таким образом, точка зрения Р. Попова и Е. Стателовой представляется более объективной и сбалансированной.

Однако при общей положительной тональности, преобладающей в анализе событий, связанных с провозглашением и международным признанием независимости Болгарии, во введении, тем не менее, констатируется, что она «привела к укреплению монархического института, что имело трагические последствия для болгарского государства и в большой мере уменьшало объективно прогрессивный характер этого события» (с. 14). Подобное явление, на наш взгляд, нельзя категорически отрицать, но ставить такую характеристику исторического факта в один логический ряд с его положительными оценками в качестве противовеса последним, не совсем правомерно. Точку отсчета для фактического расширения монаршей прерогативы следует искать значительно ранее: укрепление авторитарной тенденции в политической жизни Болгарии осуществлялось в ходе борьбы за национальную независимость в условиях существования самостоятельного государства. На этот процесс оказывали влияние уровень социально-экономического развития страны, степень политической зрелости болгарского общества, необходимость его консолидации на этапе отстаивания права на полное национальное раскрепощение, а также внешние факторы. Вероятно, в данном случае более правильно было бы говорить о создании условий для дальнейшего усиления

монархического института, что не равнозначно упомянутой выше позиции.

Сборник составлен очень продуманно. В него вошли воспоминания И. Гешова, А. Малинова, И. Салабашева, дневниковые записи К. х. Калчова, Н. Мушанова, М. Сарафова, Г. Начовича. Материалы скомпонованы таким образом, что создается достаточно полное представление о событиях. Некоторые из упоминаемых исторических источников целиком посвящены подготовке провозглашения независимости и его осуществлению или акцентируют внимание на этом, другие — освещают преимущественно перипетии борьбы за международное признание свершившегося факта.

Сборник открывается воспоминаниями И. Гешова — буржуазного государственного и политического деятеля, являвшегося в то время дипломатическим представителем Болгарии в Константинополе. Впервые они были опубликованы на страницах буржуазной газеты «Мир» в 1928 г. в связи с 20-й годовщиной провозглашения независимости. Именно И. Гешов оказался в центре инцидента, возникшего в результате подчеркивания Портой вассального положения Болгарии, задевавшего достоинство дипломатического представителя последней. Это привело к отзыву каждой из сторон своих дипломатических представителей и кризису в отношениях между ними, в ходе развития которого Болгария объявила своей собственностью проходившую по ее территории часть Восточных железнодорожных линий и провозгласила себя независимым государством. И. Гешов, описывая начало этих событий, свидетельствует о том, что представители великих держав в Константинополе далеко не однозначно реагировали на сложившуюся ситуацию. К примеру, послы Германии и Англии, добивавшихся установления преимущественного влияния на лидеров младотурецкого режима, не поддерживали болгарина в его претензиях на равноправие с дипломатами других стран, в то время как русский посол отнесся к нему со сдержанным сочувствием (с. 24).

Одно из центральных мест в данной публикации принадлежит отрывку из книги А. Малинова «Странички от нашего политическа история», изданной в 1938 г. Автор — яркая и значительная фигура в болгарском буржуазном политическом мире — в этот период был премьер-министром и входил в число первых величин, определявших непосредственные

действия страны в вопросе о национальной независимости. А. Малинов в своих воспоминаниях утверждает, что именно ему в 1907 г. и позднее принадлежала инициатива конкретно-практической постановки этого вопроса в ходе контактов с монархом (с. 35, 40—41).

Знакомясь с этим материалом, современный читатель имеет основания для вывода о том, что Фердинанд — осторожный и хитрый дипломат — по сути, подерживая идею провозглашения независимости, пытался в течение некоторого времени не выходить на политическую авансцену, чтобы в случае срыва подготовки акции обеспечить себе необходимое алиби. Этим, вероятно, можно объяснить его нерешительную и нечеткую позицию в вопросе о Восточных железнодорожных линиях и установлении конкретной даты провозглашения независимости (с. 46—49). Совершенно очевидно, что здесь не последнюю роль играли и тогдашние тесные контакты Фердинанда с правящими кругами Австро-Венгрии, имевшей непосредственное отношение как к железнодорожным линиям, так и к предстоявшему нарушению статей Берлинского договора — ею планировалась аннексия Боснии и Герцеговины. Интересно изложен сюжет о том, как болгарские правительственные круги вынудили Фердинанда сделать решительный шаг 22 сентября в тырновской церкви «Святых сорока мучеников», в результате которого он получил титул царя болгар (с. 48—51).

Пожалуй, среди других важных фактов и наблюдений, приведенных из книги А. Малинова, следует выделить относящиеся к борьбе за международное признание тырновского акта; реакция на него великих держав, рассматривавших действия Болгарии и Австро-Венгрии в единой цепи, поначалу была однозначно негативной (с. 52—53, 55—56). Спустя 30 лет А. Малинов усиленно пытался опровергнуть эту взаимосвязь. Логика развития событий (это получило довольно полное отражение в приводимой части воспоминаний бывшего премьера) была необратимой, что поставило великие державы перед необходимостью определить свое принципиальное отношение к свершившемуся факту. Жесткие правила игры внутри европейского концерта заставили Россию преодолеть ее неприязнь к Фердинанду, а также перешагнуть барьер негативных наслоений в русско-болгарских отношениях целого ряда лет и предложить свое активное и действенное по-

средничество в болгаро-турецких переговорах по вопросу о признании независимости Болгарии, что было обязательным условием для ее международного признания. Именно помощь Петербурга, оказанная Софии в урегулировании финансовых споров с бывшим сюзереном, позволила успешно завершить затянувшиеся до апреля 1909 г. переговоры, что, в свою очередь, привело к быстрому международному признанию болгарского суверенитета (подробнее см. с. 73—80).

Для всестороннего освещения подготовки провозглашения независимости страны важен дневник Константина хаджи Калчова — представителя болгарского политического и делового мира (хранится в Болгарском историческом архиве при Народной библиотеке им. Кирилла и Мефодия; далее — БИА НБКМ). Сторонник болгаро-турецкого сближения К. х. Калчов по просьбе генерала С. Паприкова, министра иностранных дел в тогдашнем кабинете А. Малинова, в начале сентября 1908 г. направился в Константинополь с целью, как об этом пишет сам автор, убедить Порту не противиться готовившимся болгарским правительством акциям (с. 24). Несомненно, что направлявшиеся им в Софию донесения о результатах встреч с представителями высшей турецкой администрации были очень важны при определении болгарским руководством дальнейшей тактики действий.

В настоящее издание вошла и часть хранящегося в Центральном государственном историческом архиве (Болгария) дневника Н. Мушанова. Несмотря на нерегулярность записей, дневник является весьма интересным источником, поскольку его автор, в то время министр просвещения в кабинете А. Малинова, представлявший, как и премьер, руководство буржуазной Демократической партии, был очевидцем, а иногда и участником подготовки и осуществления тырновского акта, а также борьбы за его международное признание.

Большая часть приседанного в сборнике стрывка посвящена списанию событий после 22 сентября 1908 г. и, главным образом, священному вопросу о размерах и формах компенсаций, на которых настаивала Турция как на обязательном условии признания болгарской независимости.

Информированность автора позволила ему показать, сколь непростыми были отношения между болгарским правительством и Фердинандом, Фердинандом и великими державами, Болгарией, великими

державами и Турцией при решении вопроса о болгарском суверенитете.

Весьма показателен и интересен в этом плане описанный Н. Мушановым такой факт: правительство резко воспротивилось обязательствам, изложенным в письменной декларации Фердинанда и переданной им французскому дипломатическому представителю в Софии М. Палеологу. В документе (он, по свидетельству Н. Мушанова, остался неподписанным) болгарский монарх давал России, Англии и Франции обещание, что Болгария выплатит Турции определенную денежную компенсацию, в то время как не поставленное об этом в известность болгарское правительство придерживалось тогда иной позиции. Уступая напору правительства, Фердинанд вынужден был признать эти обязательства недействительными (с. 98—99).

Особое место в освещении темы занимает дневник М. Сарафова, часть из которого опубликована в рецензируемом издании (хранится в БИА НБКМ). Его автор в то время представлял Болгарию в Вене и имел уже колоссальный опыт буржуазного государственного и политического деятеля, финансиста, дипломата, был участником борьбы за национальную независимость страны.

Вена, по сути, являлась эпицентром балканского кризиса 1908—1909 гг., и болгарский дипломат имел возможность наблюдать действие очень сложного европейского политического механизма, от которого в значительной мере зависело решение вопроса о международном признании болгарского суверенитета. В дневниковых записях М. Сарафова охвачен весь европейский концерт, но особое внимание уделено тем его участникам, позиции которых в то время были решающими. Особенно интересны материалы, относящиеся к Габсбургской монархии. Своеобразное положение Австро-Венгрии — представительницы великих держав, члена Тройственного союза — с одной стороны, а с другой — сонарушительницы Берлинского договора, определило ее неоднозначное отношение к болгарским проблемам, а также сдержанно-настороженную реакцию на активную роль России в разрешении болгаро-турецких споров. Профессиональные констатации болгарского дипломата дают возможность проследить это. Позиция правящих кругов Австро-Венгрии достаточно суммировалась в описанном М. Сарафовым факте их отказа в марте 1909 г. от личных контактов

с Фердинандом с тем, чтобы не связывать себя признанием болгарского монарха в качестве независимого владетеля, что накануне было сделано в Петербурге, своеобразно форсировавшем адаптацию Европы к предстоящему признанию нового статуса Болгарии (с. 169—172).

В отрывке из опубликованной в 1943 г. книги И. Салабашева «Спомени» приводятся важные факты из истории борьбы за признание болгарской независимости (речь идет главным образом о разрешении финансовых споров между Болгарией и Турцией). Автор — искусный политик — занимал в то время пост министра финансов и был подробно осведомлен о ходе первого этапа переговоров по этому вопросу, которые вел в Константинополе министр торговли и земледелия А. Ляпчев (с. 207—208). Вместе с С. Паприковым И. Салабашев договаривался в Петербурге о предоставлении Россией Болгарии займа на выгодных для последней условиях (с. 216—225). Здесь опубликован протокол заседания Совета министров Болгарии от 21 ноября 1908 г. и связанная с ним записка министра финансов А. Салабашева о размерах денежных компенсаций за признание болгарской собственностью части Восточных железнодорожных линий (с. 209—212), которые в сочетании с другими документальными материалами, несмотря на явную тенденциозность автора, позволяют представить трудный финальный этап борьбы за международное признание Болгарии суверенной. По тональности эта часть сборника отличается прежде всего тем, что в ней не скрывается тогдашняя промонархическая настроенность автора, выраженная в его явной симпатии к Фердинанду.

Интересны краткие дневниковые записи Г. Начовича — в прошлом видного государственного и политического деятеля, в течение ряда лет представлявшего Болгарию в международных делах (материалы хранятся в БИА НБКМ). Сквозь устойчивое русофобство автора пробивается его крайняя обеспокоенность судьбой страны, а также умение трезво оценивать развитие событий. Предложению России о посредничестве в болгаро-турецких переговорах Г. Начович в январе 1909 г. дает такую оценку: «...Россия хочет завоевать народ (его симпатии. — Т. М.) и болгары примут это предложение с радостью, и русская партия (русофильская группировка политических сил. — Т. М.) надолго усилится.

Сам Фердинанд постарается приблизиться к Петербургу, повернувшись спиной к Австрии» (с. 232).

К сожалению, ограниченные рамки рецензии не позволяют остановиться на всех аспектах, освещаемых или упомянутых в материалах данной публикации; к примеру, таких, как неоднозначное отношение политических сил страны к осуществленному провозглашению независимости, известное замешательство русофилов в связи с изменившейся конъюнктурой, сложность расстановки сил внутри европейского концерта и т. д.

Не задаваясь целью дать всестороннюю оценку достоверности излагаемых

здесь фактов, хотелось бы все же отметить, что объективной оценке публикуемого подчас достаточно тенденциозного материала в значительной степени способствует богатейший справочный аппарат и обширный комментарий, который завершает каждую часть сборника.

Высокий профессиональный уровень составителей этого интересного издания позволил предложить читателю очень ценную в научном отношении публикацию, освещающую одну из важнейших вех в истории болгарского государства.

Маковецкая Т.

Историко-географические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984, 372 с.

Рецензируемый сборник, подготовленный Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, продолжает традиции предшествующего [1]. Одиннадцать опубликованных здесь работ охватывают историческую и филологическую проблематику отечественного славяноведения за период с XVII в. до второй мировой войны.

В статье «Об истоках становления славяноведения в России (К вопросу об изучении „предыстории“ славистики)» А. С. Мыльников ставит задачу выяснить, как и когда появился и развивался в России интерес к славянской теме. В связи с этим различается «предыстория» славистики (эволюция отдельных звеньев данной области знания) и «история» (формирование и развитие славистического комплекса).

Становление языковедческого компонента А. С. Мыльников относит ко второй половине XVI в. и вслед за Л. С. Ковтун связывает его с подготовкой филологических основ книгопечатания. В это время распространяются и переиздаются западнорусские грамматические работы (Грамматика 1586 г., грамматики Л. Зизания и М. Смотрицкого), появляются оригинальные лексикографические труды, где уже представлен определенный материал из других славянских языков. Это стимулировало разработку грамматики русского языка и порождало необходимость сравнительного подхода к славянским языкам.

Вторым компонентом была история, которая входила в круг тематики трудов по отечественной и мировой истории (хронографы, Космография, «История о царях и великих князьях земли русской», «О истории, еже о начале Руския земли и создании Новграда»). Здесь во многом продолжают еще летописные традиции с использованием работ славянских и других зарубежных авторов. Немалое место начинают занимать также переводы, особенно с польского языка.

Причины интереса к славянской проблематике автор видит в расширении экономических, дипломатических и культурных связей с европейскими странами, развитии просвещения, ощущении славянской культурно-языковой общности и шире — сдвигах в духовной жизни русского общества. Статья содержит новый источниковедческий материал или новое истолкование уже известных фактов. Думается, однако, что становление языковедческого компонента следовало бы отнести к периоду так называемого «второго южнославянского влияния», т. е. по крайней мере к XV в., когда в связи с правкой церковных книг решались и многие вопросы церковнославянского языка.

М. В. Никулина в статье «И. Добровский и русские ученые (из истории русского славяноведения первой трети XIX в.)» прослеживает связи пражского слависта с П. И. Кеппеном, А. Х. Востоковым, К. Ф. Калайдовичем, митрополи-

том Евгением, А. С. Шишковым и др. Подробно отражено отношение И. Добровского к русским ученым, совместное обсуждение таких проблем, как происхождение славянского письма, основа старославянского языка, издание древних памятников; введен в научный обиход новый архивный материал. Можно было бы подробнее рассказать об отзывах русских ученых о И. Добровском, в частности А. Х. Востокова и А. С. Шишкова. Неиспользованной оказалась содержательная книга Ф. Кубки «Добровский и Россия» [2].

В русском славяноведении первой трети XIX в. заметное место занимает М. Т. Каченовский. Но его наследие до сих пор в историографии не получило всестороннего освещения. Этот пробел восполняет статья Г. В. Макаровой «М. Т. Каченовский и становление славяноведения в России». В ней подробно рассматриваются работы самого М. Т. Каченовского по славянскому языкознанию и истории, популяризация им трудов русских и зарубежных ученых (в частности, С. Б. Линде, В. Караджича, И. Добровского, Е. С. Бандке, И. Лелевеля и др.) и его преподавательская деятельность в Московском университете. Особо следует отметить систематическое исследование журнала «Вестник Европы», выходившего под редакцией М. Т. Каченовского.

Трудно согласиться с утверждением автора, что «успехи, которых достигло славяноведение в России к середине XIX в., были подготовлены предшествующей деятельностью большой группы русских ученых, не являвшихся славистами-профессионалами в современном понимании. Среди них следует назвать имена П. И. Кешпена (1793—1864), К. Ф. Калайдовича (1792—1832), М. Т. Каченовского (1775—1842), П. И. Прейса (1810—1846)» (с. 64). Возникает вопрос: если, например, П. И. Прейс был не профессионалом, то кого же тогда считать профессионалами? Кроме того, на с. 92, 93 и 95 С. К. Буличу ошибочно приписана «История славянской филологии», автором которой является И. В. Ягич [3].

В развитии дореволюционного славяноведения большую роль играли не только отдельные ученые, но и различные научные общества и учреждения. Но их деятельность в области славяноведения до сих пор остается малоизученной, поэтому следует положительно оценить работу В. В. Ишутина «Славянская проблематика в научных заседаниях Общества

истории и древностей российских при Московском университете в первой половине XIX в. (1804—1848)». Основой рассмотрения послужили протоколы заседаний Общества. Даже этот ограниченный материал дает хорошее представление об интересе членов ОИДР к зарубежным славянским народам, их вкладе в историю славяноведения, установлении научных контактов с виднейшими славистами того времени. Исторический подход помог автору показать славянистическую проблематику в ОИДР в ее развитии. Статья, несомненно, полезна для дальнейшего историографического изучения деятельности Общества и его места в истории отечественного славяноведения.

В. И. Дурновцев («Проблема „Россия, славянский мир и Запад“ в освещении К. Д. Кавелина, С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина») на широком фоне и непредвзято анализирует возникновение и сущность проблемы «Россия и Запад» (иногда в форме «Восток и Запад», «Азия и Европа»), приобретавшей социально-классовый, политический и культурно-исторический характер. Автор справедливо утверждает, что эта проблема в России была связана с попытками выяснить общее и особенное в истории Запада и Востока в условиях кризиса русского самодержавно-крепостнического строя и буржуазных революций и национально-освободительных движений на Западе, а также определить будущее России. Конкретно этот вопрос рассмотрен на примере государственной школы (К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин), которая обосновывала буржуазный путь развития России через конституционные преобразования сверху. Основные положения статьи имеют значение не только для историографии, но также для славянского языкознания и литературоведения.

В работе Е. П. Аксенвой «История народов Австрийской империи после революции 1848 г. в освещении русской революционно-демократической подцензурной периодики 50—60-х годов XIX в.» подробно рассказывается, как передовые русские журналы и газеты («Современник», «Русское слово», «Искра», «Будильник», «Очерки», «Современное слово» и др.) подвергали острой критике австрийские конституции, политику германизации, либерализм и утверждали необходимость революционной борьбы с абсолютизмом за социальное и национальное освобождение.

В. А. Дьяков и Е. К. Жигунов во введённой части своей статьи «Народническое направление в русской славяноведческой историографии и П. Л. Лавров» затронули вопрос о наличии революционно-демократического направления в русской славистической историографии. Действительно, без этого направления невозможно воссоздание полной картины развития данной отрасли знания. Теоретическая концепция революционно-демократического направления и соответствующие конкретные оценки, относящиеся к истории южных и западных славян, были изложены в журнале «Современник» Н. Г. Чернышевским и др. Однако это не исчерпывает проблемы и, на наш взгляд, требуются дальнейшие исследования, выходящие за пределы демократической периодики. Что же касается основной части работы В. А. Дьякова и Е. К. Жигунова, то в ней дан глубокий и всесторонний анализ взглядов А. И. Герцена, М. А. Бакунина, П. Н. Ткачёва и П. Л. Лаврова на всемирно-исторический процесс и его специфику в славянских странах. Тем самым существование народнического направления в славяноведческой историографии можно считать убедительно доказанным.

В работе М. А. Робинсона «Теоретические основы трудов русских историков-славяноведов начала XX в.» рассматриваются взгляды сторонников позитивизма — В. В. Новодворского, М. К. Любавского, Н. В. Ястребова и Ф. Ф. Зигеля — на методологию исторических исследований. Это интересно, но, учитывая характер сборника, было бы желательно более подробно осветить, как их теоретические воззрения преломлялись в конкретных исследованиях по истории славян.

Вяч. Вс. Иванов в статье «О становлении структурного метода в гуманитарных науках славянских стран и его развитие до 1939 г.» возводит формирование структурного подхода к языку и словесному искусству в славянских странах к деятельности И. А. Бодуэна де Куртене и Н. В. Крушевского. В работе рассматриваются идеи Е. Д. Поливанова, членов ОПОЯЗа, Московского и Пражского лингвистических кружков. Однако интересные наблюдения и параллели, проводимые автором, относятся не столько собственно к славистической историографии, сколько к истории языкознания вообще.

В работе А. Н. Горяинова «О подготовке славистических кадров в Ленин-

градском университете (1920-е годы)» тщательно прослеживается организация преподавания славистических дисциплин, а также освещается круг разрабатывавшихся в ЛГУ научных проблем. На большом архивном материале автор показал, как наука о славянах, преодолевая различные трудности, развивалась вширь и вглубь. Статья даёт много нового для историографии советского славяноведения.

М. Ю. Досталь в статье «Методологические вопросы истории славяноведения в чехословацкой и советской историографии последнего двадцатилетия» охарактеризовала состояние славянских историографических исследований в последние десятилетия и их методологические основы. В работе показано, как совместными усилиями советских и чехословацких учёных разрабатывалась методология славистической историографии. Её основными чертами являются взгляд на историю науки как на составную часть истории культуры, учёт внутренних закономерностей развития науки и идейно-политических факторов, контекста региональной, национальной и мировой науки, международных связей учёных, неравномерности развития славистических дисциплин. На основе этого было разработано комплексное понимание истории славяноведения, принципы периодизации, в определенной мере преодолена односторонность проблемного и биографического подхода. В разработке историографической методологии большую роль сыграли труды советских и чехословацких учёных.

В сборнике появился новый раздел — «Публикации», в котором представлена лекция идеолога русского народничества П. Л. Лаврова «Роль славян в истории мысли». Публикация подготовлена В. А. Дьяковым и Е. К. Жигуновым.

В целом рецензируемый сборник содержит серьезные исследования по славистической историографии, опирающиеся на большой фактический материал, в том числе архивный. Он интересен всем славистам и в первую очередь — историкам науки.

Смирнов С. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981.
2. Kubka F. Dobrovský a Rusko. Praha, 1926.
3. Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910.

Подготовленная к печати Институтом русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом) монография В. А. Кошелева является итогом многолетней работы автора по проблеме раннего славянофильства, в процессе которой им уже было подготовлено несколько публикаций [1—3].

Конкретная история славянофильского течения в русской литературе и общественной мысли до сих пор имеет существенные пробелы и чисто фактологические неясности. В то же время все большую актуальность приобретает вопрос общей объективно-критической оценки исторической роли славянофильства. Как отмечал Б. Ф. Егоров, «хотя фактическая сторона деятельности славянофилов изучена более или менее обстоятельно, об истоках и основах их мировоззрения до сих пор продолжается полемика» [4]. В эту полемику в новейшей литературе о славянофильстве включилась рецензируемая монография В. А. Кошелева.

В первом из ее четырех разделов рассматривается проблема общей оценки славянофильства и его культурно-исторической роли, освещается и оценивается современная научная литература по теме. Второй раздел посвящен изучению и характеристике эстетических взглядов славянофилов. В третьем разделе подробно анализируется важный эпизод литературно-общественной борьбы в России 40-х годов XIX в. — полемика вокруг «Мертвых душ» Н. В. Гоголя и славянофильская оценка этого эпохального произведения. В четвертом разделе, носящем наиболее обобщающий характер, исследуются взгляды славянофилов о путях развития русской литературы в целом. В книге В. А. Кошелева отведено особое место выявлению идеологической специфики русского славянофильства середины XIX в. в сравнении с аналогичными общественными течениями в литературе и общественной мысли других славянских народов. Автором прямо указаны принципиальные различия между данными культурными явлениями и процессами, выдвигающие именно русское славянофильство на видное место среди «самобытных» культурных течений в той или иной мере характерных для всех славянских стран.

В своей книге В. А. Кошелев отказывается от расширительных трактовок

понятия «русское славянофильство», сводя тем самым до минимума возможность исторических сопоставлений «московского славянофильства» 1840-х годов с позднейшим русским «неославянофильством» и панславизмом, а также и с более ранними идеологическими и культурными явлениями сходной идейно-политической окраски. В. А. Кошелев утверждает «невозможность проецировать позднейшие выводы и приобретения славянофильского учения на его раннее бытие», доказывая, что «в этом смысле славянофильство представляет собой пример школы „вне последователей“, движения эпохи, умершего вместе с эпохой» (с. 11). Такой подход нельзя назвать бесспорным, поскольку именно русское славянофильство 1840—1850-х годов оказало наиболее активное воздействие и на панславизм второй половины XIX в. (как в России, так и за ее пределами), и на религиозную философию, и на многие явления русской литературы и искусства последующих эпох. Но нельзя не согласиться, что точка зрения В. А. Кошелева, выражающая стремление к максимальной научной конкретности и историзму, обладает цельностью и имеет право на существование.

Представляет интерес тезис В. А. Кошелева об исключительной роли полемики в «бытовании» славянофильского кружка. В науке существуют два представления о славянофильстве — либо как о «партии», имевшей единую разработанную программу и своего «вождя» (на эту роль обычно выдвигается А. С. Хомяков), либо как о группе лиц, для которой характерно отсутствие какого бы то ни было идейного единства. В противоположность этим представлениям В. А. Кошелев утверждает, что «полемика составляла атмосферу бытия славянофильства: любая точка зрения предполагала противоположную, любой глашатай предполагал оппонента и любое мнение теряло смысл без учета противоположного». Как считает исследователь, «именно эта стихия явилась небывалым толчком в развитии славянофильства» (с. 29). Идейным центром, вокруг которого протекали славянофильские дискуссии, В. А. Кошелев считает идеи национальной самобытности и народности. Автор убедительно показывает, что славянофильство являлось течением оппозиционным по отношению к самодержавно-крепостническому строю,

ни в коей мере не совпадавшим с идеологией «официальной народности».

Проводимый В. А. Кошелевым развернутый анализ эстетических концепций славянофилов имеет своей целью доказать, что в конечном счете славянофильские идеи в области эстетики сводились к всесторонней разработке центрального в их учении принципа народности. В общем виде с этим выводом нельзя не согласиться. Важно только, думается, все же учитывать, что не одни славянофилы ставили в России середины XIX в. народность «во главу угла» своей общественно-литературной программы. Стержневое положение концепция народности искусства занимала и в мировоззрении В. Г. Белинского, отнюдь не находившегося под славянофильским влиянием. Поэтому вывод о приоритете славянофилов в борьбе за осуществление идеи народности в искусстве далеко не бесспорен.

Интересна и содержащая немало новых фактов характеристика В. А. Кошелевым историко-литературной концепции славянофилов, отмеченной резко выраженным негативизмом по отношению к русской литературе допушкинской поры и особенно — к литературе XVIII в., которая, как доказывали славянофилы, не опираясь на национальные традиции и поэтому — за отдельными исключениями — сводилась к подражанию европейским образцам.

Весьма подробен проводимый В. А. Кошелевым анализ отношения славянофилов к литературной современности. В книге наглядно показывается, что славянофилы смогли по достоинству оценить большинство выдающихся явлений русской литературы своей эпохи — творчество Гоголя и его «Мертвые души», «Записки охотника» И. С. Тургенева.

В конечном счете исследование В. А. Кошелева в целом подчинено задаче, четко сформулированной во вступлении к книге как «реконструкция» бытования славянофильства в середине прошлого столетия. Автор менее всего стремится произнести приговор славянофильским

концепциям, стараясь прежде всего разъяснить основные славянофильские постулаты. В итоге проведенного анализа В. А. Кошелев приходит к важному выводу, что «славянофильство было в целом последовательным стихийно-демократическим учением» [с. 189]. По мнению исследователя, славянофилы были «повинны» лишь в том, что масштабы поставленных ими вопросов «были настолько велики, а направления их деятельности — настолько разнообразны (философия, политика, история, экономика, социология, эстетика, критика), что им не удалось избежать неоправданной широты позиции, нечеткости, зыбкости отдельных выводов (с. 190). Безусловно, указание на «стихийно-демократические» черты славянофильства следует отметить как исследовательски смелое, однако, с нашей точки зрения, следовало вместе с тем подчеркнуть, что славянофильский «демократизм», если и действительно имел место, то далеко не всегда бывал исторически прогрессивен, апеллируя к патриархально-косному сознанию отсталого крестьянства.

В заключение необходимо отметить, что книга В. А. Кошелева, написанная ярко, использующая богатый и хорошо организованный фактический материал, содержащая оригинальные суждения и выводы, является важным вкладом в изучение русского славянофильства, занимающего видное место в движении славянских стран к национально-культурному самоопределению.

Носов С. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кошелев В. А. Новые работы о русском славянофильстве.— Русская литература, 1979, № 1.
2. Кошелев В. А. К. С. Аксаков. О современном стихотворстве в нашей литературе (Публикация В. А. Кошелева).— Русская литература, 1981, № 3.
3. Кошелев В. А. Общественно-литературная борьба в России 40-х годов XIX века. Вологда, 1982.
4. Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л., 1982, с. 35.

РАЙНХОЛЬД ОЛЕШ. Тезаурус древяно-полабского языка

Вышли три книги «Тезауруса древяно-полабского языка» Райнхольда Олеша, уже несколько лет с интересом ожидавшегося специалистами. Тезаурус публикуется как 42-й том серии «Славистических исследований» издательства «Бёлау», выходящих под редакцией Р. Олеша (в последнее время при содействии Х.-Б. Хардера и Х. Роте). Три книги Тезауруса имеют единую пагинацию и содержат основную часть словаря; четвертая книга будет содержать указатели, очень нужные в таком капитальном издании.

Тезаурус Олеша представляет собой полное собрание полабской лексики, дошедшей до нас в сохранившихся словарях и словарных записях, рукописях и их копиях. Как известно, еще в 1959—1967 гг. он осуществил издание полабских источников: факсимильно воспроизвел важнейший список словаря Христиана Хеннига [1], образцово издал составленный в конце XVIII в. на основании имевшихся тогда (и не полностью дошедших до нас) рукописей словарь Й. Х. Юглера [2], а также сохранившиеся в рукописном и печатном виде «малые источники» — словарики Пфеффингера, Домейера, Шульце, Копенгагенский словарик и так называемый словарик Анонима, словарные записи для Лейбница и для де Бокёра, записи молитв Митхофа, Бухгольца, совсем мелкие записки [3]. Для этого Олеш провел большую источниковедческую работу, отразившуюся в целой серии статей. В Тезаурус включена вся полабская лексика, имеющаяся в изданных Олешом источниках, и учтены разночтения, в том числе по разным спискам крупнейшего словаря полабского языка Хеннига, не издававшимся в полном виде. Принимая во внимание, что в одних случаях авторский оригинал до сих пор не обнаружен (как с записями Яна Парум Шульце, единственного из всех авторов, для кого полабский язык был родным), а в других случаях сохранилось несколько авторских списков (как со словарем Хеннига), представление в Тезаурусе всего материала записей, имеющегося в нашем распоряжении, следует приветствовать.

До изданий Олеша слависты, обращавшиеся к полабскому языковому материалу, приводили его обычно по собранию

П. Роста [4]. Издания Олеша были более точными, но, поскольку они не содержали сводного указателя или словаря, славистические работы, в которых использовался полабский материал, стали опираться на «Полабско-английский словарь» К. Полянского и Дж. Зенерта [5], в котором был собран и проэтимологизирован — путем указания дополабской (праславянской или западнославянской, что не различалось) реконструкции для исконной лексики, немецкого этимона для заимствований — практически весь лексический материал полабского языка. Главным недостатком словаря Полянского и Зенерта является, пожалуй, то, что хотя немецкие или французские (у Пфеффингера) эквиваленты полабских слов в нем воспроизведены с сохранением написаний источников, сами полабские слова даются только в транскрипции. Этим ограничивалась возможность критической проверки предлагаемой транскрипции, возможность иных прочтений. В «Этимологическом словаре языка полабских древян» Т. Лера-Сплавинского и К. Полянского [6] воспроизводятся написания опубликованных Ростом (а позже Олешом) источников, но этот словарь, начатый изданием еще в 1962 г., к 1976 г. был доведен лишь до буквы *f* (вып. 4) и больше пока не издается. В сомнительных случаях приходилось обращаться к первоисточникам, что для славистов, не специализировавшихся в области полабского языка, было затруднительно. Вот почему нужен был свод оригинальных написаний источников, позволяющий всегда опереться на твердую почву непосредственно засвидетельствованных написаний, имея возможность не только проверки транскрипции конкретных слов, неизбежно включившей элемент реконструкции, но и новой проработки вопроса о полабской фонетике и транскрипции.

Известно, что при общем сходстве транскрипций, предложенных в «Полабской грамматике» Т. Лера-Сплавинского [7] и в «Полабских исследованиях» Н. С. Трубецкого [8], между ними имелись некоторые различия не только внешнего, но, отчасти, и внутреннего плана. Внесенные К. Полянским изменения в ряде случаев оказались вполне приемлемыми, но отчасти (например, в связи с при-

вятием довольно большого числа случаев узкого *e*) транскрипции Т. Лера-Сплавинского и К. Полянского едва ли достаточно обоснованы: они учитывают не реальные написания, а абстрактные представления. Олеш, специально занявшийся полабской акцентуацией, предложил не только вполне вероятные закономерности ударения, но и некоторые новые прочтения. Так, в частности, он значительно ограничил использование в транскрипции знака *ǣ*, сузив его применение до случаев, когда у Хеннига имелось написание *oa* (и исключив большинство случаев, когда *ǣ* включался в систему транскрипции на основании представлений о рефлексации **ъ*, без учета написаний памятников). Думается, что публикация Тезауруса Олеша создает предпосылки для нового основательного рассмотрения вопроса о звуковом составе полабского языка, возможно, и для пересмотра некоторых традиционных концепций полабского вокализма. Предложенные им теперь трактовки целесообразно будет еще раз взвесить в ходе предстоящего системного анализа. А потому очень ценно, что Тезаурус включает транслитерацию всех оригинальных написаний полабского языкового материала.

Олеш не только воспроизвел оригинальные написания, но и взял их в качестве заглавных слов. Такой подход поставил перед составителем Тезауруса ряд вопросов. Прежде всего, надо было решить, какое из варьирующихся в памятниках написаний принять за заглавное. Поскольку, как известно, записи полабских слов и текстов производились не филологами, а скорее любителями, которые пользовались — причем не всегда последовательно — средствами немецкой графики и орфографии, поскольку все они, кроме Шульце, не владели активно полабским языком, — задача эта непростая. Олеш включил все имеющиеся в памятниках написания как заглавные слова, но многие из них имеют отсылочный характер: от них лишь делаются отсылки к основным статьям. За основу взяты первичные источники, причем в качестве заглавных слов предпочтение отдается «исходным» формам (например, форме именительного падежа мужского рода единственного числа для прилагательных, инфинитива для глаголов и т. п.), другие же формы берутся в качестве заглавных тогда, когда исходные в источниках не были представлены. Первенство при выборе основных заглавных слов отдавалось записям Хеннига как наиболее надежным,

вслед за тем брались формы, представленные в других источниках (в том же порядке, в котором представлены внутри статей примеры из разных источников). Разумеется, для не-полабистов такой, как, впрочем, и любой другой, способ представления заглавных слов чреват сложностями в поиске нужного слова. Во всяком случае, заинтересовавшись каким-то словом в первоисточнике, найти его в Тезаурусе легче, чем в словаре; но если написание неизвестно, то слово можно будет искать через указатель реконструкций-транскрипций, который, как и указатель немецких эквивалентов, будет помещен в четвертом томе.

Словарная статья полного (основного) типа строится в Тезаурусе Олеша следующим образом. После заглавного слова дается его немецкий (или французский) эквивалент в написании источника, приводится список источников (с указанием страниц и столбцов) с таким написанием и эквивалентом. Далее в том же абзаце приводятся варианты написания и эквиваленты с указанием источников. В завершение этой части статьи дается транскрипция-реконструкция полабского слова, его суммарный немецкий перевод, в котором учтены эквиваленты, приведенные в источниках, грамматическая характеристика полабского слова, его славянский (для исконной лексики) или немецкий (для заимствований) этимон; для исконных слов приводятся лехитские (в основном польские) и серболужицкие параллели. Далее указывается литература, в которой, с одной стороны, предложено, обосновано, модифицировано прочтение полабского слова, указан его источник, а с другой — содержится этимология праславянского слова; в основном это грамматики и словари полабского языка (Шлейхер, Рост, Лер-Сплавинский, Трубецкой, Полянский [9; 4; 7; 8; 6]), а также этимологические словари славянских языков. Менее последовательно учтены статьи, в которых обсуждались те или иные вопросы, связанные с рассматриваемым словом. Далее в словарной статье приводятся сочетания рассматриваемого слова, его неисходные формы с указанием вариантов написания, эквивалентами и вариантами эквивалентов, а также с указанием литературы, где предлагается или обосновывается принимаемое прочтение или же выдвигается альтернативное прочтение. В последнем случае Олеш обосновывает свое прочтение. В этой части даются довольно полно контексты, в которых употреблено слово.

в источниках. В конце статьи дается отсылка к статьям о приставочных и сложных словах, в которых второй компонент корреспондирует с данным словом, или, напротив, к простым словам, с которыми соотносится компонент данного приставочного или сложного слова.

Таким образом, в Тезаурусе отражен практически весь лингвистический материал полабского языка, дошедший до нас в записях XVII—XVIII вв. В соответствии с традицией в Тезаурус не включена местная топонимика славянского происхождения, поскольку она относится к иным временным рамкам и ее включение в Тезаурус нарушило бы синхронность языкового материала, а также внесло бы в него семантический разнобой. К сожалению, однако, в Тезаурус не попали и некоторые материалы, включение которых было бы желательным. Речь идет, в частности, об этнолингвистических пояснениях Хеннига к данным в его словаре переводам немецких слов на полабский язык. Так, в статье *Strák* (с. 1107—1108) объяснено, что этим словом обозначался кусок дерева, употреблявшийся вместо оселка, но не указано (по Хеннигу [1, S. 331]), что изготовлялся он из куска дуба, который покрывался вареной смазкой для повозок, посыпался песком, а затем высушивался. Вместо этого дается материал из нижненемецкого словаря о том, что слово, явившееся этимологией для рассматриваемого, обозначало продолговатую дощечку, обтянутую наждачной бумагой и предназначенную для точки кос. Сведения Хеннига о более примитивном, чем при помощи наждачной бумаги, способе изготовления оселка, конечно, интересней и уместней. Подобного рода более или менее существенные пропуски этнолингвистических данных можно отметить и в статьях: *Büsang* (94), *Cziöstge* (129), *Dansko* (146), *Dara* (147), *Gasaba* (283), *Görzonik* (333—334), *Krautzo* (466—467), *Moreinscheip* (609), *Rât* (864), *Tgârl* (1161—1163), *Tworse* (1259), *Wëzlnik* (1416), *Zopeitge* (1575) (ср. соответственно [1, S. 279, 336—337, 121, 204—205, 138—144, 117—120, 284—285, 258, 246, 323, 193—194, 349]).

В приложениях к третьему тому Тезауруса приведены материалы по отдельным словам, извлеченные из неполабистических публикаций (с. 1587—1594), а также списки вычеркнутых или исправленных слов из материалов Хеннига (рукопись НВ I), что позволяет точнее представить себе не только работу собирателя, но и звуковые и семантические особенности

соответствующих полабских слов (с. 1595—1615). Значительный интерес представляет собой и приложенный список немецких заглавных слов из программы Хеннига (рукопись НВ I), для которых не приведено полабских эквивалентов. Вероятно, по крайней мере для части этих слов Хенниг не обнаружил полабских соответствий из-за того, что они довольно идиоматичны (например, *allwo, abgefördert, gib Achtung*), и найти для них эквивалент непросто; другие слова касаются тех сторон жизни, которые едва ли были хорошо знакомы полабянам, в частности, некоторые названия, связанные с религией (*allerschändlichst, allervollkommenst*) и медициной (*Apothecke, Arzney*). Некоторые слова представлены в других полабских источниках (*Arzt — lekar, Fluß — reka*), но отсутствие некоторых слов любопытно. Так, например, в программе Хеннига приводится слово *Frucht* «плод», а в полабском материале нет рефлекса праславянского слова **plod*; у Хеннига находим *Kupifer* «медь» и *Messing* «бронза», а рефлекса праславянского **měđь* нет. Бесспорно, подробный анализ приложений к третьему тому позволит внести некоторые дополнения и поправки в наши представления о полабском лексиконе. Наиболее интересен тут, конечно, вопрос о том, что действительно было уже утрачено языком, который фиксировался в последние десятилетия своего бытия, в период упадка и вытеснения немецким языком, и о том, что просто не удалось обнаружить и зафиксировать составителю важнейшего полабского словаря-первоисточника. Можно подчеркнуть, что приведенный материал свидетельствует еще раз в пользу добросовестности и серьезности Хеннига как собирателя полабского лексического материала.

Тезаурус Олеша в ряде случаев дает уточненные сведения по уже известным полабским словам, новые прочтения (например, *Baitgirr* «кубок» предлагается читать *baítir*, а не *beit'ér*, как предлагали Лер-Славинский и Полянский [6]); иногда улучшенные этимологии (например, для *Bârwin* «водка» даны нижненемецкие соответствия, не отмеченные предшествующими исследователями, что позволяет уточнить исходную немецкую форму).

В крупном и капитальном издании, каким является Тезаурус Олеша, не удалось избежать некоторых, хотя и редких, промахов. Так, например, форму *brisein*, по-видимому, не следовало объединять в статье *Bresa* (с. 77—78), так как

это особое слово *brizaină* «березняк», а не форма слова *breză* «береза». При статье *Baut* «быть» на с. 39 приведено выражение *koosklack bomda-tok kăk bŭdē* «как-то будет». Не входя в обсуждение вопроса о точности предложенной транскрипции этого (вероятно, испорченного) написания, отметим, что ни под *koosklack*, ни под *Kak*, ни под *Kôk*, ни под *Tôk* цитата более не приводится, вопреки принятому правилу повторения материала на каждое составляющее его слово.

Можно было бы высказать некоторые замечания и по этимологической части Тезауруса. В статье *Balaya* «лохань» можно было бы ожидать польскую параллель *balia*, наличие которой (с учетом проникновения слова и в восточнославянские языки) допускает и не очень позднее (как указано в Тезаурусе) заимствование из немецкого. В статье *Albarga* «приют» не указано время и язык, в котором произошла диссимилиция в исходной немецкой форме *Herberge*; указание Лера-Славинского и Полянского на возможность влияния известного и в Германии итальянского *albergo* «гостиница» [6, с. 18] во всяком случае стоило привести, если автор и отрицает его.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что Тезаурус Райнхольда Олеша создает по-

ую прочную базу как для исследований по полабистике, так и для привлечения полабских материалов в славистических трудах. Следует пожелать автору успешного завершения его многолетнего труда — выхода справочного тома Тезауруса.

Супрун А. Е.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Olesch R. Vocabularium Venedicum von Christian Hennig von Jessen. Köln — Graz, 1959.*
2. *Olesch R. Juglers lüneburgisch-wendisches Wörterbuch. Köln — Graz, 1962.*
3. *Olesch R. Fontes lingvae dravaenopolabicae minores et Chronica venedica J. P. Schvltzii. Köln — Graz, 1967.*
4. *Rost P. Die Sprachreste der Draväno-Polaben im Hannöverschen. Leipzig, 1907.*
5. *Polański K., Sehnert J. A. Polabian-English Dictionary. The Hague — Paris, 1967.*
6. *Lehr-Splawinski T., Polański K. Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich. — Wrocław — Warszawa — Kraków. 1962—.*
7. *Lehr-Splawinski T. Gramatyka połabska. Lwów, 1929.*
8. *Trubetzkoy N. Polabische Studien. Wien — Leipzig, 1929.*
9. *Schleicher A. Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache. St. Petersburg, 1871.*

Słownik języka polskiego. Red. naukowy M. Szymczak. T. I—III. Warszawa, 1978—1981

Словарь польского языка

В 1981 г. в Варшаве вышел в свет последний, третий том нового толкового Словаря польского языка, подготовленного коллективом авторов; научный редактор словаря — проф. М. Шимчак¹. Публикация этого труда уже получила широкий отклик как в Польше, так и за ее пределами (см. [1, 2, 3] и др.) Учитывая важность предпринятого издания, а также развернувшуюся вокруг словаря дискуссию, стоит, как нам кажется, еще раз привлечь к нему внимание славистов.

Конечно, в короткой рецензии мы не ставим задачи всестороннего рассмотрения такого объемного лексикографического труда, как Сл. Шим. Мы пытаемся лишь определить его место в ряду других словарей польского языка, проана-

лизировать состав словаря и некоторые особенности структуры словарных статей (подача толкований и иллюстративного материала, грамматическая и этимологическая информация).

Рецензируемый словарь в целом опирается на сформировавшуюся в Польше лексикографическую традицию. Ее начало можно видеть в замечательном словаре Б. Линде (1807—1814), охватившем лексику XVI—XVIII вв. Лексика первой половины XIX в., не вошедшая в словарь Линде, нашла отражение в словаре, составленном А. Здановичем и др. (так называемый «Виленский словарь», 1860—1862). Важнейшая особенность этого словаря (впрочем, неполного) заключается в том, что в нем достаточно широко представлена не только литературная норма, но и разговорная речь (в частности, городская провинциальная). В 1900—1927 гг.

¹ Далее используется обозначение Сл. Шим.

в Варшаве был издан монументальный восьмитомный словарь, составленный Я. Карловичем, А. Крыньским и Вл. Недзвецким («Варшавский словарь»), охвативший период с XVI в. по вторую половину XIX в. включительно. В словарь включена наряду с литературной и диалектная лексика.

Новый этап польской лексикографии связан с одиннадцатитомным Словарем польского языка под редакцией проф. В. Дорошевского (1958—1969; далее — Сл. Дор.). В этот словарь, нормативный по характеру и построенный на достаточно единообразных принципах подачи толкований и грамматического комментария к фиксируемым словам, входит лексика второй половины XVIII — первой половины XX в. В 1968 г. был опубликован однотомный Малый словарь польского языка под редакцией С. Скорупки, созданный на базе картотеки Сл. Дор.

Как и в словарь Скорупки, в рецензируемый словарь не вошли многие устаревшие и малоупотребительные слова, зафиксированные в Сл. Дор. В то же время Сл. Шим. является важнейшим источником информации о новой польской лексике: здесь помещено около 30 000 новых слов и значений, возникших за 50—70-е годы (см. т. I, s. XI). Их соотношение с общим объемом словника (80 000 статей) красноречиво свидетельствует об актуальности предпринятого издания.

Сл. Шим. адресован широкому кругу читателей, в первую очередь — специалистам и лицам, не владеющим польским как родным. Этот словарь может служить настольным справочником для всех, кто интересуется современным литературным польским языком. Такая установка авторов обусловила отбор и подачу материала таким образом, чтобы обеспечить удобство пользования словарем и общедоступность помещенных в нем сведений. Это касается системы используемых условных обозначений и помет, а также морфологического комментария и иллюстративного материала, о чем подробнее см. ниже. Следует подчеркнуть, что к важнейшим достоинствам Сл. Шим. относится его компактность и информативность. Нужно также иметь в виду, что Сл. Дор., вышедший в свет почти 20 лет назад, практически недоступен для широкого пользования, так как с тех пор не переиздавался.

Сл. Шим. имеет нормативный характер: это обусловлено, во-первых, тем, что словарь выполнен в русле традиции, идущей от Сл. Дор., и, во-вторых, по-

вышенным интересом к культуре речи, характерным для современного польского общества. Ориентация на современную языковую норму определила состав словника Сл. Шим.: в него входит общеупотребительная лексика литературного языка, а также, в зависимости от того, применяются ли они в неспециальных областях, научно-технические и профессиональные термины, регионализмы, диалектизмы, проникшие в литературный язык, архаизмы, жаргонизмы и просторечные слова, которые подаются с соответствующими пометами.

Тем самым Сл. Шим. представляет традицию, типичную для большинства словарей современных литературных славянских языков, в первую очередь — восточно- и западнославянских. Признавая научную и практическую значимость нормативных словарей, можно, однако, пожалеть о том, что в польской и, шире, славянской лексикографической практике не укрепилась и другая традиция, идущая от XIX в., — традиция составления ненормативных словарей с максимальным охватом всех пластов лексики (ср., например, словари Даля, Котта, Линде, Варшавский и Виленский словари). Это во многом обогатило бы и облегчило изучение различных функциональных сфер современных славянских языков, а также их истории.

Какими же источниками пользовались авторы обсуждаемого словаря при отборе слов? Этот принципиальный вопрос, непосредственно связанный с нормативным характером Сл. Шим., заслуживает более подробного рассмотрения.

Работа над составлением Сл. Шим. велась на базе уникальной по объему и разнообразию источников картотеки Сл. Дор., насчитывающей несколько миллионов карточек. Новая лексика экцерпировалась из публицистической и художественной литературы, а также из прессы 70-х годов; в сфере терминологии важным источником были «опубликованные в последнее время специальные словари, лексиконы и энциклопедии». В области разговорной лексики авторы в определенной мере обращались к собственному чувству языка» (т. I, s. X). Использовались новейшие орфографические словари, словари иностранных слов и т. д.

К сожалению, библиография источников, из которых черпались сведения о новейшей лексике, в виде не приводится. Между тем в словаре, где значительную

часть общего объема составляет именно новая лексика, информация такого рода необходима, тем более, что, как показывает анализ современной польской печати, характер и частотность появления новых слов и значений различаются даже в таких смежных жанрах, как статьи, репортажи, фельетоны и проч. (см. [4]). Понятно, что еще сильнее различия между публицистикой, научной и художественной литературой. Остается неизвестным, насколько этот факт учитывался авторами словаря при выборе источников.

Как будет показано ниже, подавляющее большинство новых слов в Сл. Шим. составляет терминология, в то время как нейтральная и разговорная лексика представлена далеко не полно². По составу словника можно предполагать, что эксцерция проводилась прежде всего из научных, технических и различного рода профессиональных справочников, что было вызвано стремлением отразить в словаре интенсивное развитие ряда новых областей науки и техники.

Важнейшая характеристика *нового* словаря — то, какие *новые* слова он регистрирует. Сразу оговорим, что выделение неологизмов и неосемантизмов по материалам Сл. Шим. представляет некоторые трудности, поскольку эти слова не имеют каких-либо специальных помет. С другой стороны, заглавные слова не документированы цитатами (из собственной эксцерции или, соответственно, из картотеки Сл. Дор.), так что трудно сказать, где мы имеем дело с исправлением неточностей Сл. Дор. (т. е. вставлены случайно пропущенные слова), а где — с собственно новой лексикой. Следует ли считать неологизмами слова, образованные по продуктивным моделям и отсутствующие в Сл. Дор.? Слова *kabarecik, kaci, kałubowaty, kadziować, gadykalność*, например, образованы от зафиксированных в обоих словарях *kabaret, kat, kałub, kałź (kadziowy), gadykalny*. Аналогичным образом в Сл. Шим. представлено большое число глаголов, образованных при помощи высокопродуктивной вторичной приставки *po-* и не отмечаемых в Сл. Дор.: *ponabierać, poprzekłować, poprzekreślać, porozcierać, porozczepić, porozczesywać, porozdrabniać, powykręślać, pozanosić, pozlewać*. При этом мотивирующие на-

bierać, przekłować, przekreślać и т.д. находим в обоих словарях.

Среди многочисленных образований *-nie, -cie*, отсутствующих в Сл. Дор., имеем, например, *kantowanie, kapitanowanie, kapitulowanie, kamuflowanie*, производные от фиксируемых обоими словарями *kantować, kapitanować, kapitulować, kamuflować*. Последний случай осложняется еще и тем обстоятельством, что подача отглагольных существительных в Сл. Шим. и Сл. Дор. в принципе различна. В Сл. Дор. подобные слова приводятся выборочно в зависимости от их значения, в то время как в Сл. Шим. ограничения не ставятся. Поддерживая возможно более полное включение в словарь лексики, образованной по продуктивным моделям, мы не можем не отметить, что на основе сравнения словников Сл. Шим. и Сл. Дор. трудно делать выводы, касающиеся времени возникновения многих слов. Впрочем, трудности, с которыми сталкивается филолог, связаны с установкой словаря на массового читателя, для которого важен сам факт фиксации слова в словаре.

С большей определенностью можно судить о времени возникновения слов, денотаты которых предположительно появились или стали широко известными в последнее время. Их мы (весьма огрубленно) и считаем новообразованиями в первую очередь. Отметим, что в предисловии к рецензируемому словарю отсутствуют указания на принципы идентификации неологизмов, которыми пользовались составители (а выявление новой лексики по материалам словаря представляет объект самостоятельного исследования). Какой же характер имеют эти слова?

Представление об удельном весе в словаре новообразований различных типов можно получить путем сравнения фрагментов Сл. Шим. и Сл. Дор. В результате такого сравнения обоих словников в части слов на *k-* до *kas-* и на *g-* мы составили список неологизмов, в котором обширно представлена терминологическая и смежная с нею лексика. Ср. *kajerputowy, kalandra, kaledonidy, kalibrator, kamacyt, kameryzacja, kanarecznik, kanaryjski, kaodaista, kaodaizm, kaolian (gaolian), kapsiplast, kapsuła, karbamid, karbochemia, karbo-cykliczny, kardiostymulator, kardiowersja, karmidło, karting, kartografika, radiobiologiczny, radiofinizacyjny, radio-sekstans* и десятки других. Все приведенные выше слова даются с пометами, указывающими на ту область, где они

² Такая же позиция характеризует современное советское издание, специально посвященное неологизмам [5].

возникли и закрепились. В основном это заимствованная лексика, значительный пласт которой составляют гибридные образования с частями типа *kardio-*, *radio-*. Неологизмы этого типа отражают тенденцию к интернационализации лексики в современных литературных языках; правомерность ее широкого отражения в словаре обосновывается в предисловии (т. I, с. XIII).

В связи с фиксацией в Сл. Шим. терминологии возникает следующий вопрос: действительно ли это лишь та ее часть, которая получила широкое употребление в неспециальных стилях речи (т. I, с. X)? Добавим, что принципы включения в словарь терминологической лексики в предисловии не конкретизируются. В общем плане можно лишь приветствовать словарную фиксацию новых (пусть даже узкоспециальных) лексем, но при этом должна соблюдаться правильная пропорция и с другими стилями речи. В выявленном нами списке неологизмов нельзя не заметить отсутствия разговорной и бедности общеупотребительной лексики. Между тем в предисловии к словарю указывается, что «до сих пор в польской лексикографии отсутствует словарь, охватывающий живую современную лексику литературного языка как в его письменном, так и разговорном варианте. Эту задачу должен в значительной мере решить наш словарь» (т. I, с. IX).

С целью выявления того, как отражена разговорная лексика в Сл. Шим. мы обратились к словарю новых слов, помещенному в монографии А. Загородниковой «Новые слова и выражения в печати» ([4]; материалом послужила выборка из польской прессы конца 70-х годов, т. е. того периода, который охватывается и Сл. Шим.) Выяснилось, что из приблизительно 550 слов, начинающихся на буквы от а- до f-, в рецензируемом словаре отражено 47³: *agromeliogasyjny*, *anaboliczny*, *antyrokojowy*, *bantustan*, *bawełnopodobny* и др. Наибольшее число совпадений обнаруживается в области специальной и терминологической лексики. К сфере разговорного языка можно отнести единичные неологизмы и неосемантизмы: *bezguście*, *bombowy*, *chałturniczy*, *dacza*, *denny*, *fajka*, *fufajka*. Несомненно, что этот список может быть расширен десятками общеупотребительных слов, приводимых А. Загородниковой:

³ В словарь литературного языка, разумеется, не могли войти окказионализмы, малоупотребительные слова-цитаты и т. д.

anglojęzyczny, *bebechowy*, *bezdewizowiec*, *bezpaszportowy*, *decydent*⁴ *dolarowiec*, *domkowicz*, *frankojęzyczny* и проч.⁵ Для словаря польского языка это тем более актуально, что, как отмечалось, среди неологизмов послевоенного периода во всех основных славянских языках процент неспециальной лексики выше всего в польском языке [6].

Следует учитывать, однако, то обстоятельство, что разговорная лексика остается до сих пор наименее изученной. Лексикограф, составляющий нормативный словарь, сталкивается с тем большими трудностями. Приведем такой пример. В Сл. Шим. представлено широкоупотребительное прилагательное *bombowy* (без помет). В то же время А. Загородникова полагает, что его использование, как и мотивирующего *bomba*, обедняет язык [4, с. 227]. В последовательном нормативном словаре подобные слова должны быть снабжены соответствующими пометами (как «разг.» или «простореч.»), в относительно же полном объеме разговорная лексика может быть отражена только в ненормативном словаре. Это соображение еще раз говорит о том, что назрела потребность в создании и таких словарей.

Правда, ненормативный подход не снимает многих проблем, связанных с полной включением в словарь, например, слов одного лексико-семантического класса⁶. В Сл. Шим. находим словарную статью *adidasy* (без помет), однако наряду с этим отсутствуют, например, *lewisy* и *wranglery*, также представляющие собой названия предметов одежды, образованные от названия фирмы.

Наконец, последнее замечание относительно состава словника рецензируемого словаря: в ряде случаев не представлены в виде вокабул слова, использующиеся при толковании. Так, *rozradowanie* толкуется как «uczucie radości, rozweselenie» (т. III, с. 114), причем словарная статья *rozweselenie* отсутствует. Нет отдельной статьи *sfolgować*, хотя это слово употребляется в толковании

⁴ Это слово, очень употребительное в польской печати, отмечалось уже в «Орфографическом словаре» 1975 г. под ред. М. Шимчака и, очевидно, по ошибке не вошло в рецензируемый словарь.

⁵ В Сл. Шим. в свою очередь приводятся отдельные разговорные слова и значения, отсутствующие в [4]: ср. *konserwa* «партия консерваторов».

⁶ О решении, в частности, этой проблемы в Большом Оксфордском словаре см. [7].

porfolgować (t. II, s. 760). Недосмотры такого рода — следствие прямого переноса толкований из Сл. Дор. при одновременном сокращении словника по сравнению с последним.

В структуру словарной статьи в Сл. Шим. входит морфологическая, семантическая и стилистическая характеристика лексемы, а у заимствованных слов — орфоэпические и этимологические сведения. Синтаксическая информация содержится в иллюстративном материале.

В Сл. Шим. сохранены принципы толкования, принятые в Сл. Дор.: толкования даются в развернутом виде, а также при помощи лексических и словообразовательных синонимов, грамматических и функциональных характеристик. Толкования или прямо перенесены из Сл. Дор., или — что затрагивает прежде всего терминологическую и специальную лексику — отчасти модернизированы, ср. словарные статьи *kafar*, *kalejdoskop*, *kaligrafia*, *konwejer*, *rabat* и многие другие. Во многих случаях модернизация выражается в замене энциклопедической характеристики слова словарно-лингвистической, что связано с расширением сферы его функционирования. Например, *radiacja* толкуется в Сл. Дор. как «1. *хим. физ. метеор.* эмиссия атомами или частицами тепловой, а также электромагнитной энергии в виде световых, инфракрасных, ультрафиолетовых, рентгеновских, гамма лучей, радиоволн, радиолокационных волн и т. п.; также: эмиссия быстро движущихся элементарных частиц материи, 2. *зоол.* в эволюции органического мира: одновременное или почти одновременное развитие какого-либо вида во многих направлениях (...)» (t. VII, s. 787). В Сл. Шим. слову *radiacja* дается следующее краткое определение: «*физ.* испускание энергии в виде потоков лучей или электромагнитных волн; излучение» (t. III, s. 9).

В ряде случаев устранены неточности толкований Сл. Дор.: ср. *kabalistyka* «псевдофилософская спекуляция, основанная на кабале, ворожба; кабала и связанные с нею обряды» (Сл. Дор., t. III, s. 449) и «1. соборание мистических доктрин в иудаизме, основанных на кабале или связанных с нею, 2. гадание при помощи кабалы; ворожба» (Сл. Шим., t. I, s. 850). Слова *gabbi*, *gabi* и *gabin*, представленные в Сл. Дор. как лексические варианты со значением «глава иудейской религиозной общины», справедливо разведены в Сл. Шим. по разным словарным статьям. Уточнения такого

рода связаны прежде всего с экзотической лексикой (ср. также *kaful*, *kadi*, *kalif* и т.д.).

В том, что касается толкования неэнциклопедической лексики, рецензируемый словарь в некоторых моментах унаследовал недостатки Сл. Дор. В результате широкого использования синонимов неизбежно возникают ситуации, когда одно слово толкуется через другое, и наоборот. Такой замкнутый круг составляют, например, слова, обозначающие положительные эмоции: счастье, удовольствие, радость, веселье. Ср. *radość* «*uczucie wielkiego zadowolenia, wesołości, wesoły nastrój; uciecha, rozradowanie, szczęście*» (t. III, s. 13); *rozradowanie* «*uczucie radości, rozweselenie*» (t. III, s. 114); *szczęście* «*uczucie zadowolenia, upojenia, radości; szczęśliwość; to wszystko, co wywołuje ten stan*» (t. III, s. 401); *uciecha* «*uczucie wywołane pomyslnymi albo zabawnymi okolicznościami, czymś, co cieszy, bawi; radość, zadowolenie*» (t. III, s. 576); *wesołość* «*wesoły nastrój, dobry humor, rozradowanie; wesoła atmosfera, radość, beztroska, niefrasobliwość*» (t. III, s. 680); *zadowolenie* «*uczucie przyjemności doznawane z powodu tego, że się spełniły jakieś pragnienia, że się coś powiodło; satysfakcja*» (t. III, s. 900); *satysfakcja* «*uczucie przyjemności, zadowolenia (np. z dokonania czegoś)*» (t. III, s. 182).

Приведенные толкования почти дословно повторяют Сл. Дор. Сравнение слов одного лексико-семантического класса позволяют наблюдать отношения частичной синонимии, но не вскрывает существующих между ними различий (ср. еще критику подобных толкований в [1, p. 189—190]).

Конечно, этот недостаток свойствен и другим словарям, например, русского языка [8] (а в Словаре современного чешского языка [9] рассматриваемый способ толкования возведен в ранг ведущего принципа). Очевидно, только применение более точных методов описания лексического значения слова — таких, как компонентный анализ — позволит лексикографии выйти из создавшегося положения.

Морфологическая характеристика главных слов непосредственно в словарных статьях дается более подробно, чем в Сл. Дор. В частности, последовательно приводится родительный падеж единственного числа существительных мужского рода; там, где это необходимо, указывается преимущественное употребление

слова в единственном или множественном числе и т. д. (что облегчает пользование словарем для неспециалиста). Морфологическая характеристика приведена в соответствие с современными нормами. В то же время словарные статьи содержат и избыточную информацию. Так, например, существительные женского рода имеют в дательном и предложном падежах единственного числа регулярные окончания: их регистрация в каждой словарной статье вряд ли целесообразна.

В Сл. Шим. справедливо объединены в одной словарной статье члены видовых пар. Последовательность подачи глаголов, однако, произвольна. Так, имеются пары с первым глаголом совершенного вида, ср. *umarodować* — *umarodawiać*, *umarodować* — *umarodawiać*. С другой стороны, представлены пары с первым глаголом несовершенного вида, ср. *umuzycalniać* — *umuzycalnić*, *unicestwiał* — *unicestwić*, *umaoeczniać* — *umaoecznić*. Все глаголы в подобных парах образованы по одной и той же модели, в словаре они не имеют каких-либо специальных помет (например, не характеризуются как малоупотребительные). В связи с этим мы не видим, чему можно приписать изменения в последовательности глаголов, входящих в видовые пары.

Иллюстративный материал в Сл. Шим. подается в виде «наиболее характерных синтаксических сочетаний, относящихся к типичным внеязыковым ситуациям» (t. I, s. XI), что упрощает практическое пользование словарем и сокращает его объем (заметим, что этот принцип проведен здесь даже более последовательно, чем, например, в [8] или [9]).

Несколько слов хотелось бы сказать об этимологическом комментарии, помещенном в Сл. Шим. Стремясь к его краткости, составители словаря опускают некоторые немаловажные детали. Среди прочих в Сл. Шим. применяется обозначение <X> при заимствовании непосредственно из указанного в скобках языка, <zX> в тех случаях, когда наблюдаются расхождения в значении со словом-источником или же можно допустить, что заимствование было опосредованным, а также <XzY> при заимствовании через язык-посредник (t. I, s. XX). Однако для так называемых интернациональных слов,

вопреки принятому принципу, приводится как правило язык-источник без указания на языки-посредники: *autentyczny* <gr.>, *ekonomia* <gr.>, *eksploracja* <lc.>, *paragraf* <gr.> и т. д. Тем самым читатель получает ошибочную информацию о том, что подобные слова были заимствованы непосредственно и без изменения значения из греческого или латинского языков. Понятно, что в массе случаев установление языков-посредников представляется весьма сложной задачей; составители словаря, однако, зачастую пренебрегают даже той информацией, которая содержится в Сл. Дор. В иных случаях, наоборот, как непосредственный источник заимствования указывается действительный язык-посредник, как, например, русский язык для слова *gab* (старославянского происхождения).

Подчеркнем еще раз, что в большом числе случаев сделанные нами замечания касаются принципов составления целого ряда словарей, отражающих лексику современных литературных славянских языков. Некоторые из них, вероятно, могут быть учтены при возможном переиздании рецензируемого словаря, который, несомненно, представляет интересный новый вклад в польскую лексикографию.

Осипова М. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Gladney F. Y.* From Dictionaries.— *Journal of the Dictionary Society of North America*, 1982, № 4.
2. *Kucala M.* Rec. na «Słownik Języka polskiego» — *Język Polski*, LXIV, 1984, № 3.
3. *Skorupka St.* Rec. na: *Słownik języka polskiego*. Warszawa, 1983, z. 9.
4. *Zagrobnikowu A.* Nowe wyraży i wyrażenia w prasie. Kraków, 1982.
5. Новое в русской лексике. Словарные материалы. М., 1980—1982.
6. *Кизюкович А. А.* Производные транслитерации в составе словообразовательного гнезда.— В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования. Сборник научных статей. Ташкент, 1982.
7. *Burchfield R. W.* The Treatment of Controversial Vocabulary in the Oxford English Dictionary.— *Transactions of the Philological Society*, 1973 (1974).
8. Словарь русского языка. Ред. А. П. Евгеньева. М., 1981—1984.
9. *Słownik spisowného jazyka českého*. 4 d. Praha, 1960—1971.

XVI ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ СССР И ЧССР

12—14 ноября 1985 г. в Вильнюсе состоялось очередное заседание Комиссии историков СССР и ЧССР. Его тема — «Уроки второй мировой войны: борьба СССР и ЧССР против агрессивной политики империализма, за предотвращение новой войны». Заседание открыли сопредседатели Комиссии — академик АН УССР П. Т. Тронько и чл.-корр. ЧСАН И. Кремпя. С приветственным словом к собравшимся обратился президент Академии наук Литовской ССР академик Ю. К. Пожелла.

В работе Комиссии участвовали около 200 сотрудников научных учреждений Литовской академии наук — Института истории, Института философии, социологии и права, Института экономики, Института литовского языка и литературы.

Ученые, по существу, продолжили обсуждение темы «40-летие окончания второй мировой войны и победы над фашистской Германией», которой было посвящено предшествующее, XV, заседание Комиссии в Кошице (ЧССР) в 1984 г. Было заслушано 12 советских и 8 чехословацких докладов, в которых рассматривались социально-политические итоги и уроки второй мировой войны, вопросы послевоенного мирного урегулирования в современной идеологической борьбе, борьба СССР и ЧССР в защиту завоеваний социализма, против агрессивной политики империализма, за предотвращение новой войны и др.

С советской стороны доклады представили: д-р ист. наук А. О. Чубарьян (Ин-т всеобщей истории АН СССР) — «Послевоенное мирное урегулирование в современной идеологической борьбе»; д-р ист. наук А. И. Недорезов (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) — «Социалистическое сотрудничество как важнейший фактор сохранения мира»; д-р ист. наук С. И. Висков (Институт всеобщей истории АН СССР) — «СССР и ЧССР в борьбе за решение основных вопросов послевоенного мирного урегулирования»; д-р ист. наук В. В. Сухарев (Институт

истории партии при ЦК КП Украины) — «Борьба СССР и ЧССР против попыток пересмотра политических основ послевоенного устройства»; д-р ист. наук Р. Жешкайте (Институт истории АН Лит. ССР) — «Гитлеровская аннексия Чехословакии и внешняя политика буржуазной Литвы»; чл.-корр. АН Лит. ССР К. Навичкас (Институт истории АН Лит. ССР) — «Фашистская агрессия 1938—1939 гг. против Чехословакии и борьба литовских коммунистов за обеспечение безопасности Литвы»; канд. ист. наук Л. Б. Милякова (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) — «Провал агрессивных замыслов империализма в отношении социалистических стран в 50-е годы»; д-р ист. наук Ф. Г. Зуев (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) — «Успехи социалистического строительства в 50-е годы как важнейшая предпосылка поворота к политике разрядки в международных отношениях»; канд. ист. наук И. Ф. Селиванова (Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР) — «Идеологическая борьба по вопросам войны и мира в современных условиях»; д-р ист. наук А. И. Бабин, канд. ист. наук Г. Д. Мишустин (Институт военной истории АН СССР) — «Роль и значение Варшавского договора в сохранении мира»; канд. ист. наук А. Н. Таршилов (Институт истории АН Лит. ССР) — «Буржуазные фальсификации внешней политики СССР по проблеме послевоенного мирового устройства»; канд. ист. наук Ш. М. Абдуллаев (Ферганский государственный педагогический институт) — «Советско-чехословацкое экономическое и научное сотрудничество как фактор мира и международной безопасности (по материалам среднеазиатских республик)».

Чехословацкие ученые выступили с докладами: д-р ист. наук Ч. Аморт (Чехословацко-советский институт ЧСАН) — «Значение победы советских войск в сохранении существования чешского народа»; чл.-корр. ЧСАН С. Цамбел (Инсти-

гут исторических наук САН) — «Безопасность народов Чехословакии и политические партии после второй мировой войны»; д-р ист. наук В. Пеша (Институт чехословацкой и всеобщей истории ЧСАН) — «Социализм и мир»; д-р ист. наук М. Боучек (Институт марксизма-ленинизма ЦК КПЧ) — «Влияние второй мировой войны на общественное сознание чехословацкого народа»; канд. ист. наук В. Крехлер (Институт марксизма-ленинизма ЦК КПЧ) — «Сотрудничество и солидарность КПСС и КПЧ в годы второй мировой войны»; чл.-корр. ЧСАН Й. Бобок (Высшая политическая школа ЦК КПЧ) — «Внешняя политика ЧССР и уроки борьбы против фашизма»; канд. ист. наук Й. Жаткуляк (Институт исторических наук САН) — «Борьба с пережитками людацтва в Словакии после второй мировой войны». Был зачитан также включенный в программу доклад д-ра ист. наук А. Долейши (Чехословацко-советский Институт ЧСАН) — «Империализм и мировые войны». Кроме того, были представлены тексты докладов чехословацких историков Я. Слушного («Защита завоеваний социализма») и Я. Цесара («Пути национальной демократической революции»).

Подводя итоги заседания, сопредседатели Комиссии П. Т. Тронько и И. Кремпа отметили плодотворность работы Комиссии, содержательность прочитанных докладов. Была подчеркнута важность координации совместных усилий советских и чехословацких историков в дальнейшей разработке актуальных проблем истории, в борьбе против буржуазной идеологии.

На пленарном заседании Комиссии 13 ноября были заслушаны два доклада: канд. ист. наук В. Копейтко и д-ра ист. наук Ю. Кржижека (Институт чехословацкой и всеобщей истории ЧСАН) — «Чехословацкая историография за последние десять лет» и канд. ист. наук Н. Н. Жукаускене — «Сотрудничество высших учебных заведений Литовской ССР и Чехословакии в современных условиях». С информацией о работе XVI Международного конгресса исторических наук

в Штуттгарте (август 1985 г.) выступил заместитель председателя Национального комитета историков Советского Союза д-р ист. наук А. О. Чубарьян. Было также зачитано выступление по данному вопросу заместителя председателя Национального комитета историков ЧССР канд. ист. наук К. Германа. Академик П. Т. Тронько сообщил о проблематике X Международного съезда славистов (София, 1988).

В ходе обсуждения работы Комиссии выступавшие, отмечая ее большое значение для развития сотрудничества советских и чехословацких историков, обращали внимание на важность повышения эффективности и совершенствования ее деятельности. Были высказаны предложения о необходимости участия Комиссии в разработке планов двустороннего сотрудничества Академии наук СССР и ЧСАН в области истории, а также действенного контроля Комиссией хода выполнения совместных работ.

На пленарном заседании был утвержден план научных заседаний Комиссии на 1986—1990 гг., который включает следующие темы: Актуальные задачи исторической науки в свете решений XXVII съезда КПСС и XVII съезда КПЧ (1986 г., ЧССР); Историческое значение руководящей роли рабочего класса в социалистической революции и строительстве социализма; Марксизм-ленинизм — методологическая основа исторической науки (1987 г., СССР); Исторические традиции прогрессивных связей между народами Советского Союза и Чехословакии (1988 г., ЧССР); Роль социалистического содружества в решении проблем строительства социализма (к 40-летию СЭВ) (1989 г., СССР); Значение марксистско-ленинской исторической науки в патриотическом и интернациональном воспитании трудящихся (1990 г., ЧССР).

Учитывая научную и политическую значимость темы XVI заседания Комиссии было принято решение об опубликовании его материалов.

О работе Комиссии сообщалось в центральной литовской печати и по радио.

Воробьева Е.

14 марта 1985 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялись третьи Чтения памяти В. Д. Королюка совместно с 37-м заседанием Историографических чтений. Председательствовали д-ра ист. наук Г. Г. Литаврин и В. А. Дьяков; было прочитано 10 докладов.

В. А. Дьяков, открывший Чтения, в докладе «В. Д. Королюк — историограф славяноведения» отметил, что в большом и многообразном научном наследии В. Д. Королюка работы по славяноведению занимали видное место. Одним из первых советских ученых он определил предмет славистики как «совокупность научных дисциплин, изучающих историю, язык, а также литературу, шире — культуру славянских народов». Это определение до сих пор отражает мнение большинства советских славистов. Много важных соображений было высказано В. Д. Королюком по поводу соотношения страноведческих и сравнительно-исторических аспектов исследования, славяноведения и отечествоведения. До сих пор актуально в науке его мнение, что начало формирования славистики в России следует отнести к концу XVIII — началу XIX в. Оно было развито в последующих трудах по истории дореволюционного славяноведения, предпринятых в Институте. В. Д. Королюк подчеркивал то воздействие, которое оказывали на славяноведение сначала воззрения декабристов и революционных демократов, а позже — марксизм. Большое значение для развития науки своего времени имел его обзор «Советские историко-славистические исследования 1917—1967», где была намечена периодизация истории советского славяноведения, в общих чертах принятая и в настоящее время. Отдельные положения обзора естественно теперь требуют уточнений, в частности тезис о «доминирующей роли филологических исследований» в первый период развития славяноведения в СССР. Прекрасным образцом для подражания остаются творческие портреты видных советских славистов (В. И. Пичеты, И. С. Миллера и др.), а также рецензии на новейшие труды в области славяноведения.

Д-р ист. наук Е. П. Наумов в докладе «К истории советского славяноведения 40-х годов» остановился на одном из серьезных направлений исследований советских славистов тех лет — на раз-

работке истории раннефеодальных государств (в частности, труды В. И. Пичеты и В. Д. Королюка). По мнению Е. П. Наумова, они важны в историографическом плане, так как позволяют полнее представить формирование марксистской концепции становления первых классовых государств у южных и западных славян, а также в идеологическом и методологическом плане, чтобы противостоять буржуазной трактовке этих процессов. Показательны в этом отношении тезисы о появлении «просто» государств, без их классовой оценки, в зарубежной буржуазной историографии, а также в работах некоторых югославских авторов.

Канд. ист. наук А. Н. Горяинов в докладе «О судьбе славистической библиотеки М. П. и Н. М. Петровских» рассказал о своих поисках следов этой известной библиотеки казанских славистов. Она была завещана Казанскому университету и в начале 20-х годов находилась там в Кабинете славяноведения историко-филологического факультета, затем Факультета общественных наук. После закрытия последнего в 1922 г. она была передана Восточному пединституту. По ходатайству известного филолога-слависта А. М. Селищева в 1929 г. библиотека была перемещена в Лингвистический кабинет МГУ. В ней имелось до 12 тысяч книг. Представление о составе библиотеки дает «Инвентарная книга 2» (7 тыс. наименований) 1930 г., с которой автору удалось ознакомиться. После закрытия Славянского цикла в МГУ библиотека Петровских была перевезена Селищевым в образованный в Ленинграде в 1931 г. Институт славяноведения, с закрытием которого в 1934 г. книги были переданы в Библиотеку АН СССР в Ленинграде (далее БАН) и книжное собрание Петровских прекратило свое существование как единое целое. Отдельные книги библиотеки в качестве дублетов БАН попали впоследствии в Пушкинский дом, музей Н. А. Некрасова и др. В 1950 г. 1030 книг из собрания Петровских были переданы в Москву в Основной фонд ИНИОН для Института славяноведения АН СССР.

В докладе «О политических взглядах А. Н. Ясинского (1864—1933)», основываясь на оценках, данных известному русскому слависту коллегами, учеными либеральных взглядов Д. М. Петрушевским, Е. В. Тарле, В. Э. Грабарем и др.,

и некоторых фактах его биографии (участие или неучастие в политических акциях университетской профессуры), канд. ист. наук Ю. Ф. Иванов пытался доказать, что либерализм в научных оценках у А. Н. Ясинского сочетался с чрезвычайно консервативной общественной позицией в дореволюционный период его деятельности. Поэтому существующее в литературе мнение о А. Н. Ясинском как о либерале, по мнению Ю. Ф. Иванова, не соответствует действительности. Однако после Октябрьской революции, оставшись в России, ученый искренно стремился понять марксизм и «безусловно... отдавать свои знания народу».

В докладе канд. ист. наук А. И. Рогова «Отечественная историография русско-балканских культурных связей XV—XVII вв.» обращено внимание на отсутствие по данному вопросу обобщающих трудов, которые бы синтезировали усилия ученых, работающих в различных отраслях культуры. Требуется комплексного осмысления (в неразрывной связи с балканскими памятниками на Руси и русскими на Балканах) ряд ценных документальных материалов, выявленных в архивах отечественными историками А. Н. Муравьевым, Н. Ф. Каптеревым, С. К. Богоявленским. Из указанных памятников XV—XVII вв. лучше изучены литературные сочинения (прежде всего М. Н. Сперанским), произведения исторической мысли, например, Хронограф (А. Н. Попов, С. П. Розанов, Е. П. Наумов и др.). В области искусства пока сделаны лишь отдельные наблюдения и заключения (О. И. Подобедова, Г. В. Попов и др.). Решение всех этих проблем, по мнению А. И. Рогова, позволит не только полнее и всестороннее представить себе культурные взаимосвязи названных регионов, но и лучше понять внутренние проблемы культурного развития.

Д-р ист. наук Б. Н. Флоря всесторонне охарактеризовал коллективный труд польских ученых «История польской дипломатии» [1]. Он считает, что весьма высокой оценки заслуживают разделы, основанные частично на новом архивном материале, посвященные истории борьбы средневековой Польши с немецкими феодальными княжествами, а затем с Тевтонским орденом. В целом правильно воссоздаются сложные и противоречивые отношения между польским государством и папством в средние века. Вместе с тем Б. Н. Флоря отметил, что при общем высоком уровне труда в нем не в полной мере учтены результаты иссле-

дований, посвященных истории межгосударственных отношений Польши и Великого княжества Литовского в XIV—XVI вв. Докладчик указал также на неполное использование советской литературы по истории внешней политики русского государства в конце XV и XVI вв. и в связи с этим на наличие в соответствующих разделах книги ряда неточных оценок и фактических ошибок.

В докладе Г. Г. Литаврина «Новейшая литература об образовании Второго Болгарского царства» отмечено, что в последнее десятилетие особенно обострились споры по данной проблеме между марксистской и буржуазной историографией (греческой, французской и западногерманской) и обозначились некоторые дискуссионные и нерешенные вопросы в советской и болгарской историографии: 1) о причинах восстания 1185—1187 гг. Петра и Асеня против византийского господства, в результате которого и образовалось Второе Болгарское царство; 2) о характере этого восстания (народно-освободительное движение или мятеж болгарской знати, поддержанной половцами); 3) о ходе восстания и степени участия в нем кочевников, владов, русского отряда и пр. Все эти проблемы были особенно актуальны именно в 1985 г. в связи с тем, что болгарская наука и мировая прогрессивная научная общественность отмечала 800-летний юбилей образования Второго Болгарского царства.

Канд. ист. наук М. Ю. Досталь в докладе «Славистика в „Москвитяине“ (1841—1856)» говорила о назревшей необходимости изучать не только прогрессивные направления общественной мысли в России XIX в., но и консервативно-реакционные, что помогло бы представить более полную картину ее развития и вместе с тем дать более объективную оценку тесно связанной с ней русской славистической историографии. Журнал «Москвитяин», печатавший большое количество научных и публицистических статей по всем отраслям славяноведения и практически о всех славянских народах, по мнению автора, принадлежал к одному из идейных течений в лагере «официальной народности», которое можно определить как «центристское», среднее между «славянофильским» и «западническим» его крылом, а также между западниками и славянофилами. Такая позиция журнала отразилась на характере статей по славяноведению, которые отличались определенным внутренним единством. Свое наблюдение М. Ю. Досталь проиллюстриро-

вала на примере интерпретации в «Москвитянина» гуситского движения. В отличие от так называемой «славянской школы», сложившейся вокруг реакционного журнала «Маяк» (1840—1845), трактовавшей гусизм в основном как движение еретическое, и от сформировавшейся в конце 40-х годов славянофильской концепции гусизма как возвращения чехов к православным традициям авторы «Москвитянина» считали гуситское движение не только предшественником общеевропейской реформации, что соответствовало взглядам западников всех толков, но и вкладом славян в развитие общеевропейской культуры. В этом они были солидарны с современной им чешской буржуазной романтической историографией.

Проф. Л. П. Лаптева в докладе «Новая концепция гуситского движения в трудах современных чехословацких историков» отметила, что эта концепция была разработана в 70-е годы и заметно отличалась от трактовки движения историками-марксистами 40—60-х годов. Она основана на всестороннем и более глубоком исследовании гусизма, введении в научный оборот новых исторических источников, данных археологии, языкознания, истории права, литературы, искусства и военного дела. Суть новой концепции в том, что гусизм трактуется теперь не как «гуситское революционное движение», а как «гуситская революция», которая, однако, не носила характера «раннебуржуазной революции», а представляла собой особый тип революции в рамках феодальной формации. Существенно пересмотрены периодизация и рамки гуситского движения, доказывається, что оно завершилось не в 1434, а в 1471 г. По-новому освещаются предпосылки гуситского движения, отношения между чехами и немцами в его ходе, более глубоко проанализированы причины ликвидации революционно-плебейской коммуны гуситского Табора. Заграничные походы таборитской армии трактуются не только как «агитационные» с целью распространения гуситской революционной идеологии в Европе, но и как средство для поддержания боеспособной армии. Не преувеличивается теперь и значение международных откликов на гуситское движение. По-новому интерпретируются также итоги гуситского движения и другие вопросы. Л. П. Лаптева считает, что

в целом новая концепция гуситского движения, выдвинутая в труде «Обзор истории Чехословакии» [2], представляется достаточно убедительной за исключением некоторых не до конца проработанных вопросов; в связи с этим советская концепция гуситского движения также требует пересмотра.

Канд. ист. наук Г. П. Мельников в докладе «Основные проблемы развития Чехии в период позднего феодализма в освещении новейшей чехословацкой историографии» рассмотрел концепцию авторов 2-й книги I тома [3]. Он отметил, что авторы отказались от многих представлений о XVI веке как периоде стагнации и упадка городов, о XVII веке — как «эпохе тьмы», отвергли концепцию «второго издания крепостничества» в Чехии как ее специфического пути к капитализму, более объективно оценивают роль мануфактур в экономике страны. По-новому интерпретируется теперь восстание 1618—1620 гг. как восстание узко сословное и конфессионально ограниченное, а унификация государственных учреждений и германизация в рамках Австрийской монархии показаны как явления, вызванные объективной необходимостью. Г. П. Мельников полагает, что чехословацкие историки подошли к каждой из проблем диалектически, с позиций современной марксистской историографии, и потому советским коллегам необходимо учитывать результаты их исследований в своих работах.

Третьи Чтения памяти В. Д. Королюка, на наш взгляд, удачно объединили в себе несколько жанров историографических исследований: биографические, историко-научные и проблемно-критические. Почти все они так или иначе касались проблем славянского средневековья — главного предмета научной деятельности В. Д. Королюка, как бы продолжая традиции его научных исследований.

Досталь М. Ю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Historia dyplomacji polskiej. Połowa X—XX w., t. 1. Warszawa, 1980.
2. Přehled dějin Československa, d. I. č. 1 (do roku 1526). Praha, 1980.
3. Přehled dějin Československa, d. I, č. 2 (1526—1848). Praha, 1982.

№ - 17

В ОРДЕНКА 34/38-40

ТОЛСТОМУ И И

70891

Цена 1 р. 20 к.

Индекс 70891

В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА»

и имеются в продаже:

**Азбелев С. Н. ИСТОРИЗМ БЫЛИН И СПЕЦИФИКА ФОЛЬКЛОРА. 1982. 327 с.
1 р. 60 к.**

Книга посвящена одной из самых важных, сложных и спорных проблем фольклористики. Работа соединяет теоретическое и историческое осмысление проблемы, строится на богатом фольклорном и историческом материале, вводит много ранее не использованных данных. Исследуются трансформация сведений об исторических событиях с устной традиции и их отражение в былинах. Сравниваются сюжеты былин и южнославянских юнацких песен. Рассматривается своеобразие фольклорного творческого процесса. Приводятся графические схемы генетических связей былинных вариантов.

Издание рассчитано на фольклористов, историков, преподавателей вузов и всех интересующихся народным эпосом.

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ЭПОХУ ПЕРЕХОДА ОТ ФЕОДАЛИЗМА К КАПИТАЛИЗМУ. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ. 1977. 330 с. 2 р. 16 к.

В статьях, составивших сборник, комплексно исследуется процесс складывания национальных культур у славянских и балканских народов в период перехода от феодализма к капитализму (конец XVIII — 70-е годы XIX в.). Материал сгруппирован в трех основных разделах. В первый вошли статьи по методическим и общетеоретическим проблемам изучения идеологических, социально-политических и историко-культурных процессов, второй и третий посвящены в основном конкретным вопросам формирования национальных культур у народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

Книга предназначена для историков, литературоведов, этнографов, искусствоведов, лингвистов, преподавателей общественно-политических дисциплин, аспирантов и студентов гуманитарных вузов и факультетов.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

117192 Москва, Мичуринский проспект, 12;

197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7;

252030 Киев, ул. Пирогова, 4;

630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22.